22 декабря 1908 г. Печатать разрѣшается. И. д. Ректора С. Петероургской духовной академіи архимандритъ *Θеофанъ*.

Торжественная рѣчь премудрости

въ книгѣ Іисуса сына Сирахова.

ПРЕМУДРОСТЬ является въ книгѣ Сираховой, какъ и въ каноническихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, руководящимъ началомъ дѣятельности человѣческой, направляющимъ ее къ добру, къ исполненію закона Божія, къ жизни въ страхѣ Божіемъ, т. е. въ благочестіи. Поэтому въ учительныхъ св. книгахъ говорится о премудрости двояко: то она является свойствомъ человѣческимъ, какъ бы высшимъ разумомъ, — поскольку именно ею руководится человѣкъ въ своихъ поступкахъ; то она представляется Божественнымъ свойствомъ, поскольку она ниспосылается человѣку свыше, отъ Бога. Изображая Премудрость Божественную, священные писатели неоднократно олицетворяютъ ее, описываютъ ее такими чертами, какія могутъ относиться только къ Премудрости Ипостасной, къ Богу-Слову, Сыну Божію, Участнику творенія Божія и Искупителю міра. Такимъ описаніемъ начинается книга сына Сирахова; еще рельефнѣе Божественныя свойства Премудрости олицетворенной выступаютъ въ 24 главѣ книги, которою начинается ея вторая часть. Здѣсь приводится торжественная рѣчь Премудрости, которая возвѣщаетъ людямъ о своемъ премірномъ отношеніи къ Богу, объ участіи въ твореніи и промышленіи Божіемъ и объ особомъ попеченіи Ея объ избранномъ народѣ. Рѣчь Премудрости заканчивается приглашеніемъ стремиться къ ней, и самъ авторъ обѣщаетъ помочь въ этомъ стремленіи всѣмъ, кто пожелаетъ учиться у него.

Торжественная рѣчь премудрости и приглашеніе стремиться къ ней (Сир. 24, 1–37).

Глава 24, 1. Премудрость восхваляетъ сама себя
и среди народа своего славится;
2. въ церкви Вышняго она открываетъ уста свои
и предъ воинствомъ Его прославляется.
3. «Я вышла изъ устъ Всевышняго,
и какъ туманъ, покрыла землю;
4. я поставила шатеръ *свой* на высотѣ,
и престолъ мой—на столпѣ облачномъ.
5. Я одна обошла *весь* кругъ небесный
и ходила по глубинамъ бездны;
6. волнами морскими, и всею землею,
и всѣми народами и языками я владѣла.
7. У всѣхъ ихъ я искала *себѣ* жилища:
въ чьемъ бы наслѣдіи мнѣ водвориться?
8. Тогда заповѣдалъ мнѣ Творецъ всего,
и создавшій меня назначилъ мнѣ жилище,
9. и сказалъ: поселись въ Іаковѣ
и въ Израилѣ получи удѣлъ свой!
10. Прежде вѣка, вначалѣ Онъ создалъ меня,
и до вѣка я не скончаюсь.
11. Я служила предъ Нимъ въ святой скиніи
и затѣмъ я утвердилась въ Сіонѣ;
12. въ возлюбленномъ городѣ *Своемъ* Онъ поселилъ меня,
и въ Іерусалимѣ владѣніе мое;
13. я укоренилась въ прославленномъ народѣ,
въ удѣлѣ Господнемъ и въ наслѣдіи Его.
14. Я поднялась, какъ кедръ на Ливанѣ,
и какъ дикая маслина на горахъ Хермонскихъ;
15. я поднялась, какъ пальма въ Енгеди,
и какъ олеандръ въ Іерихонѣ;
16. какъ прекрасная маслина въ долинѣ,
и какъ платанъ близъ воды, я выросла.
17. Какъ корица и благовонный корень, я издала запахъ,
и какъ отборная смирна, я распространила благоуханіе;
18. какъ халвана, и ониксъ, и стакти,
и какъ дымъ ладана въ скиніи.

19. Я, какъ теревинѳъ, распростерла вѣтви свои,
и вѣтви мои—вѣтви славы и благодати;
20. я, какъ виноградъ, произрастила красоту,
и цвѣты мои даютъ плодъ славы и богатства.
21. Приступите ко мнѣ, желающіе меня,
и насытьтесь отъ плодовъ моихъ:
22. ибо размышленіе обо мнѣ—слаще меда,
и обладаніе мною—*слаще* медоваго сота;
23. вкушающіе меня снова захотятъ,
и пьющіе меня возжаждутъ снова;
24. слушающій меня не постыдится,
и трудящіеся для меня не согрѣшатъ».

* * *

25. Все это *относится* къ книгѣ завѣта Вышняго,
26. къ закону, данному Моисеемъ въ наслѣдіе сонму Іакова.
27. Онъ полонъ премудростію, какъ Пишонъ,
и какъ Тигръ во дни новыхъ плодовъ:
28. онъ изливаетъ разумъ, какъ Евфратъ,
и какъ Іорданъ во дни жатвы;
29. онъ изобилуетъ ученіемъ, какъ Нилъ,
и какъ Гихонъ во дни сбора плодовъ.
30. Ни первый не достигъ совершеннаго знанія *премудрости*,
ни послѣдній не изслѣдуетъ ея,
31. потому что мысли ея полнѣе моря,
и разумъ ея *глубже* великой бездны.

* * *

32. А я—какъ каналъ изъ рѣки,
и какъ водопроводъ, проведенный въ садъ.
33. Я сказалъ: «полью огородъ мой
и напою *водою* гряды мои».
34. И вотъ каналъ сталъ у меня рѣкою,
и рѣка моя стала моремъ!
35. Я и еще изолью наставленія, какъ утреннюю зарю,
и проявлю ихъ до дальнихъ *краевъ*;
36. и еще я пролью ученіе, какъ пророчество,
и оставлю его въ роды вѣчные.
37. Видите, что я трудился не для себя одного,
но для всѣхъ, ищущихъ премудрости.

* * *

24-я глава представляетъ собою одушевленную рѣчь въ похвалу премудрости, по содержанію подобную тѣмъ притчамъ, какими начинается книга бенъ-Сира (1, 1—20). Поэтому можно считать, что этою главой начинается вторая часть книги (ср. 35—36 стихи). Здѣсь прежде всего въ уста самой премудрости влагается рѣчь о себѣ (подобно 4, 16—22), съ приглашеніемъ приступить къ ней и насладиться ея дарами (24, 1—24); затѣмъ авторъ объясняетъ, что премудрость, основавъ свое пребываніе въ народѣ еврейскомъ, проявилась главнымъ образомъ въ законѣ Моисеевомъ (ст. 25—29). Премудрость въ своей полнотѣ недоступна человѣку (ст. 30—31), но и въ той мѣрѣ, въ какой авторъ почерпнулъ ея для себя, вполнѣ достаточно не только для него самого, но и для того, чтобы въ составленныхъ имъ притчахъ сообщить ее всѣмъ, желающимъ научиться (ст. 32—37). Такимъ образомъ, въ отличіе отъ остального содержанія книги бенъ-Сира, за нѣкоторыми подобными же исключеніями, 24 глава представляетъ собою отдѣлъ, въ которомъ содержится одна общая мысль, проводимая въ строгой послѣдовательности, въ тѣсно связанныхъ между собою притчахъ. Изложенныя здѣсь мысли о премудрости неоднократно повторяются, по частямъ, въ книгѣ Сираховой (напр., 1, 1—20, 4, 12—22, 14, 21—15, 10, 51, 18—30 и др.) и близко напоминаютъ то, что сказано о премудрости въ Прит. 8—9 главахъ. Неудивительно, что 24 глава книги бенъ-Сира привлекала къ себѣ особое вниманіе ученыхъ; нѣкоторые изъ нихъ дали опыты обратнаго переложенія ея на еврейскій языкъ [1]).

1—2. Два первые стиха содержатъ вступленіе къ дальнѣйшей рѣчи премудрости. Сл.: „Премудрость похвалитъ душу свою и посредѣ людей своихъ восхвалится; Въ церкви Вышняго отверзетъ уста своя, и прямо силѣ Его восхвалится“, — далѣе и приводятся тѣ хвалебныя слова, какія влагаетъ авторъ въ уста премудрости, по образцу Прит. 8, 4—36 и др. Передъ первымъ стихомъ, въ качествѣ заглавія, въ большинствѣ списковъ Гр. (кромѣ 23, 106, 157, 253, Cpl., Сир.-екз.) читаются слова: „похвала премудрости“.

[1]) Такой обратный переводъ 24 главы на еврейскій языкъ, сдѣланный *Rob. Lowth*'омъ, приведенъ у *O. Fritzsche*, Kurzg. exeg. Handbuch zu Apokryphen, V, S. 134—136; самъ Фрицше, независимо отъ *Lowth*'а, сдѣлалъ переводъ этой главы и варіанты своего перевода помѣстилъ подъ строкой тамъ же, ср. S. 124.

Вмѣсто „посредѣ людей своихъ“ въ Спр. читается: „среди народа Божія“: смыслъ остается тотъ же, такъ какъ народомъ своимъ премудрость называетъ здѣсь народъ Божій, еврейскій, среди котораго она обитаетъ (см. ст. 9). Тотъ же еврейскій народъ называется далѣе (ст. 2) „церковью“, т. е. собраніемъ „Вышняго“, и „воинствомъ Его“, точнѣе „силою Его“, какъ и въ Сл.: „прямо силѣ Его“, — войско очень часто въ Библіи называется „силою“ (ср. Исх. 14, 28, 15, 4, 4 Ц. 18, 17, 1 Пар. 21, 2 и др.). Едва ли можно видѣть здѣсь указаніе на „силы небесныя“, т. е. ангеловъ, передъ которыми премудрость держитъ свою рѣчь: этому противорѣчитъ контекстъ, въ которомъ говорится о народѣ еврейскомъ, и во всякомъ случаѣ наименованіе „народъ ея“ или „народъ Всевышняго“ не подходитъ къ воинству небесному. Въ Лат. эти два стиха переданы съ обычными прибавками, а послѣ нихъ имѣется большая вставка. „Премудрость восхвалитъ душу свою и въ Богѣ будетъ славиться, и среди народа своего прославится; и въ церквахъ Всевышняго откроетъ уста свои, и въ присутствіи силы Его будетъ славиться,

и среди народа своего будетъ превозноситься,
и въ полнотѣ святой будетъ возбуждать удивленіе;
и во множествѣ избранныхъ будетъ имѣть похвалу,
и между благословенными будетъ благословенна,
говоря“...

3—4. Олицетворенная премудрость въ своей рѣчи описываетъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, проявленіе своей дѣятельности въ мірѣ, съ самаго начала его творенія. „Я вышла изъ устъ Всевышняго“, — здѣсь рѣчь не объ изначальномъ происхожденіи премудрости, такъ какъ говорится: „и съ Нимъ она во вѣкъ“ (1, 1), а о проявленіи ея по отношенію къ міру: она, какъ творческое слово Божіе (Бт. 1, 3), вышла изъ устъ Всевышняго, „и какъ туманъ, покрыла землю“. Какъ туманъ покрываетъ всю землю, насколько видитъ глазъ, такъ и премудрость Божія при твореніи міра проникала всюду, ничто не совершалось помимо воли Божіей, вопреки Его творческому плану; возможно, что авторъ имѣлъ здѣсь въ виду слова бытописателя: „и тма верху бездны, и Духъ Божій ношашеся верху воды“ (Бт. 1, 2). По сотвореніи міра, Господь не покинулъ его безъ Своего промыслительнаго воздѣйствія; премудрость Божія съ высоты небесной

слѣдила за всѣмъ, происходившимъ въ мірѣ, и направляла все къ благой цѣли: „я поставила шатеръ *свой* на высотѣ“, чтобы оттуда непрестанно взирать на землю, „и престолъ мой на столпѣ облачномъ“. Упоминаніе о столпѣ облачномъ вызвано развитіемъ образа тумана, который поднимается отъ земли къ небу, и едва ли здѣсь разумѣется облачный столпъ, шедшій впереди израильтянъ при ихъ странствованіи,—хотя Филонъ видитъ въ этомъ столпѣ именно премудрость Божію [1]); сущность этого образа—въ томъ, что столпъ облачный доходитъ до небесъ, параллельно выраженію „на высотѣ“ въ первой части стиха. Сл.: „Азъ изъ устъ Вышняго изыдохъ, и яко мгла покрыхъ землю. Азъ на высокихъ вселихся и престолъ мой на (Остр.: въ) столпѣ облачнѣ“. Здѣсь „вселихся“ передаетъ Гр. κατεσκήνωσα, „поставила шатеръ“ (Рус. „поставила скинію“), что указываетъ на временное поселеніе, такъ какъ далѣе говорится о вселеніи премудрости среди народа еврейскаго (ст. 9). Сир. вмѣсто „на высокихъ“ ставитъ: „на высочайшихъ высотахъ“, а вмѣсто „вселихся“—„расположила мое жилище“. Лат. прибавляетъ: „всю“ землю, а между первою и второю половинами 3 стиха вставляетъ:

„перворожденная прежде всякой твари,
я сдѣлала на небесахъ, чтобы взошелъ свѣтъ незаходимый“.

5—7. Божественная премудрость проникаетъ собою всѣ творенія Божіи, разлита по всей вселенной и сообщена всѣмъ людямъ (ср. 1, 9—10). „Я одна обошла *весь* кругъ небесный и ходила по глубинамъ бездны“; т. е. одна премудрость, и никто больше, обнимаетъ собою весь міръ, начиная съ высоты неба и кончая глубиною подземной бездны; „волнами морскими, и всею землею, и всѣми народами и языками я владѣла“, ей подчинены море и суша, со всѣми ихъ обитателями. „У всѣхъ ихъ“, т. е. народовъ, „я искала себѣ жилища: въ чьемъ бы наслѣдіи мнѣ водвориться?“ Доселѣ, въ стихахъ 5—6, премудрость разсматривалась, какъ божественное свойство, проявляющееся въ твореніи и промышленіи, въ 7 же стихѣ говорится о премудрости, сообщенной людямъ, именно—о божественномъ откровеніи, которое дано

[1]) Quis rerum div. haeres § 42, Philonis Al. Opera quae supersunt, ed. *Leop. Cohn et P. Wendland*, Vol. III, Berolini 1898, p. 46.

было избранному Богомъ еврейскому народу (см. ст. 8—9). Возможно, что именно эта притча бенъ-Сира дала мысль позднѣйшимъ евреямъ утверждать, что законъ Божій былъ предложенъ первоначально всѣмъ народамъ, но отвергнутъ ими и принятъ только народомъ еврейскимъ на Синаѣ (Абода Зара 2b, въ концѣ) [1]). Сл.: „Кругъ небесный обыдохъ едина, и во глубинѣ бездны походихъ; Волну морскую и всю землю, и вся люди и языки стяжахъ (Остр.: въ волнѣ морьстеи и въ всей земли и въ всѣхъ людехъ и языцѣ стяжахся); Со всѣми сими покоя взыскахъ, и въ наслѣдіи чіемъ (Остр.: нѣкоего) водворюся?“ Сир. неточно передаетъ первую половину 5 стиха: „на небѣ я жила вмѣстѣ съ Нимъ“, а 6 стихъ читаетъ: „надъ источниками моря и надъ основаніями вселенной, и надъ всѣми народами и языками я господствовала“. Несомнѣнно, и Гр. и Сл. „стяжахъ“ имѣетъ здѣсь то же значеніе: „владѣла“,—Гр. не совсѣмъ точно передалъ значеніе Евр. глагола; въ S* вмѣсто ἐκτησάμην поправлено: ἠγησάμην. „Со всѣми сими“—также неточная передача Евр. предлога, Сир. и Лат.: „и во всѣхъ этихъ“,—у всѣхъ этихъ народовъ. „Покоя“ — буквальная передача Евр. *мэнӯха̂*, которое можетъ означать и „мѣсто покоя“, жилище, какъ и русское „покой“ въ смыслѣ комнаты; ср. Пс. 131, 14: „сей покой мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ и“. Вторая половина 7 стиха представляетъ собою прямой вопросъ, обращенный премудростію къ самой себѣ или къ Богу; Сл.-др. „нѣкоего“ неправильно передаетъ Гр. τίνος „кого?“ или „чьемъ?“ Лат. вмѣсто „во глубинѣ бездны походихъ“ читаетъ: „я проникла въ глубину бездны“, вмѣсто „всю землю“—„я стала на всей землѣ“; послѣ 6 стиха прибавляетъ:

„и сердца всѣхъ высокихъ и низкихъ я покорила доблестію“;

въ 7 же стихѣ вмѣсто „чіемъ“ ставитъ „Господнемъ“.

8—9. Самъ Господь заповѣдалъ премудрости поселиться въ народѣ еврейскомъ: здѣсь разумѣется, какъ увидимъ ниже (ст. 25—26), законъ Божій, данный избранному народу и представляющій чистое отраженіе премудрости, такъ что человѣкъ, изучающій и исполняющій его, усвоитъ себѣ премудрость. Сл.: „Тогда заповѣда ми Создатель всѣхъ, и создавый мя препокои скинію мою, и рече (Остр.: ми): Во Іаковѣ все-

[1]) См. *V. Ryssel* in *Kautzsch'* Apokryphen I, S. 353.

лися, и во Израили наслѣдствуй". Сл. и Гр. „препокои скинію мою"—буквальный переводъ Евр. глагола הנית, который можетъ означать и „сдѣлалъ спокойнымъ", и „поставилъ, положилъ",—здѣсь умѣстнѣе послѣднее значеніе, какъ параллельное глаголу „заповѣдалъ" въ первой части: „положилъ мнѣ жилище", т. е. „назначилъ", какъ и въ Сир.—Сл. и Гр. „наслѣдствуй" означаетъ здѣсь: „получи удѣлъ" для поселенія; Сир. неточно: „будь утверждена". Гр. гл. (248, Cpl.) вмѣсто „во Израили" ошибочно ставитъ: „въ Іерусалимѣ". Лат. послѣ „заповѣда" прибавляетъ: „и сказалъ мнѣ", вмѣсто „препокои скинію мою" читаетъ: „упокоился въ скиніи моей", а послѣ „наслѣдствуй" ставитъ (ср. ст. 13):

„и въ избранныхъ моихъ пусти корни".

10—13. Въ народѣ израильскомъ премудрость основала себѣ жилище на вѣки: „прежде вѣка, вначалѣ Онъ создалъ меня, и до вѣка я не скончаюсь"; первое полустишіе, повторяющее мысль 1, 4 и Прит. 8, 22—25, поставлено здѣсь только для того, чтобы сильнѣе оттѣнить мысль второго полустишія о томъ, что премудрость останется до вѣка,—разумѣется, по контексту,—среди народа израильскаго, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Авторъ, конечно, не имѣетъ въ виду будущаго отверженія народа еврейскаго, не принявшаго Мессію,—это выходитъ изъ предѣловъ его созерцанія. Такъ какъ премудрость для избраннаго народа проявилась въ данномъ ему Богомъ законѣ, а законъ этотъ точно устанавливалъ формы богослуженія, то понятно, почему премудрость далѣе заявляетъ: „я служила предъ Нимъ", т. е. предъ Господомъ, „въ святой скиніи и затѣмъ я утвердилась въ Сіонѣ"; именно премудрость, какъ установленный Богомъ законъ, руководила богослуженіемъ, совершавшимся сначала въ скиніи, а потомъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. Въ этомъ „возлюбленномъ" Господомъ городѣ и въ „прославленномъ" Имъ народѣ, „въ удѣлѣ Господнемъ и въ наслѣдіи Его" (ср. 17, 15), премудрость и „укоренилась", основала свое постоянное пребываніе. Сл.: „Прежде вѣка изъ начала (Остр.: исперва) созда мя, и даже (въ Остр. „даже" нѣтъ) до вѣка не оскудѣю. Въ скиніи святѣй предъ Нимъ послужихъ, и тако въ Сіонѣ утвердихся; Во градѣ возлюбленномъ такожде мя препокои, и во Іерусалимѣ власть моя; И укоренихся въ людехъ прославленныхъ (Остр.: преславныхъ), въ части Господни наслѣдія Его". Сир. передаетъ 10 стихъ свободно: „прежде вѣковъ я

сотворена, и во вѣки вѣковъ не прекратится память обо мнѣ", Лат.: „отъ начала и прежде вѣковъ я сотворена, и даже до будущаго вѣка не скончаюсь",—Гр., повидимому, точнѣе передаетъ Евр. подлинникъ. Вмѣсто Гр. и Сл. „тако" въ 11 стихѣ Сир. читаетъ: „снова, далѣе",—вѣроятно, здѣсь и нужно видѣть указаніе на преемственность по времени: „затѣмъ, потомъ". Вмѣсто „возлюбленномъ" Гр. гл. (248, Cpl.), Лат. и Эо. читаютъ неточно: „освященномъ", а вмѣсто „мя препокои", т. е. „поселилъ" (какъ въ 8 стихѣ), Сир., Лат. и Эѳ. ставятъ: „я упокоилась". Гр. и Сл. „власть моя" передаютъ, вѣроятно, Евр. *мемшалтй* „владѣніе мое", какъ и въ Сир. Вмѣсто „укоренихся" Сир. передаетъ свободно: „я выросла". Сл. „въ части Господни наслѣдія Его" буквально передаетъ Гр., гдѣ „наслѣдія" зависитъ, повидимому, отъ „части": „часть наслѣдія"; но въ Эо. переводится: „и въ Его наслѣдіи", а въ Сир.: „и среди наслѣдія Его Израиля",—отсюда можно заключить, что слѣдуетъ читать: „и въ наслѣдіи Его". Лат. имѣетъ: „и въ части Бога моего наслѣдіе Его", а затѣмъ прибавляетъ:

„и въ полнотѣ святыхъ удержаніе мое",

т. е. „промедленіе, жительство мое", по объясненію латинскихъ комментаторовъ [1]).

14—16. Премудрость нашла себѣ прекрасную почву въ народѣ еврейскомъ и выросла въ немъ могучимъ деревомъ. Сл.: „Яко кедръ вознесохся въ Ливанѣ, и яко кипарисъ на горахъ Аермонскихъ; Яко финиксъ возвысихся на брезѣхъ (Остр.: иже на приморіи), и яко садъ шипковый во Іерихонѣ; Яко маслина благолѣпна на поли, и вознесохся яко яворъ (Остр.: яко лѣторасль)". Разумѣется, здѣсь, какъ и далѣе, премудрый обходитъ молчаніемъ тѣ случаи, когда народъ еврейскій оказывался непослушнымъ волѣ Божіей и нарушалъ свой законъ, за что и потерпѣлъ ужасныя наказанія. Такое же сравненіе съ красивыми и могучими деревьями употребляется и въ 50 главѣ, гдѣ говорится о славѣ первосвященника Симона (стихи 8, 11, 14); тамъ вмѣсто Гр. и Сл. „кипарисъ" читается въ Евр. „масличное дерево", *ѣец шемен*,—разумѣется дикая маслина, которая называется такъ и въ 3 Ц. 6, 23, 31, 33, Ис. 41, 19, Неем. 8, 15; LXX вездѣ (кромѣ 3 Ц. 6, 31—33)

[1]) См. *Jos. Knabenbauer* S. J., Commentarius in Eccli. in „Cursus Scr.S." Parisiis 1902, p. 266.

передаютъ это наименованіе словомъ „кипарисъ“, какъ и здѣсь Гр. Такъ какъ Сир. читаетъ и здѣсь „дерево масличное“, то слѣдуетъ поставить, вмѣсто Сл. „кипарисъ“,—„дикая маслина“. Горы Хермонскія (въ Сл. Библіи Аермонъ или Ермонъ), составляющія южный отрогъ Антиливана, назывались еще Сениромъ (*сэнйр*) и Сіономъ (*сй'он*,—Іерусалимскій Сіонъ называется *цййон*),—первое имя и стоитъ здѣсь въ Сир.: „на Сенирѣ, горѣ снѣжной“, а въ Лат.—второе: „на горѣ Сіонъ“. Сл. и Гр. „финиксъ“ здѣсь обозначаетъ пальму, а „на брезѣхъ“, т. е. на берегахъ, передаетъ обычное Гр. чтеніе ἐν αἰγιαλοῖς; но въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто послѣдняго слова читается: „въ Галгалахъ“ (106), „и въ вѣтвяхъ“ (κλάδοις 23), „въ Енгадахъ“ (S*, 253, 296, 308). „въ Гадди“ (253, Cpl.,—такъ и въ Геннадіевской Библіи: „въ гадди“), „въ *ѣен-гад*“ въ Сир. и Сир.-екз., „въ Кадесѣ“ Лат. Согласно съ Сир. и нѣкоторыми Гр. списками нужно полагать, что здѣсь стояло названіе мѣстности Енгеди (Рус. Енгадди), въ пустынѣ іудейской, на западномъ берегу Мертваго моря; эта мѣстность была извѣстна обиліемъ пальмъ. „Яко садъ шипковый во Іерихонѣ“, т. е. какъ садъ розъ; кромѣ этого мѣста книги бенъ-Спра, а также 39, 16, 50, 8 и Прем. 2, 8, нигдѣ въ Библіи не встрѣчается названія розы, и повидимому, этотъ цвѣтокъ не былъ извѣстенъ ни въ древней Палестинѣ, ни въ Египтѣ [1]). Въ Сир. здѣсь стоитъ „розовая ива“, т. е. олеандръ,—растеніе, произрастающее на берегахъ Іордана; поэтому правильнѣе и здѣсь принять Сир. чтеніе: „какъ олеандръ въ Іерихонѣ“. Гр. и Сл. „маслина благолѣпна“ передаетъ, вѣроятно, Евр. *кэзайт раъанан* въ 50, 11, т. е. „густозеленая“, прекрасная; Сир. вмѣсто этого прилагательнаго повторяетъ глаголъ „поднялась“. Сл. „на поли“ (248, Cpl. прибавляютъ: „цвѣтущемъ), какъ и въ Гр. и Сир., или „на равнинѣ“, указываетъ на долину, такъ какъ именно въ долинахъ растутъ лучшія пальмы. „Яко яворъ“, или „платанъ“—часто встрѣчающееся на Востокѣ дерево; Гр. гл. (70, 157, 248, Cpl.), Лат. и Сир. прибавляютъ: „при водѣ“,—такъ стояло, вѣроятно, и въ первоначальномъ текстѣ, подобно остальнымъ полустишіямъ, гдѣ послѣ названія дерева слѣдуетъ указаніе мѣста. Лат.: „близъ воды на площадяхъ“,—in plateis получилось ошибочно вмѣсто ὡς πλάτανος „какъ платанъ“.

[1]) См. *Ed. C. Aug. Riehm*, Handwörterbuch des Bibl. Alterthums, II B., Bielefeld u. Leipzig 1884, S. 1302—1303.

17—20. Послѣ рѣчи о томъ, какъ укоренилось и разрослось дерево премудрости въ народѣ еврейскомъ, далѣе говорится, какія благодѣянія оно разливало вокругъ себя. Премудрость сравниваетъ себя съ пахучими веществами, распространяющими пріятный запахъ, съ вѣтвистымъ теревинѳомъ, широко раскинувшимъ свои вѣтви, и съ виноградомъ, дающимъ прекрасный напитокъ. Сл.: „Якоже корица и яко аспалаѳъ (Остр.: испалтъ) ароматовъ дахъ воню, и яко смирна избранна издахъ благоуханіе; Яко халвани, и оникъ (Остр.: и ноготы), и стакти (Генадіевская Библія: попелъ), и яко ливаново куреніе въ скиніи. Азъ яко теревинѳъ (Остр.: дубъ) распростохъ вѣтвія моя, и вѣтви моя вѣтви славы и благодати; Азъ яко виноградъ прорастихъ благодать, и цвѣти мои плодъ славы и богатства“. Въ 17 стихѣ перечисляются нѣкоторыя вещества, изъ которыхъ составлялось священное помазаніе: „и ты возми ароматы, цвѣтъ смирны избранныя,—и киннамома благовонна,—и трости благовонныя,—и касіи,—и єлеа отъ маслинъ“, Исх. 30, 23—24, а въ 18 стихѣ указываются вещества, употреблявшіяся, по закону, для составленія благоуханнаго куренія въ скиніи: „и рече Господь къ Моисею: возми себѣ ароматы, стакти, ониха, и халвана благовонна, и ливана чистаго“ Исх. 30, 34. Корица, Гр. κιννάμωμον,—благовонная кора растенія, употреблявшаяся въ древности для составленія ароматовъ, а нынѣ въ качествѣ пряности. „Аспалаѳъ“ въ Библіи нигдѣ болѣе не упоминается; по Плинію, онъ получался изъ корней небольшого дерева или кустарника и употреблялся для составленія благовонной мази [1]). Сл. „ароматовъ“, какъ и Гр., слѣдуетъ относить къ „аспалаоъ“: ароматный аспалаѳъ, или „благовонный корень“; Сир. неточно: „благовонное куреніе“; Лат.: „бальзамъ ароматный“. „Смирна избранна“, какъ и въ Исх. 30, 23,—отборная смирна или мирра (Евр. *мор*), вытекающая сама собою изъ миррового дерева и составляющая драгоцѣнное ароматическое вещество. Слова „дахъ воню“ опущены въ Гр. гл. (23, 248, 253, Cpl., Сир.-екз.) и Сир., но они подтверждаются здѣсь синонимичными словами во второй половинѣ стиха: „издахъ благоуханіе“. Халвана (Евр. *хелбэна́*)—сокъ растенія, ростущаго въ Сиріи, имѣющій сильный запахъ; оникъ (Евр. *шэхелет*), съ Гр. буквально „копыто“, какъ и

[1]) См. *O. Fritzsche*, Kurzg. exeg. Handbuch zu Apokryphen, V. S. 129.

Остр.: „ноготы“,—сплавъ изъ нѣкоторыхъ морскихъ раковинъ, при куреніи издающій пріятный запахъ; стакти (Евр. *натаф*)—благовонная смола. Составъ изъ всѣхъ этихъ веществъ и употреблялся для кажденія въ скиніи, Сл. „ливаново куреніе“, т. е. кажденіе ладаномъ. Сир. неточно: „и какъ куреніе и халвана, и оникъ (*тферо'* „копыто“, какъ и Гр.), и бальзамъ, и какъ лучшая мазь, я издала благовоніе мое“. Въ 19 стихѣ вмѣсто Сл. и Гр. „теревинѳъ“,—величественное дерево, часто встрѣчающееся въ Палестинѣ,—Сир. читаетъ *рδδδафно'*, т. е. олеандръ; но первое чтеніе здѣсь вѣрнѣе, такъ какъ олеандръ не можетъ быть предметомъ сравненія, когда рѣчь идетъ о ширинѣ и красотѣ вѣтвей, какъ здѣсь, теревинѳъ же вполнѣ пригоденъ для этого. Вмѣсто „вѣтви“ Сир. читаетъ неправильно „корни“, а вмѣсто „благодати“—„чести“. Вѣтви славы и благодати—т. е. приносящія славу и благодать всѣмъ, пользующимся ими, какъ вѣтвями теревинѳа пользуются для защиты отъ зноя и непогоды. Вмѣсто „прорастихъ (В, 308 „прорастившая“) благодать“ Гр. гл. читаетъ: „произрастила благоуханіе“ (248, Cpl.), а Сир.: „я прекрасна красотою“; видимо, словомъ „благодать“ Гр. передалъ Евр. *йофй* „красоту“,—разумѣются прекрасныя, сочныя вѣтви виноградa. „Цвѣти мои — плодъ“, т. е. „суть плодъ“, или по смыслу: „цвѣты мои *даютъ* плодъ славы и богатства“, приносятъ славу и богатство Сир.: „и вѣтви мои суть вѣтви блеска и великолѣпія“.

Гр. гл. (70, 248, Cpl.) послѣ 20 стиха имѣетъ длинную прибавку:

„я—мать прекрасной (или доброй) любви,
и страха, и знанія, и святой надежды;
даю же (это) всѣмъ дѣтямъ моимъ,
вѣчная—тѣмъ, кто наречены Имъ“.

Послѣдняя притча читается очень неисправно, и трудно передать ее вѣрно; Р. 59 переводитъ: „я даю всѣмъ моимъ дѣтямъ, собирающимъ отъ него (отъ моихъ плодовъ, ст. 20) всегдашнее бытіе“. Въ Лат. 18 стихъ читается съ прибавками: „и какъ стираксъ (благовонная смола), и халвана, и оникъ (буквально: копыто), и мирра (буквально: капля), и какъ ливанъ не вырѣзанный (Лат. ошибочно читалъ ἄτομος „не разрѣзанный“ вмѣсто ἀτμίς „дымъ“), я наполнила запахомъ обиталище мое,

и какъ бальзамъ не смѣшанный—запахъ мой“.

Во второй половинѣ 19 стиха Лат., какъ и Гр. 23, 248, 253, Cpl., Сир.-екз., опускаетъ вторичное „вѣтви“: „и вѣтви мои—славы и благодати“, въ 20-мъ вмѣсто „благодать“ читаетъ „пріятность запаха“, а вмѣсто „богатства“—„честности“. Затѣмъ въ Лат. приводится первая притча изъ выше приведенной вставки Гр. гл., а вмѣсто второй притчи читается:

„во мнѣ благодать всякаго пути (иначе: жизни) и истины,
во мнѣ вся надежда жизни и добродѣтели“.

21—24. Свою рѣчь премудрость заканчиваетъ призывомъ ко всѣмъ, желающимъ получить ее, чтобы они приступили къ ней и насладились тѣми благами, какія она даетъ (ср. 6, 21—32). Обладаніе премудростью, даже размышленіе о ней слаще меда, кто разъ отвѣдалъ ея, тотъ всегда захочетъ ея, а кто слушается ея и поступаетъ по ея завѣтамъ, тотъ никогда не постыдится и не согрѣшитъ. Сл.: „Приступите ко мнѣ желающіи (Остр.: вожделѣющіи) мене и отъ плодовъ (Остр.: житъ) моихъ насытитеся: Память бо моя сладка паче меда, и наслѣдіе мое паче сота медвена. Ядущіи мя еще взалчутъ, и піющіи мя еще вжаждутся; Слушаяй мене не посрамится, и дѣлающіи у мене не согрѣшатъ“. Передъ словомъ „желающіи“ Гр. S, Сир. и Лат. прибавляютъ „всѣ“, а къ словамъ „отъ плодовъ моихъ“ Сир. прибавляетъ опредѣленіе „добрыхъ“, — эти прибавленія, конечно, не имѣли соотвѣтствія въ подлинникѣ. „Память моя“ — т. е. „воспоминаніе“ или „памятованіе обо мнѣ“, или свободнѣе „размышленіе обо мнѣ“, Сир. невѣрно: „ученіе мое“; также и „наслѣдіе мое“ значитъ „обладаніе мною“, что̀ Сир. передаетъ свободно: „и наслѣдующимъ меня—*слаще* сота“. Вмѣсто „сота медвена“ Гр. A и Лат. читаютъ „меда и сока“, а другіе „воскового меда“ (κηροῦ „воска“ вмѣсто κηρίου „сота“ B, 308); то же сравненіе дано и въ Пс. 18, 11: „судбы Господни—слаждшя паче меда и сота“, и въ Пр. 16, 24: „сотове медовніи словеса добрая, сладость же ихъ исцѣленіе души“. Въ 23 стихѣ суть сравненія въ томъ, что отвѣдавшіе премудрости снова захотятъ ея, какъ отвѣдавшій хорошей пищи или питья снова захочетъ ихъ; совсѣмъ иное значеніе получаетъ тотъ же образъ въ словахъ Іисуса Христа: „грядый ко Мнѣ не имать взалкатися, и вѣруяй въ Мя не имать вжаждатися никогдаже“ (Іо. 6, 35),—здѣсь имѣется въ виду полное насыщеніе ученіемъ Христовымъ, которое становится въ человѣкѣ „источникомъ воды, текущія въ животъ вѣч-

вый“ (Іо. 4, 13). Послѣ „не посрамится“ Гр. гл. (248, Cpl.) прибавляетъ: „совершенно“, а Сир. вмѣсто этого глагола ставитъ: „не падетъ“. Вторая часть стиха въ Сир. читается: „и всѣ дѣла его не уничтожатся“,—вѣроятно, Гр. вѣрнѣе передаетъ здѣсь подлинникъ, такъ какъ „дѣлающіи у мене“, точнѣе „во мнѣ“, по сравненію съ параллельнымъ выраженіемъ „слушающій меня“, означаетъ „трудящіеся для меня“, или „работающіе на меня“, т. е. въ своей дѣятельности руководящіеся завѣтами премудрости, исполняющіе ея требованія. Лат. въ 22 стихѣ вмѣсто „память“ ставитъ „духъ“, а послѣ этого стиха вставляетъ:

„память моя въ роды вѣковъ“;

точно также и послѣ 24 стиха въ Лат. имѣется прибавка:

„которые изъясняютъ меня, будутъ имѣть жизнь вѣчную“.

25—26. Послѣ рѣчи премудрости авторъ отъ себя заявляетъ, что „все это“, сказанное раньше, относится „къ книгѣ завѣта Вышняго, къ закону, данному Моисеемъ въ наслѣдіе сонму Іакова“, буквально: „все это—книга,—законъ“. Премудрость, основавъ свое постоянное обитаніе въ народѣ еврейскомъ, нашла себѣ выраженіе въ законѣ, даннымъ ему Богомъ, такъ что все, сказанное о себѣ премудростью, можно приложить къ закону Моисееву. Сл.: „Сія вся книга завѣта Бога вышняго, Законъ, егоже заповѣда Моисей, наслѣдіе сонмомъ Іаковлимъ (Остр.: наслѣдія събора Іаковля)“. Сир. передаетъ нѣсколько свободно: „все это написано въ книгѣ завѣта Господня: законъ, который заповѣдалъ намъ Моисей, есть наслѣдіе для общества Іакова“. Здѣсь вмѣсто „Бога Вышняго“ читается только „Господа“, что соотвѣтствуетъ, вѣроятно, Евр. имени „Вышняго“ (ср. 7, 9). Вторая половина притчи (ст. 26) взята буквально изъ Вт. 33, 4: „и прія отъ словесъ Его законъ, егоже заповѣда намъ Моисей, наслѣдіе сонму Іаковлю“. Въ Сл., какъ и въ Гр. В, 308, не читается мѣстоименія „намъ“, въ другихъ же Гр. спискахъ, какъ и въ Сир., оно имѣется, а въ нѣкоторыхъ читается ошибочно „вамъ“ (23, 106, 157, 296); вѣроятно, и „намъ“ внесено здѣсь изъ приведеннаго мѣста Второзаконія. Вмѣсто Сл. и Гр. множественнаго числа „сонмомъ“ правильнѣе читать здѣсь вмѣстѣ съ Сир. „сонму“, какъ и во Вт.,—разумѣются не отдѣльныя общины, а весь народъ еврейскій. Въ Лат. и Гр. гл. имѣются обширныя прибавки къ этому стиху.

Лат. переводитъ его такъ: „все это—книга жизни, и завѣтъ Всевышняго, и познаніе истины. Законъ заповѣдалъ Моисей въ заповѣдяхъ оправданій, и наслѣдіе дому Іакова и Израилю обѣтованія;

Онъ положилъ Давиду отроку Своему, что отъ него возстанетъ царь,
весьма сильный и сидящій на престолѣ славы во вѣкъ".

А въ Гр. гл. (70, 248, Cpl.) послѣ словъ: „сонмомъ Іаковлимъ" читается:

„не переставайте укрѣпляться во Господѣ,
но прилѣпляйтесь къ Нему, чтобы Онъ укрѣпилъ васъ.
Господь Вседержитель есть единый Богъ,
и нѣтъ еще Спасителя кромѣ Его".

27—29. Законъ Божій, данный Израилю, весь полонъ премудростію, какъ многоводныя рѣки полны водою во время разлива. Для сравненія берутся четыре рѣки, поименованныя въ Бт. 2, 11—14, какъ протекавшія въ раю: Гихонъ, Пишонъ, Тигръ и Евфратъ, и двѣ другія, наиболѣе извѣстныя евреямъ: Іорданъ и Нилъ. Какъ время половодья, указываются „дни новыхъ плодовъ", т. е. весенній мѣсяцъ Нисанъ, „мѣсяцъ новыхъ плодовъ" (Исх. 13, 4, 23, 15, 34, 18, Вт. 16, 1), затѣмъ—„дни жатвы" (съ половины апрѣля до половины іюня), когда обычно поднималась вода въ Іорданѣ (Іис. Н. 3, 15), и „дни сбора плодовъ", т. е. винограда,—осенью, когда бываетъ половодье Нила. Сл.: „Насыщая яко Фисонъ премудростью, и яко Тигръ во дни новоплодій (Остр.: въ день красы); исполняяй яко Евфратъ разума, и якоже Іорданъ во днехъ жатвы; являяй (Остр.: явивый) яко свѣтъ наказаніе, и якоже Гіонъ во дни объиманія (Остр.: иманія) вина". Сл. и Гр. „насыщая", повидимому, неправильно передалъ страдательное значеніе Евр. глагола, сохраненное въ Сир.: „онъ насыщенъ, полонъ"; но подлежащее подразумѣвается здѣсь не „сонмъ", какъ въ Сир., а „законъ". Гр. гл. (248, Cpl.) старается исправить Гр. чтеніе: „насыщающій все премудростію своею". Сл. „во дни новоплодій" правильно передаетъ Гр. „новыхъ",—разумѣется,—плодовъ; Сир. неточно: „во дни плодовъ своихъ". Сл.-др. свободно: „въ день красы". Вмѣсто Гр. и Сл. „исполняяй" слѣдуетъ предпочесть Сир. „изли-

ваетъ",—имѣется въ виду рѣка, выходящая изъ береговъ. Сир. вмѣсто „во днехъ жатвы" неправильно ставитъ во „дни Нисана",—это болѣе подходило бы въ 27 стихѣ. Давно уже замѣчено, что Гр. „яко свѣтъ" въ 29 стихѣ покоится на неправильномъ чтеніи כאור „какъ свѣтъ" вмѣсто כיאר „какъ рѣка",—такъ читается и въ Сир.,—при чемъ подъ „рѣкою" разумѣется Нилъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Библіи, напр.: „и взыдетъ яко рѣка скончаніе ея, и снидетъ якоже рѣка Египетская" Ам. 8, 8, 9, 5. Подъ вліяніемъ этой ошибки поставленъ и глаголъ „являяй яко свѣтъ",—въ Сир. правильнѣе: „онъ изобилуетъ". Послѣ „наказаніе" Гр. гл. (248, Cpl.) прибавляетъ: „вѣдѣнія", а передъ „якоже" вставляетъ „и" (248, 254, Cpl. и Сл.): въ остальныхъ спискахъ этого союза нѣтъ; на этомъ основаніи думаютъ, что бенъ-Сира отожествляетъ здѣсь Нилъ и Гихонъ, какъ и LXX въ Іер. 2, 18 имя „Шихоръ", семитское названіе рѣки Нила, передали именемъ „Гихонъ": „что тебѣ и пути Египетскому, еже пити воду Геонскую" [1]); но повидимому, здѣсь, какъ и въ 27—28 стихахъ, слѣдуетъ видѣть указаніе на двѣ разныя рѣки, Нилъ и Гихонъ, и восполнить опущенный въ Гр. союзъ „и". Лат. 28b читаетъ: „который умножаетъ какъ Іорданъ во время жатвы", вмѣсто „являяй" читаетъ: „который посылаетъ", а въ 29b ставитъ: „и предстоящій какъ Гихонъ въ день собиранія винограда".

30—31. Отъ закона, какъ отраженія премудрости, мысль автора снова обращается къ ней самой; онъ заявляетъ, что никто не можетъ всецѣло постигнуть премудрость, такъ какъ она неизслѣдима (ср. 1, 2—3). Сл.: „Не сконча первый уразумѣти ея, такожде и послѣдній не изслѣди ея: Ибо паче моря (Остр.: отъ моря бо) умножися размышленіе ея и совѣтъ ея паче (Остр.: отъ) бездны велія". Ни первый, кто началъ изслѣдовать премудрость, ни послѣдній, кто за это возмется, не въ состояніи вполнѣ усвоить ее. Само собою очевидно, что эти слова относятся къ неизслѣдимой премудрости Божіей,—какъ свидѣтельствуютъ и древніе переводы,—а не къ закону Божію, данному людямъ для исполненія, хотя бы и ни одинъ человѣкъ не былъ въ состояніи его исполнить (ср. Гал. 3, 11). Сир. переводитъ 30 стихъ

[1]) См. *И. С. Якимовъ*, Толкованіе на кн. Іереміи, С.-Петербургъ 1879, стр. 50—51.

такъ: „не исчерпаютъ первые премудрости, ни послѣдніе не изслѣдуютъ ея“. Прошедшее время въ Сл. и Гр.: „не изслѣди“ передаетъ Евр. несовершенный видъ, который здѣсь имѣетъ значеніе будущаго времени. Сл. „паче моря“ и „паче бездны“ правильно передаетъ Гр. „отъ моря“ и „отъ бездны“ — буквальный переводъ Евр. сравнительнаго *мин*: Сир.: „больше великаго моря“ и „бездны многой“. Сл. и Гр. „размышленіе ея“ (или „размышленія ея“—во всѣхъ спискахъ, кромѣ B, S, 155, Сир.-екз., Сл., Лат.) и „совѣтъ ея“ указываютъ на то богатство разума и вѣдѣнія, какимъ обладаетъ премудрость: оно сравнивается съ моремъ и „великою бездною“, т. е. океаномъ (ср. 1, 3). Въ Лат. и 30 стихъ, какъ предыдущіе, начинается мѣстоименіемъ „который“: „который первый достигаетъ знанія ея“, а вмѣсто „послѣдній“ читается „слабѣйшій“.

32—34. Изъ обширнаго моря премудрости почерпаетъ свое ученіе и самъ авторъ. Но свой разумъ и знаніе онъ сравниваетъ съ небольшимъ каналомъ, проведеннымъ отъ многоводной рѣки, или съ канавкой, устроенной для орошенія сада или поля. „А я—какъ каналъ изъ рѣки, и какъ водопроводъ, проведенный въ садъ“. Первоначально авторъ черпалъ мудрость только для самого себя, для обогащенія собственнаго разума; „я сказалъ: полью огородъ мой и напою водою гряды мои.—И вотъ каналъ сталъ у меня рѣкою, и рѣка моя стала моремъ“! Премудрость столь обильна, что она не только напоила умъ и сердце самого писателя, но какъ бы вылилась изъ нихъ черезъ край и стала насыщать всѣхъ жаждущихъ, обращавшихся къ нему за наученіемъ. Ближайшимъ образомъ разумѣется книга бенъ-Сира, какъ видно изъ 37 стиха. Гр. переводчикъ не понялъ мысли автора и отнесъ эти стихи къ самой премудрости, вложивъ въ уста ея новую рѣчь. Сл.: „И азъ яко раскопаніе изъ рѣки, и якоже водотечіе (Остр.: воду ліяи) изыдохъ въ рай. Рѣхъ: напою мой (Остр.: себѣ) вертоградъ, и упою себѣ лугъ (Остр.: лѣху). И се раскопаніе ми бысть рѣкою, и рѣка моя бысть (Остр.: ми) моремъ“. Премудрость, по Гр. переводу, представляется каналомъ, проводящимъ отъ Господа къ людямъ все доброе, прекрасное и разумное; она, подобно источнику, исходящему „изъ Едема напаяти рай“ (Бт. 2, 10), напояетъ всю землю, особенно же свой вертоградъ —избранный народъ Божій. Но такая передача мысли автора не со-

гласуется съ дальнѣйшимъ контекстомъ, особенно съ 37 стихомъ, и ошибка Гр. переводчика давно уже замѣчена [1]). Ошибочное пониманіе этого мѣста выразилось и въ томъ, что Гр. гл. (248, Cpl.) и Лат. вмѣсто „и азъ“ читаютъ: „я, премудрость“; Сир. правильно: „и я также“. Сл. „раскопаніе“ буквально передаетъ Гр. διῶρυξ „ровъ, каналъ“; Сир. неточно: „какъ потокъ орошающій“. Переводъ „въ рай“ получился, видимо, подъ вліяніемъ Бт. 2, 10, Гр. παράδεισος значитъ здѣсь просто „садъ“. И въ 33 стихѣ Гр. гл. (248, Cpl.) даетъ двѣ произвольныхъ прибавки: мой вертоградъ „лучшій“ и лугъ „праведный“,—вмѣсто Сл. „лугъ“ точнѣе съ Гр. было бы „гряду“, какъ и въ Сир. „гряды“; поэтому и въ первой части стиха вмѣсто „садъ“ можно сказать: „огородъ“. 34 стихъ въ Сир. передается съ нѣкоторыми отступленіями: „и вотъ даже онъ сталъ у меня потокомъ (נחלא), и рѣка моя достигла моря“. Въ Лат. передъ 32 стихомъ имѣется вставка:

„я, премудрость, излила потоки,
я—какъ стезя неизмѣримой воды изъ рѣки“.

Вмѣсто „каналъ изъ рѣки“ читается: „рѣчной каналъ“, вмѣсто „въ рай“—„изъ рая“; послѣ „вертоградъ“ прибавлено: „насажденій“ и послѣ „лугъ“—„плодовъ“, а 34 стихъ переводится близко къ Сир.: „и вотъ онъ сдѣлался стезею обильной, и рѣка моя приблизилась къ морю“.

35—37. Чувствуя въ себѣ обиліе премудрости, бенъ-Сира заявляетъ, что онъ еще продолжитъ свои наставленія, что его вдохновеніе выльется въ одушевленныхъ рѣчахъ, какъ у древнихъ пророковъ, и что его притчи будутъ читать въ далекихъ краяхъ и отдаленныя поколѣнія; значитъ, составляя свою книгу, онъ трудился не для себя одного, не для своей славы и выгоды, а для всѣхъ, ищущихъ премудрости, съ тою цѣлью, чтобы они учились изъ его книги. Сл.: „Понеже наказаніе (Остр.: еще наказаніемъ) яко утро (Остр.: утреннюю) просвѣщу, и проявлю е даже (Остр.: я) до далече; Еще ученіе якоже пророчество излію, и оставлю е въ роды вѣчны. Видите, яко не себѣ единому трудихся, но (Остр.: но и) всѣмъ ищущимъ ея“. Въ Сир. и Гр., какъ и Сл.-др., 35 и 36 стихи начинаются словомъ „еще“, показывающимъ, что авторъ не намѣренъ ограничиться первою частью книги и на-

[1]) См. *O. Fritzsche*, Kurzg. exeg. Handbuch zu d. Apokryphen, V, S. 133.

чинаетъ вторую; Гр. гл. (55, 248, Cpl.) вмѣсто ἔτι „еще“ ошибочно читаютъ ὅτι, какъ и въ Сл. „понеже“ въ 35 стихѣ. Сл. „утро“ и Остр. „утренюю“, какъ и Гр., указываетъ на утреннюю зарю, лучи которой расходятся все дальше и дальше, пока не засіяетъ взошедшее солнце,—такъ и рѣчь премудраго будетъ продолжаться далѣе: „пролью наставленіе, какъ утреннюю зарю“, какъ отблескъ солнца—премудрости; „пролью“ можно поставить вмѣсто буквальнаго перевода „просвѣщу“. Сир. неточно: „скажу утромъ“, и далѣе переставляетъ полустишія 35b и 36b одно на мѣсто другого, вмѣсто „проявлю“, т. е. сдѣлаю извѣстнымъ, читаетъ: „и концы его“, а вмѣсто „какъ пророчество“ ставитъ: „въ пророчествѣ“. Но сравненіе въ 35 стихѣ: „какъ утреннюю зарю“ показываетъ, что и здѣсь нужно видѣть такое же сравненіе: „какъ пророчество“, т. е. такъ же одушевленно и съ такимъ же назначеніемъ—дѣлать людей лучше, внушать имъ страхъ Божій (ср. 37 стихъ). Вмѣсто „излію“ въ 36 стихѣ Сир. читаетъ такъ же неточно: „я скажу“ и вмѣсто „въ роды вѣчны“—„для многихъ родовъ“. Сл. „е“ въ 35 стихѣ относится къ „наказанію“, т. е. наставленію; такъ читается и въ Гр. гл. (70, 106, 248, Cpl.), Эѳ. и Лат., но въ Гр., какъ и Сл.-др. стоитъ: „ихъ“—разумѣются „слова наставленія“. 37 стихъ почти буквально повторяется въ 33, 17: „разсмотрите, яко не себѣ единому трудихся, но всѣмъ ищущимъ наказанія“—здѣсь „ищущимъ ея“, т. е., по смыслу, премудрости (ср. 30 ст.). Сир. въ обоихъ случаяхъ опускаетъ эту притчу, соблазняясь, можетъ быть, самонадѣянностью автора, какую онъ видѣлъ въ этихъ словахъ. Но здѣсь—только заявленіе опытнаго учителя, сознающаго въ себѣ, на склонѣ лѣтъ, силу и призваніе учить другихъ. Лат. передаетъ эти стихи съ обычными прибавками: „ибо ученіе, какъ предразсвѣтную (зарю), я проявляю для всѣхъ, и разскажу его даже до отдаленности;

я проникну во всѣ преисподнія части земли,
и осмотрю всѣхъ почивающихъ, и освѣщу всѣхъ
надѣющихся на Господа.

Еще я изолью ученіе, какъ пророчество, и оставлю его ищущимъ премудрости, и не перестану въ роды ихъ до вѣка святого. Видите, что я не для себя одного трудился, но для всѣхъ, ищущихъ истину“.

Прот. **А. Рождественскій.**

Мѣсяцъ по Японіи.

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

Отъ Такахама до Кобе.

6 августа. Ровно въ 8 час. вечера нашъ пароходъ отчалилъ отъ берега. Слава Богу: кажется сегодня отдохнуть удастся,—пассажировъ на пароходѣ совсѣмъ мало. Но сосѣдство не очень-то пріятно: у самаго люка въ каюту поставили нѣсколько большихъ корзинъ съ курами, пѣтухами и утками, и они не замедлили скоро создать около себя полную обстановку курятника...

До Кобе нужно ѣхать часовъ 18—19. Билетъ I кл. стоитъ лишь 5 руб. съ коп., а II—даже 3 руб.! И за эту цѣну не только везутъ, но еще поятъ и кормятъ! Удивительно дешевы здѣсь переѣзды! Впрочемъ, нельзя и мечтать о тѣхъ удобствахъ, какими избалованы путники въ Россіи...

Было совершенно темно. Лишь слабый бумажный фонарь нѣсколько освѣщалъ палубу. Внизу плескали волны. Вдали по берегу непрерывной цѣпью виднѣлись огоньки. Моимъ спутникомъ на три часа оказался г. губернаторъ Мацуямы. Усѣвшись на кормѣ, мы, какъ уже знакомые, очень оживленно съ нимъ бесѣдовали. Слуга намъ подалъ кофе. Г. Андоо вспоминалъ время, когда въ Мацуямѣ были русскіе военноплѣнные... Трудно было, говорилъ онъ, ему тогда. Завѣдывалъ военноплѣнными полковникъ, который часто съ ними «не ладилъ»... Приходили офицера съ жалобами къ нему; но что онъ могъ сдѣлать?.. Одно я говорилъ всегда своимъ подчиненнымъ, чтобы они неизмѣнно помнили, что «русскіе, конечно, *не гости* наши, но они—и *не преступники*, не враги», и чтобы со-

образно съ этимъ устанавливали свои отношенія къ плѣнымъ... Г. Андоо съ удовольствіемъ вспоминаетъ время, когда онъ 35 лѣтъ назадъ пріѣзжалъ въ Россію учиться (въ СѢв. Ип—тѣ). и ее изучать. Онъ въ совершенствѣ овладѣлъ русскимъ языкомъ; много путешествовалъ по Россіи; увидѣлъ Россію «и бѣленькою, и черненькою», и поэтому полюбилъ ее. Когда мы, говорилъ г. Андоо, пробыли въ Россіи 8 лѣтъ, уѣзжали изъ Россіи, мы *плакали*: такъ мы съумѣли узнать и полюбить ее.— Въ настоящее время, занимая отвѣтственный постъ, г. Андоо причисляется къ той группѣ японскихъ политическихъ дѣятелей, которые твердо настаиваютъ, что о Россіи нельзя судить по отзывамъ газетъ англійскихъ и американскихъ; что ее нужно «*понять*», а для этого необходимо изучать ее и на мѣстѣ. При взаимномъ пониманіи. котораго у насъ не было, не было бы и той печальной страницы въ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Японіи, которая такъ неожиданно и мрачно явилась...—Изъ частностей, заслуживающихъ вниманія. не могу умолчать о прекрасномъ отзывѣ *о русскомъ солдатѣ*, который былъ сдѣланъ г. Андоо.—Съ большимъ уваженіемъ онъ относится къ Владыкѣ-архіепископу, трудами котораго устроилась «святая православная церковь»,—знаменательно такое почтительное отношеніе язычника къ православной церкви? Впрочемъ, русскому-то языку Андоо началъ учиться въ нашей семинаріи!—О многомъ и другомъ мы бесѣдовали съ г. Андоо и онъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Симпатична и самая обстановка его жизни. Домъ у него въ Мацуямѣ очень хорошій, но вполнѣ японскій. Вышелъ онъ ко мнѣ въ настоящемъ японскомъ костюмѣ, и даже въ туфляхъ, безъ носковъ; какъ здѣсь мужчины обычно въ комнатахъ ходятъ. Ѣздитъ на велосипедѣ и по городу, и по своей губерніи; и находитъ это очень удобнымъ, такъ какъ можетъ легко и скоро попадать туда, куда на курумѣ ѣхать или очень долго, или совсѣмъ невозможно. А на о-вѣ Сикоку желѣзныхъ дорогъ совсѣмъ мало, почти нѣтъ. Да и не предвидятся онѣ: слишкомъ много горъ, и слишкомъ недостаточно населенія, чтобы при самомъ сильномъ движеніи окупались расходы по постройкѣ дороги...—Вообще, г. Андоо типичный представитель той націи, что̀ по его словамъ—«за очень малыя деньги дѣлаетъ очень много дѣла», не гоняясь за внѣшнимъ блескомъ, за представительствомъ.

Откланявшись сердечнѣйшимъ образомъ, я не дождался

11 час. вечера, и отправился въ каюту, гдѣ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ найти подходящее для головы положеніе (спальныхъ приборовъ, конечно, нѣтъ), все таки устроился, положивъ руку вмѣсто подушки, и заснулъ... Помогла мнѣ нѣсколько подъ утро уже, какъ послѣ оказалось, японская подушечка: это—деревянная подставочка, вершка 4 въ ширину, вершка 3 въ вышину; основаніе нѣсколько шире верха: къ ней прикрѣпленъ мягкій валикъ... Я «почувствовалъ», что «снарядъ» этотъ—для головы, взялъ его съ полки, и очень хорошо на немъ спалъ.—Дамы употребляютъ его для того, чтобы не портить своей прически.—Но мнѣ кажется, что такія подушки и гигіеничны весьма, такъ какъ воздухъ постоянно окружаетъ голову, и вставая утромъ, не чувствуешь, что вся твоя голова мокра, что такъ обычно здѣсь въ эти жаркіе мѣсяцы.

7-е августа. Уже образовавшаяся привычка подняла меня и теперь въ шестомъ часу утра. На пароходѣ уже начиналась жизнь. Всѣ вставали и умывались. Умываленъ, подобныхъ нашимъ, нѣтъ. Да и самый способъ умываться *иной*. Наливается небольшой тазъ воды, и японецъ, положивъ въ него свое коротенькое полотенце—«тенугуй», долго этимъ полотенцемъ моетъ свои руки... Затѣмъ, смѣнивъ воду, и выжавъ тенугуй, онъ опять же полотенцемъ моетъ свое лицо: руками мыть лице у нихъ не принято! Выжавъ хорошо тенугуй, японецъ имъ же и вытираетъ свое лицо, конечно, поэтому нѣсколько послѣ мытья всегда влажное.—Тенугуй остается при японцѣ влажнымъ весь день, и онъ имъ въ жаркую погоду постоянно утирается...—Я тоже пошелъ на палубу, и дождавшись своей очереди, мылся, однако, по своему, хотя бы потому только, что пока тенугуевъ не имѣю. А удобная вещь! И несомнѣнно,—удобнѣе въ жаркую погоду нашихъ носовыхъ платковъ!

Въ бѣломъ подрясникѣ, въ бѣлой шляпѣ, въ носкахъ (сапоги здѣсь снимаются при входѣ на пароходъ, и замѣняются или туфлями, или «зоори») усѣлся я опять на корму парохода и съ восхищеніемъ снова любовался тѣмъ моремъ, которое такимъ очаровательнымъ показалось мнѣ вечеромъ, при лунѣ, когда мы ѣхали изъ Удзино въ Такахаму. Слишкомъ большихъ водныхъ пространствъ пока еще не видѣли мы... Всюду,—и направо, и налѣво, и впереди, и позади—острова и островочки... Вотъ уже давно-давно тянется островъ на-

право... Горы его то покрыты лѣсомъ и манятъ къ себѣ своею зеленью; то вдругъ зажелтѣютъ своими песками. Въ разныхъ мѣстахъ видны береговыя поселенія... Рыбачатъ рыбаки на своихъ душегубкахъ, поражая европейца своимъ упрощеннымъ до крайнихъ предѣловъ костюмомъ, близкимъ къ костюму нашего праотца до паденія его; и во всякомъ случаѣ,—не сложнѣе его костюма по паденіи... Здѣсь же, въ лодкѣ маленькія ребятки—японцы, лѣтъ до 3—4 включительно; они то, конечно, всѣ «нагишомъ»... Невольно думаю,—такъ вотъ когда и какъ привыкаютъ къ морю, начинаютъ любить его, и потомъ даютъ отечеству блестящихъ моряковъ:..—Вотъ налѣво должно быть очень высокія горы... Набѣжало громадное облако... Ползетъ по нимъ... Вотъ-вотъ проскочитъ среди облака синева горъ, но набѣжавшее облако вновь скрываетъ ее... Красиво!.. И не одинъ я, а привыкшіе къ своимъ красотамъ японцы,—и тѣ берутъ бинокли и засматриваются чудными картинами!..—Вотъ, что оторванный, стоитъ среди другихъ маленькій-маленькій островокъ... Но отъ него идетъ рядъ скалъ... И этотъ рядъ скалъ ясно говоритъ, что *да*, этотъ островокъ дѣйствительно оторванъ!..—Изрѣдка на берегу виднѣется дымокъ:—то или заводъ, или какая-нибудь фабрика... Среди такихъ-то прелестей шелъ нашъ пароходъ, двигаясь понемногу впередъ.—Но вотъ и городъ Такамацу! Мы вошли въ его гавань и причалили къ пристани.

Въ Такамацу стояли около часа, но на берегъ не сходили, такъ какъ пароходъ могъ всегда отчалить, окончивъ погрузку товара. Съ парохода виднѣнъ былъ довольно большой городъ и въ немъ обширная крѣпость изъ тесанаго булыжника,—принадлежность всѣхъ, кажется, старинныхъ большихъ городовъ...

Пассажировъ къ намъ сѣло очень мало. Но погрузили товару, особенно рису, очень много. Судно съ рисомъ причалило къ нашему пароходу, и кули съ рисомъ такъ быстро залетали въ умѣлыхъ рукахъ рабочихъ! Но пѣсни, заунывныя пѣсни,—какъ своимъ мотивомъ они напоминаютъ нашу «Дубинушку»! Погрузивъ послѣднее мѣсто, рабочіе быстро раздѣвшись, здѣсь бросились въ море. И конечно, только такъ они и могли охладиться послѣ своей тяжелой работы въ жаркій день.

Вся пристань заставлена фруктами; персики же превосходны. Такихъ вкусныхъ и крупныхъ я еще не видалъ! А говорятъ, что на о-вѣ Сикоку они не такъ давно и появились, чуть ли

не со времени послѣдней войны. Поразительна и дешевизна ихъ: самые крупные и самые зрѣлые покупалъ я по 20—25 коп. за десятокъ. Пассажиры здѣсь тоже достаточно нагрузились фруктами...

Отъ Такамацу мы шли безъ остановки до Кобе. Конечно, береговъ ни разу изъ вида не потеряли; но этотъ переѣздъ совершался уже по болѣе открытому морю. Встрѣчались пароходы и пассажирскіе, и грузовые. Неизбѣжные всюду рыбаки.—Около 2 час. дня мы уже подходили къ Кобе, а около 2½ ч. дня, пройдя мимо громаднаго количества коммерческихъ судовъ (Кобе уступаетъ по своей торговлѣ лишь Іокахамѣ) причалили къ пристани.

Кобе.

Встрѣтилъ насъ представитель здѣшнихъ христіанъ, которые заранѣе разузнали о моемъ проѣздѣ и теперь собрались въ одномъ домѣ, чтобы получить отъ меня благословеніе и послушать моего наставленія. На курумахъ мы пріѣхали въ домъ Даніила Цудà,—онъ занимается вырѣзываніемъ печатей. Поднялись на верхъ... Тамъ было 14 человѣкъ, изъ 20 христіанъ, числящихся въ Кобе. Я всѣхъ благословилъ, и когда мы усѣлись на полу, я сказалъ приблизительно слѣдующее: «я радъ привѣтствовать сейчасъ христіанскую общину г. Кобе. Небольшая она,—но слава Богу и за то, что она существуетъ. Какъ среди глубокой тьмы ночной привѣтливо ласкаютъ глазъ яркія звѣздочки, такъ отдыхаетъ и душа моя, при видѣ этихъ христіанъ, какъ звѣздочки горящихъ среди мрака язычества. Горите же, братья и сестры! Горите яркимъ огнемъ вѣры и любви. У всѣхъ насъ есть Солнце Правды—Христосъ Спаситель. Онъ оставилъ намъ примѣръ Своей жизни. Читайте св. Евангеліе,—и вы увидите, какъ нужно жить, чтобы ярко горѣть своею жизнью среди язычниковъ. Христосъ оставилъ намъ Свое возвышенное ученіе. Читайте св. Евангеліе, принимайте его своимъ сердцемъ,—и вы невольно по своей жизни сдѣлаетесь свѣтильникомъ, горящимъ въ темномъ мѣстѣ!—Вамъ, этой малой общинѣ, необходимо горѣть огнемъ вѣры и любви... На васъ вѣдь всѣ смотрятъ: по вамъ судятъ о Христовой вѣрѣ. Не будете жить по примѣру и ученію Христа,—имя Его будетъ всѣми хулиться среди язычниковъ. Будете жить по ученію Христа,—своимъ добрымъ примѣромъ, а можетъ быть и убѣжденнымъ словомъ, вы при-

влечете ко Христу тѣхъ, которые сейчасъ не въ оградѣ церковной. И умножится тогда христіанская община наша...— Итакъ, на свѣтлую жизнь по Христову завѣту я и благославляю васъ».—По окончаніи моего привѣтствія начались сердечные разговоры... Одинъ изъ дѣтей, еще грудной младенецъ, потянулъ ко мнѣ рученки... Я его взялъ на руки:—онъ такъ хорошо улыбался!.. Но однако добрался до моихъ волосъ, и я наглядно убѣдился, что всѣ дѣти одинаковы!.. Около ½ часа мы провели съ христіанами.

Затѣмъ, я сдѣлалъ визитъ нашему консолу А. С. Максимову... Русью запахло у него! И эта вывѣска съ нашимъ двуглавымъ орломъ и старинною надписью; и варенье къ чаю, и русскіе конфекты Ландрина... Невольно мысленно перенесся на далекую-далекую родину!..

Въ 5 ч. 20 м., провожаемый представителемъ христіанъ, я сѣлъ въ поѣздъ и *черезъ 50 м.* прибылъ уже въ Оосака. На вокзалѣ встрѣтилъ меня катихизаторъ, а въ миссійскомъ зданіи—о. Сергій Судзуки и человѣкъ 20 христіанъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій я расположился въ имѣющихся здѣсь архіепископскихъ комнатахъ.

Оосака.

8-го августа. Удивительное умѣнье у Владыки Архіепископа выбирать для миссійскихъ зданій красивыя и удобныя мѣста! Прекрасенъ нашъ Суругадай въ Токіо, царящій какъ бы надъ городомъ... Красиво наше мѣсто въ Мацуямѣ... Въ лучшей части города—восточной (а Оосака дѣлится на 4 части: восточная, западная, сѣверная и южная) находится наше мѣсто и здѣсь!.. Одной стороной (около 30 с. дл.) оно выходитъ на улицу, противоположная сторона круто обрывается къ р. Ёдокава, имѣя внизу до рѣки нѣсколько домовъ. Въ ширину мѣсто занимаетъ около 17 саж. и граничитъ съ сосѣдями.— Прежде здѣсь помѣщался лучшій ресторанъ въ городѣ, съ видомъ на рѣку и три ея моста (почему ресторанъ и назывался «Санкёо-роо»=трехмостныхъ). Теперь—эти зданія заняты церковью, квартирой діакона, архіерейскими комнатами, катихизаторомъ и др. служащими при церкви. Мѣста въ домѣ очень много, комнаты всѣ просторны. И жаль лишь, что все это уже обветшало, частью сгнило, частью подгнило; и требуетъ не ремонта, а замѣны его новымъ. Господь дастъ,—скоро и начнется здѣсь постройка, сначала домовъ, а потомъ и церкви!

Часть денегъ на церковь уже есть: это щедрый даръ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны (5.000 р.) и всѣ пожертвованія, собранныя преосв. Андроникомъ и др. на церковь въ Мацуямѣ и переведенныя сюда (около 8.000). Надѣемся, что Господь пошлетъ добрыхъ людей, и ихъ помощью воздвигнется храмъ, приличный для города, въ которомъ уже сейчасъ около 1.200.000 жителей!.. Дай-то, Господи!

Настоящая церковь—во имя Покрова Божіей Матери. Она занимаетъ большую комнату стараго японскаго дома. Алтарь довольно тѣсный, и хотя надъ престоломъ потолокъ нѣсколько возвышенъ, тѣмъ не менѣе возгласы раздаются какъ то глухо, будто изъ гроба! Иконостасъ до потолка церкви, т. е. аршина 4 въ вышину! Икона Спасителя и Божіей Матери, Св. Пантелеймона и Александра Невскаго писаны на Аоонѣ, и какъ значится на обратной сторонѣ ихъ, посланы для о. архимандрита Анатолія, извѣстнаго дѣятеля здѣсь,—«*въ городъ Японію*»... Память о томъ счастливомъ времени, когда Японію могли считать еще городомъ! Какъ быстро мѣняется исторія! Изображенія двухъ архистратиговъ дополняютъ иконостасъ. На стѣнахъ — большіе образа Спасителя, Б. Матери, св. Николая и преп. Сергія. Въ небольшихъ багетныхъ рамкахъ—иконы 12-ти праздниковъ. Низкій, довольно закоптѣлый потолокъ. Вмѣсто двухъ стѣнъ—стеклянныя ширмы, вмѣсто третьей—обычныя ширмы... Духота при нѣкоторомъ скопленіи народа... Какъ все это настойчиво говоритъ, что пора уже Оосакѣ дать церковь, которая и для молитвы была бы удобна, и взоры всѣхъ къ себѣ привлекала бы: не Христу прятаться отъ Будды!—

Такъ называемыя «архіерейскія комнаты»... Въ нихъ живали о. архим. Анатолій, о. архим. Владиміръ, преосв. Андроникъ. Временно помѣстился въ нихъ и я, не намѣреваясь, по волѣ владыки, переѣзжать сюда до постройки новаго приспособленнаго помѣщенія... Что онѣ изъ себя представляютъ?.. Въ одной комнатѣ кабинетный столикъ, койка (устроенная, вѣроятно, человѣкомъ оч. низкаго роста) и въ стѣнѣ шкафикъ для одежды. Два окна. Потолокъ легко достается рукой.—Но въ комнатѣ есть чугунка, комната оштукатурена, одна стѣнка ея снаружи обложена даже кирпичемъ. Можно думать, что зимой здѣсь и не столь холодно. Но размѣры ея не велики: 6 шаговъ въ длину и 6 шаговъ въ ширину.—Другая комната

которую можно назвать гостинной, или заломъ, или столовой—на всякую потребу (смотря по времени, или по гостямъ) нѣсколько больше: 6 шаговъ въ длину, и считая нишу съ библіотечными полками уже—8 шаговъ въ ширину, съ низкимъ опять потолкомъ. Но здѣсь чугунки нѣтъ. Вмѣсто окна—стѣклянная стѣнка изъ раздвижныхъ рамъ. Едва ли здѣсь зимой можетъ держаться тепло! Къ комнатѣ примыкаетъ небольшая галлерейка.—Вотъ и вся архіерейская квартира!—Невелика она! Но утѣшаться можно тѣмъ, что у владыки-архіепископа въ Токёо квартира едва ли больше!... А кромѣ того,—видъ на рѣку, на Оосака, отсутствіе днемъ солнца,—все это—развѣ не достоинства квартиры! Правда,—густой дымъ фабричныхъ трубъ, непрерывный стукъ на заводахъ; запахъ варенаго масла съ завода, пріютившагося почти рядомъ съ нами; но все это такъ знакомо петербургскому жителю, что я попалъ здѣсь какъ бы въ старую, родную атмосферу!..—По комнатамъ и меблировка! Но все необходимое есть: можно и писать, и обѣдать, сидя по-европейски; на галлерейкѣ же очень пріятно и помечтать послѣ обѣда!..—Въ такой-то обстановкѣ я сейчасъ поселился и буду жить до переѣзда въ Кёото.

Намѣревался было я сразу же посѣщать христіанъ; но о. Сергій Судзуки увѣрилъ меня, что это лучше сдѣлать послѣ предположеннаго по поводу моего пріѣзда «кангейкая»,—а онъ будетъ лишь 10-го. И я, согласившись съ нимъ, занялся осмотромъ и изученіемъ города.

Ближе всего къ нашему храму оказалась *оосакская крѣпость*. Изъ дикаго камня, съ бѣлыми башнями, окруженная рвомъ, эта крѣпость очень красива и въ свое время могла быть очень сильною. Построена крѣпость Хидеёси въ 1583 г.; въ настоящее же время въ ней стоятъ войска.—Внутрь крѣпости я не пытался проникнуть,—да и не интересовала меня она съ этой стороны. Ограничился же я бѣглымъ наружнымъ ея осмотромъ.

По намѣченному плану осмотра мы съ Кагэтой должны были пройти въ длину почти всю улицу къ морю. И хотя меня предупреждали, что улица—очень длинная, тѣмъ не менѣе я пошелъ, руководясь соображеніемъ, что города на курумахъ не изучишь... Дѣйствительно, — шли-шли, а улица, кажется, лишь прибавлялась!.. Было жарко, а это еще болѣе «удлиняло» намъ путь. Наконецъ-то мы попали въ кварталы, сплошь занятые храмами; «изъ этихъ храмовъ подробнѣе

осмотрѣли болѣе значительные изъ нихъ—*Коотиу*, синтоистскій храмъ, посвященный императору Нинтоку, и немного южнѣе его—*Икутама*, тоже синтоистскій храмъ. Идя по улицамъ, мы поражены были тысячами богомольцевъ-язычниковъ. Всѣ шли, имѣя подвязанными у пояса небольшіе мѣшочки, наполненные рисомъ. Смотря по усердію, а можетъ быть и по уваженію къ извѣстному храму, они и кидали въ большіе ящики у входа въ храмы или щепотки, или зерна риса... Нѣкоторые кидали даже и монеты... На улицѣ стояли бонзы, и время отъ времени позванивали въ колокольчикъ, напоминая о себѣ богомольцамъ... Щепотки риса опускались и въ ихъ мѣшки, и изъ зеренъ они собирали цѣлые мѣшки!..—Съ храмовыхъ дворовъ пахло ладаномъ: запахъ его мнѣ почему-то сталъ противнымъ: слишкомъ нанюхался въ Мацуямѣ! Шумятъ барабаны... брянчатъ какіе-то инструменты... Я зашелъ въ два храма. И вотъ что увидѣлъ... При входѣ въ храмъ, подъ особымъ навѣсомъ, въ огражденномъ шнурами мѣстѣ, совершается моленіе... Молятся за тѣхъ, кто изъявитъ желаніе... Впрочемъ—«кто дастъ ½ коп., за того сейчасъ вознесемъ молитву»,—такъ при насъ торжественно заявилъ жрецъ... Значитъ—молятся за избранныхъ. Главный жрецъ сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ предъ жертвенникомъ, его обмахиваютъ большими вѣерами двое молодыхъ служителей храма (—мѣра далеко не лишняя, въ виду горящаго впереди костерка и сильнаго жара и безъ него!) По бокамъ четыре (по два на сторонѣ) жреца съ небольшими въ рукахъ палочками съ позвонками. Направо отъ жреца—барабанъ, и около него храмовый служитель... Предъ жрецомъ—на жертвенникѣ огонь отъ постепенно подкладываемыхъ тонкихъ палочекъ. Надъ костеркомъ вверху болтаются, движимыя теплымъ согрѣтымъ воздухомъ бумажки на шнурѣ,—закоптѣлыя; жрецы увѣряютъ народъ, что здѣсь *чудо:* бумажки де не горятъ... Однако это чудо легко прорепетировать хотя бы надъ лампой...—Когда набралось достаточно желающихъ помолиться,—главный жрецъ торжественнымъ движеніемъ правой руки беретъ записочку на палочкѣ, и держа ее въ лѣвой рукѣ, въ правую беретъ лежащій предъ нимъ мечъ, держа его у плеча; въ такой позѣ онъ что-то заунывно читаетъ... Въ извѣстный моментъ ударяетъ его сосѣдъ въ барабанъ, а ассистенты въ тактъ барабана потряхиваютъ своими палочками, и въ тактъ же твердятъ что-то, устремивъ свои глаза въ пространство... Молитва кончена...

Главный жрецъ дѣлаетъ мечемъ какія-то движенія въ воздухѣ, а потомъ какъ бы намѣревается проткнуть имъ записочку... Но ограничивается только намѣреніемъ... Записочка передается храмовому служителю, подкладывающему огонь (кстати: въ костюмѣ, въ какомъ въ трамваи воспрещено пускать...), тотъ щипцами ее укладываетъ на костерокъ, а жрецъ на мѣсто кладетъ свой мечъ...—Я долго стоялъ, наблюдая это богослуженіе... И злобные глаза идола (богъ огня), предъ которымъ молятся, и безсмысленно устремленные въ пространство глаза «ассистентовъ», и театральные пріемы главнаго жреца, и совсѣмъ неприличный (отъ жары!) костюмъ прислуживающаго; шумъ барабановъ, позвонковъ, бормотанье жрецовъ; усердное шептаніе молитвъ крестьянами; а рядомъ же японцы съ папиросами и въ шляпахъ; наконецъ—«за ½ коп. помолимся»!.. Въ какомъ-то туманѣ вышелъ я на улицу и долго не могъ разобраться въ впечатлѣніяхъ отъ всего видѣннаго... Да! *Шуму* много... И какую противоположность этому шумливому служенію составляетъ наше православное богослуженіе,—это тихое, неземное общеніе души, молящейся съ Богомъ, внемлющимъ молитвѣ!...—Долго мы шли потомъ на югъ, желая достигнуть храма *Теннодзи*, этого религіознаго центра Оосака. Поражаешься необыкновенными размѣрами площади, занятой отдѣльными храмами и строеніями, объединенными подъ общимъ названіемъ «теннодзи». Здѣсь самый большой въ Японіи колоколъ, висящій въ особой постройкѣ, довольно изящной. Въ прудахъ—тысячи черепахъ, которыхъ кормятъ любопытствующіе богомольцы. Съ пагоды—пятиэтажной башни, куда я поднялся за 3 сена, прекрасный видъ на Оосака, на поля, на море... Кстати,—отъ крыши до перилъ пятаго этажа этой башни сдѣлана проволочная сѣтка... Это на тотъ случай чтобы съ башни не кидались внизъ «влюбленныя, но безнадежныя парочки», что здѣсь очень часто повторялось. Если молодые люди не надѣялись соединить свою судьбу здѣсь,—они кончали жизнь одновременной смертью, съ твердой вѣрой, что *тамъ* никто не помѣшаетъ ихъ любви... Говорятъ,—это и сейчасъ оч. часто повторяется... А еще говорятъ, что японцы не знаютъ любви!

Однако время шло очень быстро, и для того, чтобы попасть во-время къ обѣду,—а насъ сегодня пригласилъ обѣдать староста Мацукава,—мы должны были взять дзинрикися: обѣды здѣсь всегда аккуратно—въ 12 час. дня, по выстрѣлу пушки.

Впервые я ѣлъ въ частномъ домѣ японскій обѣдъ, и позволю себѣ его описать. Мы всѣ (а насъ оказалось *мужчинъ* 10 человѣкъ) усѣлись на полъ; усѣлись правильно по-японски (соединивъ большіе пальцы ногъ, мы на ноги плотно сѣли)... И если мои сотрапезники чувствовали себя, что рыба въ водѣ; то я воздержался бы это сказать про себя... Однако терпѣлъ! Полтора часа терпѣлъ!..—Хозяйка, и вообще женская половина дома за обѣдъ вмѣстѣ не садится: она наблюдаетъ «со стороны», чтобы гости кушали, и постоянно накладываетъ въ небольшія чашечки «гоханъ» (т. е. *вареный* рисъ)...—Предъ каждымъ изъ насъ поставили по большому деревянному подносу, на которомъ поставлены были всѣ яства обѣда.. Вотъ здѣсь налѣво—чашечка съ рисомъ, прикрытая крышкой... Рисъ по мѣрѣ надобности прибавляется: онъ замѣняетъ хлѣбъ.—Рядомъ чашечка съ супомъ, опять прикрытая крышкой... И супъ обычно дополняютъ, ибо чашечка—не больше полутарелки... На деревянномъ блюдечкѣ—рыба жареная съ соусомъ; въ небольшой чашечкѣ нарѣзанная тонкими пласточками сырая рыба съ хрѣномъ. На маленькихъ блюдечкахъ, отдѣльно—таквапъ (соленая рѣдька), парапўке (особо приготовленныя дыни, пласточками), сладкіе бобы, картофель разныхъ сортовъ, разная зелень... Небольшая чашечка съ соей (безъ ней обѣдъ не состоится), въ видѣ миніатюрной чашечки сосудъ для «саке». И конечно—«ха'си»—двѣ палочки, вершковъ по 6 длины, съ нѣсколько утонченными концами: это—вмѣсто нашихъ ножа и вилки...—Ѣдятъ какъ-то *вмѣстѣ все*! То поѣдятъ супу, то рыбы, то зелени! Словомъ,—дѣло вкуса, но не этикета или обычая. Рисъ—ѣдятъ палочками, держа чашечку съ нимъ въ лѣвой рукѣ (большой палецъ—на верхнемъ краю; два слѣдующихъ—протянуты вдоль бока чашки; два послѣднихъ держатъ чашку снизу)... Супъ ѣдятъ палочками! Точнѣе—ими таскаютъ изъ супа рыбу, зелень; жидкое же прихлебываютъ, какъ-то *втягивая* въ себя, отчего получаются обычные здѣсь, но не совсѣмъ красивые у насъ звуки... Рыбу, особенно сырую, прежде чѣмъ опустить палочкой въ ротъ, обмакиваютъ въ сою... Жареную рыбу разрываютъ на кусочки все тѣми же «ха'си», и очень искусно. «Таквапъ» и «парапўке» ѣдятъ уже въ концѣ обѣда: это нашъ сыръ!..

Обѣдъ былъ поставленъ, конечно, не прямо на полъ, но на прекрасно связанную шерстяную скатерть. Однако—ставятъ и на полъ!

Нельзя сказать, чтобы сидѣнье по-японски развивало мой аппетитъ... Тѣмъ не менѣе, я ѣлъ обѣдъ съ большимъ удовольствіемъ. Все для нашего вкуса ново,—это правда; но все—вполнѣ хорошо: и многое, напр., сырая рыба, очень вкусно! Палочками владѣлъ въ совершенствѣ (правда, практиковался въ Токіо, когда къ обѣду просилъ себѣ рису, который очень люблю), такъ что своимъ умѣньемъ удивилъ г. Мацукава! Но вполнѣ выдержалъ предъ нимъ экзаменъ, когда палочками совершенно твердо бралъ мелкій круглый картофель.—Кончая ѣсть рисъ, обѣдающіе всегда въ чашку наливаютъ японскаго чаю (почему чайникъ съ нимъ неизмѣнно около риса): находятъ это вкуснымъ—рисъ съ чаемъ; съ другой стороны—такъ очищаютъ чашку, ибо—риса оставлять не полагается... «Саке» попробовалъ лишь хозяинъ. Ничавъ обѣдъ поклономъ взаимнымъ, гость-японецъ кончаетъ его поклономъ благодарности, говоря «тайхе́нни годсоо—сама діасто»,—фразу не особенно и для нихъ вразумительную (что-то въ родѣ: «очень почтенное угощеніе было»). Конечно, христіане и предъ обѣдомъ, и послѣ обѣда молятся.

Такъ-то я впервые принялъ угощеніе японское, и выдержалъ вполнѣ экзаменъ!.. Припоминаю невольно, какъ я, вступивъ на японскую почву, попросилъ себѣ въ Цуругѣ обѣдъ... Подали японскій... Рисъ, палочки, масса блюдъ. Послѣднее не столь страшно. Но отъ палочекъ у меня тогда холодный потъ на лбу выступилъ! Вспомнивъ все, что зналъ изъ Токіохона по-японски, я сказалъ «сази», и мнѣ принесли ложку (сази), ножъ и вилку... Но какъ быть съ рисомъ? Ѣсть его не умѣлъ, а *хлѣба* по токіохону еще не училъ (а оказалось—слово простое, хотя и не свое: *панъ*!)... Пришлось ѣсть и безъ хлѣба, и безъ риса! А какая же *ѣда* безъ хлѣба!.. Пропали и мои блюда!—Теперь—думаю—я удивилъ бы въ Цуругѣ своею «образованностью».—Однако обѣдъ мнѣ ноги очень утомилъ. И послѣ сегодняшнихъ хожденій, я боюсь—не повредилъ бы онъ мнѣ ноги и серьезно!

Послѣ обѣда съѣздили мы на трамваѣ въ *оосакскій* портъ. Сѣвъ въ вагонъ въ городѣ, мы довольно далеко ѣхали за городъ среди рисовыхъ полей, пока наконецъ доѣхали до цѣли. Мои спутники, сами предложившіе эту, въ мои планы не входившую, поѣздку, все время дремали, до клеванія носомъ включительно. Впрочемъ, часы были послѣобѣденные; а этимъ занятіемъ упражнялись и другіе многіе.—Въ портѣ видъ очень

красивый. Не безъ причины сюда ѣздятъ оосакскіе жители ловить рыбу (конечно, въ чистой водѣ моря) и провести часокъ-другой на громадной пристани. Мы шли по этой пристани около 700 шаговъ! Доски, покрытыя когда-то какой-то смолой, страшно накалились и отъ нихъ, что отъ печки, подогрѣвало... Всюду сидятъ люди съ удочками; а нѣкоторые ухитряются ловить даже въ щели пристани!—Мы пробыли здѣсь около полчаса, осматривая въ бинокль портъ и море. И совершенно усталые двинулись въ обратный путь.

Однако вечеромъ я съ Кагэтой пошелъ опять въ городъ: очень хотѣлось посмотрѣть подробнѣе городъ, въ которомъ мнѣ, можетъ быть, придется жить. Мы шли долго-долго по длинной, узенькой улицѣ на югъ. Дойдя до намѣченнаго ранѣе на планѣ моста, мы пришли нѣсколько на западъ, и главной улицей столь же долго возвращались обратно. Главная улица!.. невольно захотѣлось смѣрить ея ширину... Переходя отъ магазина одной стороны къ магазину другой—мы ширину смѣрили: 7 шаговъ, иногда 8, и только разъ—9, да и то благодаря магазину, нѣсколько ушедшему вглубь... И на такой-то узенькой улицѣ сосредоточилась вся торговля! Народъ суетится, шныряя взадъ и впередъ; въ магазинахъ и около нихъ—заколачиваютъ ящики; среди прохожихъ лавируютъ велосипедисты .. Суета и тѣснота!..—Днемъ значительная часть улицы покрывается отъ солнца холстами, натянутыми вверху на проволоки... Впрочемъ,—это замѣтилъ я и на болѣе широкихъ улицахъ.

Для оосакскихъ уличныхъ мальчиковъ я представлялъ большой интересъ. При видѣ меня они обычно перешептывались и такъ-то внимательно оглядывали съ головы до ногъ... Иногда проходили мимо, не обращая вниманія. Развѣ про себя продекламируешь: «по улицамъ слона водили»... Но достаточно кого-либо изъ нихъ, не улыбаясь, тоже смѣрить взглядомъ съ головы до ногъ,—и всѣ убѣгутъ въ разсыпную!.. Но малѣйшая улыбка,—и наоборотъ—всѣ съ улыбками придвинутся! Однако—сзади не бѣгутъ!.. Вообще же, не только въ подрясникѣ и съ длинными волосами; но и въ рясѣ, и въ панагіи ходить по улицамъ здѣсь не стѣснительно: очень много воспитанности у публики. И напрасно «волтерьянцы» будутъ доказывать противное!

Ноги, казалось, отказывались служить, когда я возвращался домой. Когда же, сѣвъ при входѣ въ домъ снимать са-

ноги, я сказалъ: «да, я усталъ порядкомъ»,—такой веселый смѣхъ поднялъ среди всѣхъ мой спутникъ, тоже едва приплетшійся! Вѣдь мы другъ друга все время увѣряли, что «еще ничего, не устали».

9-е августа. Необыкновенная усталость съ самаго утра. Ноги—какъ будто верстъ сорокъ только-что сдѣлали. Пришлось отсиживаться, а вѣрнѣе—отлеживаться на кушеткѣ дома. Однако, съ обѣда нѣсколько «воскресли», и хотя немного могли посмотрѣть городъ. Подъ окнами моей квартиры направо и налѣво два моста. Среди нихъ за рѣкой—крыши двухъ храмовъ. Мы и рѣшили идти на правый мостъ, и посмотрѣвъ храмы и мѣстность около нихъ—возвратиться домой лѣвымъ. Такъ и сдѣлали.

Съ мостовъ открывается хорошій видъ на нашу миссію. Правда, она нѣсколько закрыта находящимися внизу и рядомъ съ нею домами. Но когда воздвигнется настоящій Божій храмъ, да съ хорошей колокольней,—несомнѣнно онъ будетъ царить надъ всею мѣстностью.

Проходя къ другому мосту, мы зашли въ *Теммо-но-Тендзинъ*, очень чтимый народомъ храмъ (синтоистскій). Громадное количество жертвованныхъ фонарей, жертвованныхъ мѣшковъ съ рисомъ, бочекъ съ виномъ говорятъ о томъ почтеніи, какое народъ питаетъ къ герою, имени котораго посвященъ этотъ храмъ.

Большой ширины улица—оказалась зеленнымъ и фруктовымъ рынкомъ. Дешевизна фруктовъ меня совершенно поразила! Даже бананы приходятся не дороже 3 коп. за штуку; а про фрукты мѣстные и не говорю. Чрезъ мостъ, по имени храма называемый «Тендзинъ», возвратились мы домой, гдѣ ждалъ насъ обѣдъ.

Передъ всенощной прибыли воспитанники семинаріи Найто и Каминага, лѣто проводившіе поблизости на берегу моря (Сума), гдѣ они состояли учителями японскаго языка у русскихъ офицеровъ-восточниковъ. Прибылъ катихизаторъ изъ Вакаяма. Всѣ они собираются на завтрашній «кангейкай».

Всенощная совершена была очень торжественно. Собралось христіанъ достаточно. А пѣвчихъ—даже очень много: что-то около 25 человѣкъ: усилили хоръ трое изъ проѣзжающихъ въ Токіо мацуямскихъ спутниковъ, и—семинаристы.—Церковь несомнѣнно низка; въ ней нѣсколько душно. Но это не мѣшало при мерцаніи свѣчекъ и лампадокъ всѣмъ горячо

молиться... Проповѣдь говорилъ пріѣхавшій изъ Вакаямы катихизаторъ. Я же буду говорить завтра послѣ обѣдни, и на кангейкаѣ.—Вечеромъ получилъ письмо отъ катихизатора изъ Оказаки съ просьбою,—сообщить день и часъ, когда я буду проѣзжать черезъ ихъ станцію въ Токёо, такъ какъ христіане желаютъ получить у меня благословеніе. Я отвѣтилъ на письмо, что услышалъ голосъ оказакскихъ христіанъ, желающихъ видѣть меня, въ свой маршрутъ включу и Оказаки, и нѣкоторое время среди нихъ пробуду. Это будетъ лучше минутной встрѣчи на вокзалѣ...

Молитвеннымъ приготовленіемъ къ завтрашней службѣ закончилъ я субботу, не столь богатую внѣшними впечатлѣніями, но тихую, молитвенную, радостную! *).

Епископъ **Сергій.**

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Переписка раскольническихъ дѣятелей начала XVIII вѣка.

Въ настоящій разъ мы ознакомимъ читателей съ нѣкоторыми сочиненіями Ѳеодосія Васильева, основателя безпоповщинскаго толка, извѣстнаго подъ именемъ оедосѣевщины. Два изъ этихъ сочиненій совсѣмъ не извѣстны въ печати, объ одномъ упоминалось. Первое сочиненіе относится къ 1701 году, когда Ѳеодосій жилъ въ Польшѣ, въ Невельскомъ уѣздѣ. Писано оно въ видѣ увѣщанія держаться раскола, о слабости содержанія котораго среди старыхъ своихъ знакомыхъ Ѳеодосій узналъ изъ присланнаго отъ нихъ къ нему письма. Второе сочиненіе представляетъ собою посланіе на Выгъ, къ тамошнимъ безпоповцамъ, среди которыхъ Ѳеодосій, послѣ ознакомленія съ Выгомъ, замѣтилъ многія разногласія по сравненью съ оедосѣевцами. Писано это посланіе приблизительно около половины 1705 года. Третье сочиненіе—увѣщаніе содержать расколъ скрытно, бѣгая и таясь. Это сочиненіе писано въ 1711 году, когда Ѳеодосій находился въ новгородской тюрьмѣ. Такимъ образомъ, всѣ сочиненія Ѳеодосія относятся къ самому началу XVIII вѣка и обнимаютъ собою ровно 10-ть лѣтъ. Скажемъ о каждомъ сочиненіи нѣсколько подробнѣе.

Первое изъ печатаемыхъ сочиненій извѣстно намъ по *тремъ* спискамъ: одинъ изъ нихъ полный и два — неполные. Первый находится въ рукоп. И. П. Б. Q. I. 1026, л. 8—21 обор. Здѣсь сочиненіе имѣетъ видъ посланія, каковымъ оно и было на самомъ дѣлѣ. «Государемъ моимъ милостивымъ, и пріятелемъ смиреннымъ, и въ кротости пребывающимъ... Здравствуйте любимицы мои!» такъ начинается сочиненіе. Въ текстѣ много разъ встрѣчаются обращенія къ адресатамъ: «Друзи мои со-

вѣтніи и братія любезная... Государи, мои пріятели... Государи, мои любимицы... Государи мои, любимицы, и друзи совѣтніи...» О себѣ составитель посланія говоритъ такъ: «Азъ еще живъ, и терпитъ Господь моему убожеству, и пребываю съ рабами Христовыми въ православной вѣрѣ Христовой... А я, грѣшный, того ради скитаюсь за имя Ісусъ Христово...» Такимъ образомъ авторъ посланія бесѣдуетъ съ адресатами, какъ съ своими друзьями и любимцами. Себя авторъ называетъ «скитникомъ» и говоритъ, что онъ «пребываетъ съ рабами Христовыми въ православной вѣрѣ Христовой», очевидно—какъ начальствующій надъ этими «рабами» и управляющій ими [1]). Кто же былъ составителемъ посланія? и кому оно предназначалось? Мы думаемъ, что составителемъ посланія былъ извѣстный Ѳеодосій Васильевъ, когда онъ жилъ заграницей, въ Невельскомъ уѣздѣ. Иначе, что бы означало такое выраженіе составителя: «А я, грѣшный, того ради скитаюся за имя Ісусъ Христово, чтобы мнѣ во вѣки душою и тѣломъ не погибнуть?» Въ устахъ человѣка, который оставилъ ради раскола родину, ушелъ даже изъ отечества и теперь «скитается» въ чужой землѣ, такое выраженіе вполнѣ понятно. Затѣмъ: среди рукописей Румянцевскаго музея есть «Списокъ съ грамотки юзника и страдальца, раба Божія Діонисія христолюбца, пустынножителя бывша прежде» [2]). Сочиненіе это принадлежитъ, очевидно, Ѳеодосію Васильеву, который былъ перекрещенъ въ расколъ подъ именемъ Діонисія, и который, потомъ, оставивъ домъ свой, ушелъ изъ села «недалече, яко пять поприщъ», и жилъ тамъ «въ безмолвіи», какъ «пустынножитель», и писано въ то время, какъ увидимъ ниже, когда Діонисій находился въ заключеніи въ «Орловой палатѣ», въ Новгородѣ [3]). Эта «грамотка», по образу употребленныхъ въ ней выраженій, очень напоминаетъ разсматриваемое посланіе. Посланіе начинается такъ: «Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. Государемъ моимъ милостивымъ и пріятелемъ смиреннымъ... Пишу азъ, грѣшный, о семъ къ вамъ»... Буквально тѣми же словами начинается и «грамотка» Діонисія: «Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь.

---

[1]) На такое же свое отношеніе къ этимъ „рабамъ“ авторъ указываетъ въ замѣчаніи объ обращеніи адресатовъ къ расколу: „И азъ бы, грѣшный, возрадовался съ рабами Христовыми о вашемъ обращеніи“.

[2]) Рукоп. Румянц. музея № 730, лл. 303—310 обор.

[3]) Житіе, стр. 3. 15.

Государемъ моимъ милостивымъ, смиреннымъ пріятелемъ... И азъ, сестры и братіе, первый во грѣсѣхъ и послѣдній въ человѣцѣхъ, Діонисій многогрѣшникъ, поклоняюся вамъ до лица земнаго»... Обращенія къ адресатамъ въ обоихъ посланіяхъ точно также одинаковыя: «Государи, мои любимицы... Государи мои, смиренницы Божіи». Кромѣ того, извѣстно еще посланіе Ѳеодосія Васильева на Выгъ—«о догматахъ и титлѣ». И это посланіе начинается тѣми же самыми словами [4]). На этихъ основаніяхъ мы думаемъ, что авторомъ разсматриваемаго посланія былъ Ѳеодосій Васильевъ.

Убѣждаетъ насъ въ томъ же и ученіе этого посланія объ антихристѣ. «Антихриста впредь уже не ожидайте въ чувство... антихристъ не имать въ чувство быти». Такъ говоритъ авторъ посланія. Хотя ученіе о духовномъ, мысленномъ антихристѣ было высказано въ расколѣ еще въ XVII вѣкѣ [5]), и съ тѣхъ поръ повторялось многими раскольниками, но подробно обосновано и раскрыто, чрезъ нѣсколько послѣ даннаго посланія лѣтъ, именно Ѳеодосіемъ Васильевымъ [6]).

И нѣкоторыя выраженія посланія понятнѣе всего въ устахъ русскаго человѣка, жившаго не на Руси, но писавшаго къ русскимъ. Напримѣръ, авторъ говоритъ: «И нынѣ тому времени 43-е лѣто, какъ у насъ, въ Московскомъ государствѣ, въ церквахъ Божіихъ благочестія не стало». Зачѣмъ нужно это упоминаніе о «Московскомъ государствѣ», если посланіе писано на Руси?

Дѣйствительно, въ то время, когда писано посланіе, Ѳеодосій Васильевъ жилъ въ Польшѣ. «И нынѣ уже,—говоритъ составитель посланія,—тому времени 43-е лѣто, какъ истинныя вѣры христіанскія въ церквахъ Божіихъ не стало»... Или по другому чтенію: «И нынѣ уже съ 1666 года истинной вѣры христіанской въ церквахъ Божіихъ не стало». И въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «И нынѣ тому времени 43-е лѣто, какъ у насъ, въ Московскомъ государствѣ, въ церквахъ Божіихъ благочестія не стало, и истиннаго чтенія и пѣнія», съ непосредственнымъ предъ этимъ замѣчаніемъ: «А егда исполнилось отъ воплощенія Божія Слова 1666 лѣтъ, тогда и здѣсь уже, въ Московскомъ государствѣ, отступили отъ истинныя,

[4]) Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 3.

[5]) Наше изслѣдованіе „Внутреннія вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“ стр. 34—43.

[6]) Рукоп. И. П. Б. изъ собр. Погодина № 1265.

православныя христіанскія вѣры». Такъ какъ 1666 годъ раскольническій падалъ на нашъ 1658-ой, то прибавляя сюда 43, получаемъ 1701. Въ это время Ѳеодосій Васильевъ жилъ за границей, въ общинѣ своихъ послѣдователей, перешедшихъ сюда изъ Новгорода вмѣстѣ съ нимъ. Посланіе писано, вѣроятно, тѣмъ новгородцамъ или жителямъ Старой Руссы, которые въ свое время были близки къ Ѳеодосію, а теперь остались па родинѣ. «Понеже азъ, грѣшный,—пишетъ авторъ,—отъ болѣзни сердечныя и со слезами глаголю къ вамъ, поминаючи вашу любовь прежнюю ко мнѣ, и не могу забыти днемъ и нощію». Тамъ, куда адресовалось посланіе, жили не только давніе «пріятели» автора, но и сродники его. «Того ради, государи мои любимицы, и друзья совѣтніи, и братія, и сестры, и вси сродницы мои, отъ мала и до велика, умилитеся душою и сердцемъ». Поэтому Ѳеодосій и говоритъ: «егда бо Господь Богъ изволилъ намъ съ вами побесѣдовати, аще по истинѣ хощете извѣститися о нынѣшнемъ многомятежномъ времени и о антихристѣ, — можетъ Господь Богъ извѣстити и скотомъ безсловеснымъ». И въ Новгородѣ, и въ Старой Русѣ Ѳеодосій послѣ 1701 года бывалъ не разъ, приходя сюда изъ Польши.

Составитель посланія пишетъ: «Ей, ей, скорбитъ и болѣзнуетъ душа моя о васъ. Посмотрите вы на добрыхъ людей, како покидаютъ домы и палаты каменныя, да бѣжатъ и скрываются въ пустыни, въ горы, и въ вертепы... А у насъ, благодатію Христовою, много и младые люди младость свою презираютъ, и о здѣшнемъ житіи не пекутся». Черты этой характеристики вполнѣ отвѣчаютъ состоянію оедосѣевской общины въ Польшѣ въ 1701 году, когда насельники «обителей» Ѳеодосія считались уже сотнями и состояли изъ лицъ и разныхъ возраста, и разнаго состоянія, не исключая и богатыхъ дворянскихъ фамилій, оставившихъ ради раскола свои помѣстья [7]).

Неполные списки разсматриваемаго сочиненія содержатся въ двухъ рукописяхъ И. П. Б.

а) Рукоп. И. П. Б. Q. I. 648. Въ этомъ спискѣ нѣтъ начальнаго обращенія къ адресатамъ. Рукопись начинается съ половины фразы—словами: «безцѣннаго бисера небеснаго, который бы избавилъ насъ отъ муки вѣчныя». Въ полномъ текстѣ это мѣсто читается такъ: «Пишу азъ, грѣшный, о семъ къ вамъ...

[7]) Хр. Чт. 1906, ч. 1, стр. 391—394.

поищите безцѣннаго бисера небеснаго...» По сравненію съ спискомъ Q. I. 1026 здѣсь есть разночтенія только въ словахъ.

б) Еще короче отрывокъ даннаго посланія въ рукописи И. П. Б. изъ древнехранилища Погодина № 1239, свитокъ $85 \times 2^1/_2$ вершка. Начинается словами: «догмата того въ церкви Божіи» въ выраженіи: «И что много глаголю, и глаголя не скончаю: нѣсть бо догмата того въ церкви Божіи, котораго бы Никонъ патріархъ не разрушилъ». Но разночтеній въ этомъ спискѣ гораздо больше и они довольно значительныя.

Второе изъ печатаемыхъ сочиненій—«О догматахъ и титлѣ» извѣстно намъ по *четыремъ* спискамъ: а) Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 3. Въ общемъ оглавленіи надписывается: «Предложеніе Ѳеодосія Васильевича отцу А. Д. о догматахъ и титлѣ». Начинается такъ: «Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Вѣдомо буди вашей братской о Христѣ къ намъ, грѣшнымъ, любви»...—б) Рукоп. В. Г. Дружинина № 149, л. 8 об.—14 об. Въ общемъ оглавленіи значится: «Письмо Ѳедосея Васильевича о церковныхъ догматахъ въ 13 статьяхъ».—в) Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1082, л. 1—5 обор. Въ оглавленіи этого сборника сочиненіе такъ надписывается: «Письмо Ѳеодосія Васильевича въ монастырь въ 13 пунктахъ».—г) Рукоп. И. П. Б. О. I. 358, лл. 9—16. Начинается: «Вашей братской о Христѣ къ намъ, грѣшнымъ, любви»...

Итакъ, это есть посланіе Ѳеодосія Васильева на Выгъ къ Андрею Денисову. Предметъ посланія обозначается въ текстѣ такъ: «о церковныхъ догматахъ, о нихъ же бяше якоже прежде, такъ и нынѣ у васъ съ нами пря и смущеніе», и далѣе перечисляются эти «догматы»: о титлѣ, о бракѣ, о ѣденіи съ невѣрными, объ иночествѣ, о всенощномъ бдѣніи, объ осьмомъ исходномъ поклонѣ, о началѣ службы, о поклонахъ на седьмичной полунощницѣ, о началѣ Часовъ, о молитвословіи предъ Часами, объ имени «Іоаннъ», о распростертіи рукъ при каждѣніи. Всего 13 пунктовъ разногласія ѳедосѣевцевъ съ выговцами. Но способъ изложенія или образъ выраженія не во всѣхъ пунктахъ одинаковъ. Въ первыхъ 6-ти пунктахъ выговцы именуются: «ваше общее братское о Христѣ собраніе»; затѣмъ, упоминается о какомъ-то «бывшемъ» у выговцевъ съ ѳедосѣевцами «примиреніи», причемъ въ каждомъ пунктѣ выговцы снова приглашаются къ «примиренію»: «и мы о семъ ищемъ отъ васъ въ примиреніи... или и о сихъ ищемъ мы отъ вашея любви въ примиреніи»... Напротивъ, начиная съ 7

пункта рѣчь ведется гораздо рѣзче и ни о какомъ примиреніи уже не упоминается. Напримѣръ: «да у васъ же всегда въ исходныхъ поклонѣхъ... лишній поклонъ осмый, не по уставу святыхъ отецъ», или: «страшнѣе же сего: почто вы невѣруете печатнымъ святымъ церковнымъ книгамъ». Такая разность въ способѣ выраженій объясняется тѣмъ, что настоящее посланіе со стороны Ѳеодосія было уже *вторымъ* посланіемъ. Первая «бесѣда», о которой Ѳеодосій упоминаетъ въ первыхъ шести пунктахъ, была при первомъ знакомствѣ Ѳеодосія съ выговцами, когда Ѳеодосій въ 1703 году былъ на Выгѣ и бесѣдовалъ съ Андреемъ Денисовымъ, съ братомъ его Семеномъ и «со иными». Тогда Ѳеодосій, «много преудивився твердости» выговцевъ, «благочестію и жестокости житія, лѣпотному чиноукрашенію», бесѣдовалъ «о благочестіи мирно» и «потомъ въ мирномъ союзѣ паки въ Польскіе краи, ко своей обители, отъѣха». Но тамъ соглашеніе съ выговцами было принято неблагопріятно [8]), и Ѳеодосій понялъ, что онъ поступилъ на Выгѣ крайнѣ необдуманно. И вотъ, послѣ еще свиданія съ Андреемъ Денисовымъ въ Старой Руссѣ, Ѳеодосій написалъ на Выгъ «предложеніе» въ 6-ти статьяхъ,—тѣхъ самыхъ, которыя потомъ вошли въ «предложеніе» въ 13 статьяхъ. Когда было свиданіе въ Старой Русѣ, не извѣстно, но приблизительно черезъ годъ послѣ того былъ полученъ въ Польшѣ и отвѣтъ отъ Андрея Денисова на шесть статей Ѳеодосія. Объ этомъ можно заключать изъ самаго этого отвѣта Денисова, гдѣ онъ такъ выражается: «А егда мы въ Старой Руссѣ въ прошлой годинѣ съ тобой, Ѳеодосіемъ, видѣлися»... Но на этой перепискѣ дѣло не остановилось. «Изъ Выгорѣцкаго общежительства выѣха въ Новгородъ, для проповѣди благочестія и иныхъ ради нуждъ, многоразумный и премудрый мужъ Леонтій Ѳедосѣевичъ, который, ради его многаго разума и преизящнаго вѣдѣнія, не помалу возлюбленъ бысть Новгородскими христіаны, къ которымъ учитель Ѳеодосій, съ прочими наставники, пріѣзжаше, отъ чего оными наставники зѣло бысть ненавистуемъ и возненавидѣнъ, зане въ вѣдѣніи Священныхъ Писаній ихъ много превосхождаше. Многажды пряхуся съ нимъ о нововводной титлѣ, и о прочихъ несослагательныхъ вещѣхъ», и всякій разъ были отъ Леонтія побѣждаемы. «Чего ради, не терпяще между собою онаго зрѣти, пріѣхавши» въ Польшу, «паустиша учителя

[8]) *Поповъ*—Мат. для ист. безпопов. согласій, стр. 10. 23.

Ѳеодосія, да учинитъ съ поморскими пустынножители раздѣлъ». Тогда-то, по нашему мнѣнію, Ѳеодосій и написалъ другое «предложеніе» на Выгъ, въ 13 статьяхъ,—то самое, которое мы сейчасъ разбираемъ. Это было около половины 1705 года, когда Андрея Денисова на Выгѣ не было. Затѣмъ въ 1706 году Ѳеодосій самъ пріѣзжалъ на Выгъ и произвелъ съ выговцами полное раздѣленіе. «Егда же прибысть премудрый отецъ Андрей Денисовичъ, и услышавъ тѣхъ немирный пріѣздъ, весьма жалостію о нихъ опечалися, и много о томъ соболѣзноваше, тщася ихъ паки къ соединенію повратити» [9]). Не имѣя въ этомъ успѣха, Андрей въ 1710 году написалъ въ обличеніе оедосѣевцевъ окружное посланіе, въ которомъ подвергъ разбору уже всѣ 13-ть возраженій Ѳеодосія.

Третье печатаемое сочиненіе представляетъ собою Увѣщаніе «бѣгать и таиться». Извѣстно намъ по *одному* списку—рукопись Румянцевскаго музея № 730, лл. 303 об.—310 обор. Составитель увѣщанія названъ въ надписаніи его, которое гласитъ: «списокъ съ грамотки юзника и страдальца, раба Божія Діонисія христолюбца, пустынножителя бывша прежде». Имя Діонисія носилъ Ѳеодосій Васильевъ, съ этимъ именемъ перекрещенный въ расколъ. «Пустынножителемъ» онъ называется потому, что до бѣгства за границу, оставивъ свой домъ, ушелъ изъ села «недалече, яко пять поприщъ», и жилъ тамъ «въ безмолвіи», какъ «пустынножитель» [10]). Діонисій названъ здѣсь «страдальцемъ», потому, конечно, что умеръ въ «Орловой палатѣ», въ заточеніи [11]). На это же указываетъ и наименованіе «юзникъ». Очевидно, надписаніе сочиненія пріурочиваетъ время его появленія къ новгородскому темничному заключенію Ѳеодосія. Указаніе на это есть и въ самомъ увѣщаніи. «И нынѣ,—говоритъ здѣсь авторъ,—тако помышляю: аще бы Богъ вынесъ, то бы не токмо уединитися должно бы, и подъ землею скрытися». Ѳеодосій разумѣлъ здѣсь свое пребываніе въ «Орловой палатѣ, темноты и праха исполненной». По «Житію» Ѳеодосія, въ этой «палатѣ» онъ былъ держанъ «четыре седмицы». Умеръ 18 іюля 1711 года. Къ этому времени и нужно относить написаніе даннаго увѣщанія. Адресовано увѣщаніе было всей братіи, страждущей за слово Божіе», т. е. ранѣе жившей за границей подъ управленіемъ Ѳеодосія, а потомъ пере-

[9]) Тамъ же, стр. 23—25. Ср. Хр. Чт. 1906, ч. 1, стр. 274—280.

[10]) Житіе Ѳеодосія (Мат. для ист. безпопов. согласій. М. 1870, стр. 3).

[11]) Тамъ же, стр. 15.

шедшей опять на Русь. «Государемъ моимъ милостивымъ, смиреннымъ пріятелемъ, о Христѣ братіямъ и сестрамъ... страждущимъ за слово Божіе... ихъ же имена Богъ вѣсть». Такъ начиналось увѣщаніе. И затѣмъ, Ѳеодосій увѣщавалъ всѣхъ «пожить въ тишинѣ, и вскрытѣ, и невыходимо».

П. Смирновъ.

I.

Увѣщаніе держаться раскола [1]).

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь.

Государемъ моимъ милостивымъ, и пріятелемъ смиреннымъ, и въ кротости пребывающимъ, сѣдинами и незлобіемъ преукрашеннымъ, милосердіемъ и милостію одѣявшимся, насъ сущимъ питателемъ, сиротамъ и вдовицамъ помогателемъ, скорбящимъ утѣшителемъ, больнымъ посѣтителемъ, немощнымъ помогателемъ, страннымъ покоище, плачущимъ возвеселителемъ, просящимъ подателемъ, и многими добродѣтели облекшимся, имя-рекъ, и всѣмъ вамъ, любимцамъ моимъ, отъ мала и до велика, по великому челобитію и по низкому поклону до лица земли отъ мене грѣшнаго, имя-рекъ. Здравствуйте, любимицы мои!

А о мнѣ изволите вопросить: азъ еще живъ, и терпитъ Господь моему убожеству, и пребываю съ рабами Христовыми въ православной вѣрѣ Христовѣ, и молюся, елико по силѣ моей, Господу Богу и Спасу нашему Ісусу Христу, Пречистой Его Богоматери, Пресвятой Богородицѣ, и всѣмъ святымъ Его, чтобы мнѣ, грѣшному, въ православной вѣрѣ Христовѣ (быть) до смерти моея. Понеже писано есть во святомъ и божественномъ Писаніи: претерпѣвый до конца, той спасется. Пишу азъ, грѣшный, о семъ къ вамъ, друзи мои совѣтніи и братія любезная: попецытеся о спасеніи душъ своихъ Господа ради, доколѣ въ вѣцѣ семъ еще, поищите [2]) безцѣннаго бисера небеснаго, который бы васъ избавилъ муки вѣчныя и подалъ бы царство небесное. Понеже азъ, грѣшный, отъ болѣзни сердечныя и со слезами глаголю къ вамъ, поминаючи вашу любовь прежнюю ко мнѣ, и не могу забыти днемъ и нощію, аки стрѣлы остры избодаютъ сердце мое. Того ради, господіе мои и братія любезная, утолите моя слезы и плачъ [3]) и рыданіе непрестанное, помилуйте

---

[1]) Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1026, лл. 8—21 обор. Варіанты по рукописямъ: а) И. П. Б. Q. I. 648; б) И. П. Б. изъ собранія Погодина № 1239, свитокъ въ 85×2½ вершка.

[2]) Отсюда начинается рукоп. И. П. Б. Q. I. 648

[3]) 648: слезный плачъ

свои души, Господа ради обратитеся въ православную христіанскую вѣру; попомните свой смертный часъ и помяните страшный судъ Христовъ, внегда Ангели лютіи и грознїи пріидутъ по васъ и восхитятъ васъ въ часъ, въ онь же не чаете, и во время, въ не же не вѣдаете. И которая дѣла тамо пошлете предъ собою по аеру, и како тамо вамъ отвѣщати праведному судіи Богу, не токмо за дѣла скверная, но и за слова и помышленіе. И того ради, государи мои пріятели, помилуйте свои души и измите себе отъ вѣчныя муки, — тамо вамъ никто не поможетъ: ни отецъ, ни мати, ни сынови, ни дщери, ни друзи, ни сердоболи, ни злато, ни сребро, ни имѣнія, ни богатства изобиліе, ни могутства гордость, но токмо поможетъ добрая дѣла, да истинная вѣра христіанская. А нынѣ аще которые человѣцы и многія добродѣтели совершаютъ: постъ, или поклоны, или милостыню творятъ, а не въ правой вѣрѣ христіянской, и то трудъ ихъ весь вотще погибаетъ. Понеже о таковыхъ пишетъ святый Іоаннъ Богословъ, тако рече: блюдите, да не погубите яже содѣласте, яко мнози прелестницы изыдоша въ міръ. Да и мнози святіи о семъ пишутъ, яко вѣра безъ дѣлъ мертва есть, тако же и дѣла безъ истинныя вѣры [4]) мертвы суть. Яко во святомъ Евангеліи Благовѣстномъ въ Матѳеѣ пишетъ въ зачалѣ 95, листъ 182: паки же не токмо подобаетъ миловати, но вѣровати Богу истинному; мнози бо и отъ еллѣнинъ милостыню даяху, но не вѣруютъ въ Бога живаго, и не имѣяху милостыни, не послѣдующе вѣрѣ, и сего ради бяше безъ пользы милостыня ихъ. Да и Кирилла Іерусалимскаго въ книзѣ писано, въ преніи премудраго Панагіота философа съ кардиналомъ Азимитомъ. Панагіотъ рече: священницы ваши свиньи, въ нихъ же посла Господь легіонъ бѣсовъ, а милостыня ваша рожцы свиные, яко же рече премудрый Соломонъ: жертва нечестивыхъ — мерзость Господеви. А мы, православные христіяне, извѣстно о семъ вѣдаемъ, еже во святомъ Евангеліи писано есть [5]): яко милостыня и постъ — два крыла возлетати на высоту небесную, но сія вся съ правою вѣрою. И паки: милостыня очищаетъ грѣхи, а постъ совокупляетъ человѣка со ангелы. И паки: даяй нищему, Христу взаимъ даетъ. И паки: елико сотворите нищимъ, то Мнѣ сотворите. И сіе речеся православнымъ христіаномъ, а не еретикомъ, или которые человѣцы въ ересѣхъ пребываютъ и ученію ихъ послѣдуютъ. Кто послѣдуетъ и пріобщается съ ними въ службѣ ихъ, и къ тѣмъ святіи отцы инако глаголютъ: еже обратитеся отъ прелести и покайтеся, а не глаголютъ имъ тако: еже творити милостыню, или смиреніе, или поститися, или любовь имѣти въ ересѣхъ. Но токмо глаголютъ: обратитеся въ православную

[4]) 648: безъ вѣры

[5]) 648: пишетъ

христіянскую вѣру, понеже безъ правыя вѣры не возможно спастися. И паки рече: праведникъ отъ вѣры живъ будетъ, понеже и невѣрніи мнози милостыню творятъ, и жидове и еллины, и постятся, и любовь имѣютъ и смиреніе, но не въ правой вѣрѣ, и сего ради трудъ ихъ весь вотще погибаетъ. И вы, друзи мои совѣтніи и братія моя любезная, прежде всего потщитеся и подвигнитеся изобрѣсти путь священный — православную христіянскую вѣру, не погубите времени, даннаго намъ на покаяніе, его же паки получити невозможно, якоже и Господь рече: любяй Мя, въ законѣ моемъ поучатися имать день и нощь. И вы, любимицы мои, поскорбите о душахъ своихъ здѣ, дондеже въ вѣцѣ семъ; яко же святый Іоаннъ Златоустый глаголетъ: иже аще кто скорбенъ здѣ о души своей, той о ней небесною славою возвеселится. А наипаче же сего блюдитеся, еже рече: горе полагающимъ свѣтъ во тьму и тьму въ свѣтъ, еже есть у нынѣшнихъ учителей: церкви Божіи—тьма, невѣдѣніе, сирѣчь ученіе ложное, еретическое, проклятое, и отъ святыхъ отецъ отверженное и уничиженное. И что много глаголю, и глагола [6]) не скончаю, нѣсть бо [7]) того догмата въ церкви Божіи, котораго бы Никонъ патріархъ не разрушилъ. А святіи отцы и за едину черту проклятіе положили, якоже [8]) пишетъ въ книзѣ Кормчей, листъ 641: яко еретикъ есть и еретическому же проклятію подлежитъ, аще имать что, уклоняяся отъ православной вѣры [9]). Тако святіи отцы написали, а вы, тако слышавше, святыхъ отецъ проклятіе ни во что полагаете, аки безсмертни, и не поминаете смертнаго часа и страшнаго втораго пришествія Христова, и возлюбили есте проклятіе паче благословенія, и муку вѣчную паче царствія небеснаго, и тьму кромешную паче свѣта безвечерняго [10]), и алканіе вѣчное паче наслажденія неизреченнаго. И вы, государи мои, любимицы, и друзи мои совѣтніи [11]), ради наслажденія суетнаго и маловременнаго лишитеся вѣчнаго наслажденія; да аще вамъ здѣ и сладко будетъ, но не надолго [12]), а огорчитися вамъ во вѣки вѣкомъ. И вы, государи мои, изберите себѣ лучшее, что бы вашимъ душамъ на пользу, обратитеся въ православную христіянскую вѣру, и

---

[6]) 648: и глаголя

[7]) Отсюда начинается ркп. И. П. Б. изъ собранія Погодина № 1239. свитокъ въ 85×21½ вершка

[8]) 1239: положили, глаголаша и написаша тако на седьмомъ вселенскомъ соборѣ: аще кто убавитъ или прибавитъ, анаѳема да будетъ, сирѣчь проклятъ буди, якоже

[9]) 1239: аще имать и мало что, уклоняяся отъ правыя христіанскія вѣры

[10]) 1239: царство небесное возненавидѣли, паче же тьму возлюбили

[11]) 648: и друзи совѣтніи

[12]) 648: но не долго

потерпите въ малое се время, да царствовати имамы въ непроходимыхъ вѣцѣхъ [13]): алчемъ здѣ, да тамо насытимся; плачемъ здѣ, да тамо утѣшимся; будемъ здѣ скорбни Бога ради, да тамо возвеселимся; обнищаемъ здѣ добровольнѣ [14]) Христа ради, да тамо обогатимся [15]). Или вы не слышите гласа глаголюща, яко [16]) невозможно богатому внити въ царство небесное. И паки рече: о, горе вамъ насыщеніи, яко взалчете. Иже бо кто не хощетъ здѣ алченъ и жажденъ быти Христа ради, той лишится вѣчнаго наслажденія и пищи райскія; яко же святый Іоаннъ Златоустъ въ Маргаритѣ глаголетъ и Правыя Вѣры списатель: иже бо въ піянствѣ [17]) пребывающій и въ многояденіи, подъ самымъ діяволомъ мучимъ будетъ, таковый; паки глаголетъ: о, горе вамъ, смѣющимся нынѣ, яко плакати и рыдати имате безпрестанно; яко же святый Ефремъ Сиринъ глаголетъ въ своей книзѣ: иже бо не хощетъ здѣ страдати, той тамо имать плакатися въ непроходимыхъ вѣцѣхъ.

А я нынѣ вижу, что нѣсть у васъ разсужденія ни десницѣ, ни шуйцѣ, сирѣчь ни добру, ни злу, ни ересѣмъ, ни истинной вѣрѣ. Видите ли [18]), како учителіе нынѣшніе со ста шестидесятъ шестаго году повелѣваютъ креститися щепотію, тремя персты, а благословляютъ людей разстопыря персты Малаксою [19]). И то ихъ преданіе — новое, еретическое, а святіи отцы то называютъ печать антихристову, понеже все едино: кто щепотію крестится, или подъ руку къ нимъ ходитъ, все то одна печать антихристова и мудрованіе Никона

---

[13]) 1239: да царствуете непроходимые вѣки — 648: да царствовати имате въ

[14]) 648: доброволіемъ

[15]) 1239: будемъ здѣ нищи Христа ради, да тамо обогатимся; потерпимъ здѣ волею въ малое время, да тамо въ царствіи небеснѣмъ возвеселимся и утѣшимся

[16]) 1239: или вы не слышите самого Господа, глаголюща во святомъ своемъ Евангеліи, яко

[17]) 1239: въ Маргаритѣ книгѣ глаголетъ: яже бо въ піянствѣ

[18]) 1239: и паки глаголетъ святый Ефремъ въ своей книгѣ тако: яко ковъ и лукавство отъ чрева начинается и всяка злоба оттого рождается... Аеанасій великій: отъ мала корени велико древо возрастаетъ, отъ малаго лакомства велико... яденіе впаде человѣкъ. И паки той же святый рече: ищѣже плотскій покой, тамо страхъ Божій не бываетъ. И паки глаголетъ Господь: о, горе вамъ, смѣющимся нынѣ, яко плакати и рыдати имате безпрестанно. Яко же бо святый Ефремъ Сиринъ: не хощетъ кто здѣ страдати, то таковый тамо имать плакати въ непроходимыхъ вѣцѣхъ; а мы топеря видимъ, что нѣсть у васъ разсужденія ни дисницѣ, ни шуйцѣ, ни добру, ни злу, сирѣчь ни истиннѣй православнѣй вѣрѣ, ни ересѣмъ; и о семъ вы поцеченія не имѣете. Видите ли

[19]) 1239: Малаксы еретика

патріарха [20]). О семъ святый Ипполитъ, папа римскій, глаголетъ, книга Сборникъ [21]), листъ 101: и дастъ имъ знаменіе на руцѣ деснѣй и на челѣ, да никто же честный и животворящій крестъ сотворитъ десною рукою своею на челѣ, но связана рука его будетъ. Листъ той же: печати же его, иже на руцѣ деснѣй и на челѣ есть, число 666. Ниже: суть сія — злый вождь, агнецъ неправедный, древлезавистникъ, потрясетъ вельми, титинъ, еже есть преисподній бѣсъ. Ниже, листъ 133: восплачутся горы, и холмы, и древа польская, человѣческаго рода [22]) ради, яко вси уклонишася отъ Бога и лесцу вѣроваша, пріемше начертаніе сквернаго богоборца вмѣсто животворящаго креста Спасова. Восплачутся и церкви Божіи плачемъ веліимъ, зане ни приношенія, ниже кадило совершается, ниже служба богоугодная; священныя бо церкви яко овощное хранилище будутъ, и честное тѣло и кровь Христовы во днѣхъ онѣхъ не имать явитися; служба угаснетъ, чтеніе Писанія не услышится, но тьма будетъ на человѣцѣхъ, и плачъ на плачъ, и горе на горе. И егда пришелъ 666 годъ, въ Никона [23]) патріарха духъ лукавый, и начатъ Никонъ казити благочестивыя книги, и начатъ свои новыя печатати книги, и по нихъ учить, а старыя святыя книги отринулъ, и святыхъ московскихъ чудотворцевъ уничижилъ, и благовѣрныхъ князей и благочестивыхъ царей опорочилъ: будто они не знали святыхъ отецъ ученіе и соборное уложеніе [24]), и проклятіе ихъ ни во что вмѣнилъ, и заповѣди ихъ святыя разрушилъ. И то бы мощно и вамъ разсудити, что ихъ мудрованіе неправо [25]): понеже велятъ креститися тако, а благословляютъ инако; такъ, по ихъ мудрованію, стало два креста, а не такъ, какъ у святыхъ отецъ положено. А святой Ѳеодоритъ глаголетъ: како рукою креститися, тако и благословити, понеже единъ Богъ, и едина вѣра, и едино крещеніе, единъ и крестъ Христовъ.

---

[20]) 1239: отсюда части свитка № 1239, вслѣдствіе разрыва его, перемѣшаны, такъ что ближайшая часть оказалась на концѣ.

[21]) 648: глаголетъ въ Соборникѣ

[22]) 648: человѣческая ради

[23]) 648: и егда пришелъ 666-й годъ, тогда вшелъ въ Никона

[24]) 648: изложеніе

[25]) 1239: здѣсь эти двѣ точки изложены такъ: И егда пришелъ 666 годъ, тогда антихристъ вшелъ въ Никона патріарха, духъ лукавый; яко же прежде было въ Римѣ, егда исполнилося отъ Христова воплощенія 1000 лѣтъ, тогда сатана вниде въ Римскаго папу Селивестра. Тако и нынѣ въ Никона патріарха вниде той же и начатъ Никонъ казити благочестивыя книги, и свои новыя печатати книги повелѣ и по нихъ учити начатъ, а старое благочестіе, святыхъ московскихъ чудотворцевъ и благочестивыхъ князей и благовѣрныхъ царей ученіе, и святыхъ отцовъ проклятіе ни во во что же... и заповѣди ихъ... и то бы мощно и вамъ разсудити, по тому же, что ихъ мудрованіе неправо

А нынѣшніе учителіе иную вѣру нашли [26]), потомъ иное крещеніе, да иный крестъ. Да они же уложили: служатъ обѣдню на 5-ти просвирахъ, а печатаютъ крыжами двоечастными [27]). А святый Кириллъ Іерусалимскій тако пишетъ о томъ двоечастномъ крыжѣ: и тотъ, кто его истецалъ, проклятъ [28]). И о томъ бы мощно и вамъ разсудити, что то богопротивно, понеже Христосъ не на дву древахъ распятъ бысть, а тутъ токмо два древа, а Христосъ распятъ бысть на трехъ древахъ: на кипарисѣ, и певгѣ, и кедрѣ. А служили святіи отцы обѣдню на 7-ми просфирахъ, а кресты были истинные, въ тріехъ древахъ, а не въ дву [29]).

И глаголютъ нѣцыи отъ васъ: нѣсть-де въ нынѣшнемъ причастіи ни святости, ни осквернения, и грѣха въ томъ не сказываютъ. И сію они рѣчь глаголютъ отъ своего разстлѣннаго и помраченнаго ума, а не отъ святаго Писанія. Мы зримъ во святомъ Писаніи, книга Потребникъ Иноческій [30]), листъ 236: егда Римъ паде Аполинаріевою ересію, вмѣсто кислаго хлѣба на опрѣснокахъ начаша святую литоргію совершати, и которые человѣцы приступили къ таковому причащенію, и святіи отцы къ нимъ глаголютъ, яко пси мертву плоть, а не живу [31]).

Зрите ли, о, любимицы мои, силу сего словеси: мука и вода нескверна, яже опрѣсноки сотворяютъ и дѣйствуютъ на нихъ службы, но ради того скверны, яже отъ своего умышленія дѣйствуютъ, а не отъ святого Писанія. Тако же и о нынѣшнемъ причастіи и о крыжѣ латинскомъ разумѣти достоитъ,—скверно быти, а не свято, для того, что не по святыхъ отецъ уложенію дѣйствуютъ литоргію, но по своему умышленію [32]) служатъ, якоже латыни. Тако у насъ нынѣ въ Московскомъ государствѣ Никоново преданіе воспріяли и служатъ на 5-ти крыжахъ латинскихъ: поистинѣ яко пси мертву плоть ядятъ, а не живу, якоже римляне. О семъ и во святомъ Евангеліи [33]) Господь рече: егда узрите мерзость

---

[26]) 1239: А нынѣшніе, на конецъ послѣдняго вѣка, проповѣдницы и учители иную вѣру нашли

[27]) 1239: а печатаютъ ихъ крыжами латинскими, двоечастнымъ древомъ, а не троечастнымъ крестомъ Христовымъ, и о томъ мощно и малымъ робятомъ разумѣти, что то богопротивно, понеже Христосъ не на дву древахъ распятъ бысть, а тутъ токмо два древа, а Христосъ распятъ бысть на трехъ древахъ: на певгѣ, и кедрѣ, и кипарисѣ

[28]) 648: крыжѣ: проклятъ и тотъ, кто его сложилъ

[29]) 1239: въ тріехъ древахъ, а не крыжи двосложные, въ дву древахъ

[30]) 638: въ Потребникѣ Иноческомъ

[31]) 1239: яко пси мертву плоть ѣдятъ, а не живу.—648: яко тіи мертву плоть ядятъ, а не живу

[32]) 1239: по своему суемудренному умышленію

[33]) 1239: мертву плоть ѣдятъ—которые человѣцы нынѣшнее причастіе пріемлютъ; о семъ во святомъ Евангеліи

запустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ, реченную Даніиломъ пророкомъ, тогда сущіи во Іюдеѣ да бѣжатъ на горы, сирѣчь ко святому [34]) божественному Писанію. И которые человѣцы смѣютъ рѣщи тако, яко нѣсть мерзости нынѣ, и како уста ихъ отверзаются противу Господнихъ глаголъ? Господь пророкомъ глаголетъ, что мерзость станетъ на мѣстѣ святѣ, а они мерзость святостію называютъ. И о семъ, аще кто усомнится и не вразумится о нынѣшнемъ причастіи, сирѣчь о мерзости, и онъ приникни во святое Писаніе [35]) со здравымъ разумомъ и ума трезвеніемъ, понеже тако святый Іоаннъ Златоустый пишетъ въ Соборникѣ [36]), листъ 448: что же ради не разумѣемъ почитаемыхъ? азъ убо мню, яко имать сердце непокориво, и гнѣвливо, и самовольно, и того ради не разумѣемъ Писанія, яко же Соломонъ рече: въ злохитру душу не внидетъ мудрость, ниже можетъ укоренитися въ сердцѣ лукавѣй и осквернённѣй піянствомъ. А на церквахъ ставятъ нынѣ кресты разными переводы: тутъ такъ, а индѣ инако, — такъ уже, по ихъ мудрованію [37]), не единъ развѣ и Христосъ былъ, понеже неодинаково крестъ Христовъ ставятъ. И то бы мощно и вамъ разсудить: понеже единъ Христосъ, единъ и крестъ Христовъ, а не многіе. А гдѣ хотя у нихъ и истинные кресты стоятъ на церквахъ, ино въ алтарѣ, ва престолѣ, крыжъ же латинскій. А святый Іоаннъ Дамаскинъ глаголетъ: и гдѣ будетъ истинный крестъ Христовъ, тамо и Христосъ, а гдѣ начертаніе будетъ звѣрино, щепоть или крыжъ, тамо и сатана. Понеже во единомъ тѣлѣ не могутъ двѣ главы быти, тако и крестъ Христовъ не можетъ быти разными переводы.

А крестятъ нынѣ младенцевъ такоже по новому: противу солнца около купѣли ходятъ, не по преданію святыхъ отецъ,— живыхъ во адъ сводятъ, сатанѣ на жертву отдаютъ [38]). А въ молитвѣ на крещеніи молятся духу лукавому. И сего ихъ проклятаго умышленія не даждь намъ, Боже, и помыслити, не точію тако творити.

И что много глаголю? А иное и сами видите, что всѣ книги перепечатаны по своему плотскому мудрованію и суемудрому разсужденію, и весь чинъ церковный и уставъ нарушили, и святыхъ отецъ преданіе исказили. А святіи отцы и за едину точку проклятіе положили, и на 7-мъ соборѣ еще написали: аще кто убавитъ или прибавитъ

---

[34]) 1239: да бѣжатъ на горы, на сіе евангельское мѣсто.—648: да бѣжатъ на горы, сирѣчь прибѣгнутъ ко святому

[35]) 648: приникни ко святому Писанію

[36]) 648: пишетъ книга Соборникъ

[37]) 1239: по ихъ суемудренному разсужденію

[38]) 1239: отдаютъ, яко же Давидъ пророкъ рече: пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ

вновь, [39]) да будетъ проклятъ. И кто ихъ послушаетъ, таково же осужденіе пріиметъ въ будущемъ вѣцѣ и муку вѣчную съ ними. Аще не покается и не обратится отъ прелести ихъ, будетъ тамо мучитися не годъ, не два, или 1000 лѣтъ, но во вѣки вѣкомъ [40]), и утѣшающаго не будетъ въ нихъ. А святый Іоаннъ Златоустый глаголетъ въ Маргаритѣ въ словѣ о лжеучителѣхъ, иже съ невѣрными и съ еретики и со отступники общающіеся: услышите вси вы, иже съ еретики вкупѣ ядуще, или пьюще, или молитву дѣюще, болѣзненнаго сего отвѣта, яко вы Христови врази бысте; иже врагомъ царевымъ другъ есть, сей не можетъ другъ царевъ быть и жити недостоинъ есть, но со враги погибнетъ и горши подыметъ [41]). О, горе, братіе, больше мука сказана христіанину за то едино, кто съ еретики общеніе [42]) имѣетъ: ястъ, или піетъ, или молится. Яко же той же Златоустъ глаголетъ: послушайте, православные, съ еретики не смѣшайтеся, да не сведены будете въ вѣчныя муки съ ними. И паки: послушайте иже съ ними любящіеся, како имате убѣжати гнѣва, приходящаго на нихъ? иже съ ними сквернящіеся въ яденіи и питіяхъ, како смѣете приступити къ божественнымъ тайнамъ Христовымъ? или вы не слышите плача [43]) блаженнаго, вопіюща: яко не можетъ [44]) чашу Господню пити и чашу бѣсовскую, изыдите отъ среды ихъ и нечистому не прикасайтеся. Да и Кирилла Іерусалимскаго въ книгѣ писано есть [45]), листъ 333, на оборотѣ: имя бо Божіе вами во языцѣхъ хулимо бываетъ, воистину бо хулимо есть неточію жидами, но и нѣкоторыми христіяны, сообщающіися [46]) съ ними. Ниже, листъ 334: что же, таковые [47]) пострадати имутъ, иже съ сопротивниками не человѣки [48]), но со враги самого Бога

---

[39]) 648: убавитъ или прибавитъ

[40]) 648: будетъ тамо во вѣки

[41]) 1239: весь чинъ церковный и устои нарушили, что̀ ни содержитъ церковь Божія. А святіи отцы и за едину черту проклятіе положили. И кто ихъ послушаетъ, такожде осужденіе пріиметъ въ будущемъ вѣцѣ, аще не покается, и тамо будетъ мучиться не годъ, не два, но во вѣки вѣкомъ, и утѣшающаго не будетъ въ нихъ. А святый Іоаннъ Златоустый тако глаголетъ въ Маргаритѣ книгѣ, слово о лжеучителехъ: услышите вси вы, иже съ еретики вкупѣ ядущіи, болѣзненнаго сего отвѣта, яко вы Христовы врази бысте; иже врагомъ царевымъ другъ есть, сей не можетъ другъ царевъ быти и жити недостоинъ есть, но со враги погибнетъ и горшая подыметъ

[42]) 648: сообщеніе

[43]) 1239: или вы не слышите Павла

[44]) 1239: яко не можете.—648: не можетъ

[45]) 648: Да и Кириллъ Іерусалимскій въ книгѣ своей пишетъ

[46]) 1239: сообщающимися

[47]) 648: что же тако вси

[48]) 1239: не человѣчими

обществуютъ, таковые бо купно съ ними Единороднаго Сына Божія распинаютъ.

Видите ли, о, братіе моя любезная: аще который христіанинъ съ еретики общеніе имѣетъ, колико [49]) Богу досаждаетъ, яко же жидове проклятіи. А вы то себѣ въ грѣхъ [50]) не вмѣняете. А святый Златоустъ называетъ нынѣшнихъ учителей псами, волками и проклятыми еретиками, діаволовыми дѣтьми. А вы чаете отъ нихъ освященіе пріяти, отъ таковыхъ діаволовыхъ дѣтей, понеже отъ клятвы благословенія не бываетъ, и отъ смрада благоуханія не исходитъ, и отъ гнилаго трупа не можетъ кто исцѣлитися. Или вы не слышите [51]), како апостолы и святіи отцы глаголютъ во святомъ Божественномъ Писаніи, яко еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче осквернѣніе [52]). Такъ лучше, по святому Писанію, не крещеные младенцы нынѣшнихъ крещенныхъ младенцевъ, потому что еретикъ ихъ не осквернилъ. А вы нынѣ то и въ грѣхъ не вмѣняете и младенцы умираютъ [53]) безъ святаго крещенія. А самъ Господь во святомъ Евангеліи глаголетъ: аще кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ внити въ царство небесное. О горе, отвѣщати вамъ будетъ, государи мои любимицы, за всякую душу младенческую на Страшнѣмъ судѣ Христовѣ.

А браку [54]) также истиннаго нѣсть. Понеже въ правилѣхъ святыхъ отецъ тако пишетъ: иже отъ еретикъ вѣнчани, по вѣрѣ еретической, то не браки, но прелюбодѣичища [55]), тому подобно, какъ съ чужою женою блудъ творити. И таковымъ блудникамъ аще покаются, то 15 лѣтъ эпитиміи. Потомъ [56]) и всякое дѣйство скверно и Богу противно.

И нынѣ уже тому времени 43-е лѣто, какъ истинной вѣры христіанской въ церквахъ [57]) Божіихъ не стало. А вы въ нынѣшнія еретическія церкви ходите, и съ ними [58]) молитеся, и въ домы свои пущаете, и благословеніе отъ нихъ пріемлете. А святый Златоустъ въ Маргаритѣ глаголетъ: аще кто и не разбойничествуя, а въ разбойническихъ вертепѣхъ явится, ту же со онѣми казнь пріи-

---

[49]) 1239: колико онъ

[50]) 1239: а вы сего, любимицы мои, и въ грѣхъ

[51]) 1239: и отъ смрада благоуханія не исходитъ, и отъ червія исцѣленіе не бываетъ же. Или вы не слышите

[52]) 1239: но и паче осквернѣніе

[53]) 1239: и младенцы у васъ умираютъ

[54]) 648: слова „а браку“ *нѣтъ*

[55]) 648: но прелюбодѣйцы

[56]) 1239: по тому же

[57]) 1239: и нынѣ уже (съ) 1666-го году истинныя вѣры христіанскія въ церквахъ

[58]) 1239: и вкупѣ съ ними

метъ. Тако и вы къ нимъ не ходите [59]) въ разбойническіе вертепы, сирѣчь въ нынѣшнія еретическія церкви, идѣже крестъ отгонимъ есть, идѣже Богъ хулимъ есть, идѣ же Отецъ невѣдомъ есть, идѣже Сынъ бесчестимъ есть, идѣже христоубійцы сходятся, сирѣчь босорманы: армени, греки, поляки, полувѣрцы латыши, нѣмцы брадобритцы, и всѣхъ разныхъ вѣръ еретическихъ люди. Поистинѣ: стоитъ капище и идолъ у нихъ невидимо [60]), ему же они жертву приносятъ,— ни овцы, ни тельца, якоже бо прежде во Второзаконіи бысть, но души человѣческія пожираютъ, сирѣчь тѣми ересьми своими проклятыми погубляютъ.

Но убо время [61]) и прочая сказати вамъ: яко и бѣсове тамо живутъ, не въ томъ же самомъ мѣстѣ точію, но и въ самыхъ душахъ еретическихъ И паки еще глаголетъ святый Златоустъ въ Маргаритѣ, слово о лжеучителѣхъ: но не почудитеся сему [62]), аще и волцы будутъ пастуси, къ епископомъ бо и презвитеромъ глаголя: яко отъ васъ самѣхъ возстати имутъ [63]) мужіе, глаголюще развращенная; тѣмъ же да никто же прельститъ васъ, иже извнѣ имѣя образъ ангельскій, а внутрь діавольскъ [64]); отъ плодовъ ихъ самѣмъ Господемъ познавати учими есмы. И паки Господь рече: блюдитеся, да не прельщени будете, мнози бо пріидутъ, именемъ Моимъ глаголюще: азъ есмь Христосъ, и многихъ прельстятъ. И паки: блюдите себе отъ отъ лживыхъ пророковъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы и грабители, но отъ плодовъ ихъ познати я имате, неимущимъ [65]) бо плодовъ добрыхъ. Всяко бо древо отъ плода своего познается: тако и вы отъ плодовъ ихъ познавайте, не пріемлите ихъ въ домы и радоватися имъ не глаголите, и не повинуйтеся имъ, ни подобитеся словесѣмъ ихъ, и не сыплите бисеръ вашихъ предъ свиньями, да не попрутъ ногами, но блюдитеся [66]) отъ кваса ихъ, рекше отъ зловѣрства. Яко же въ книгѣ глаголемой Кормчей пишутъ святіи апостоли, правило 65, листъ 18: хри-

---

[59]) 1239: тако и вы къ нимъ ходите

[60]) 1239: идѣже Сынъ безчестимъ есть; идѣ же Духа благодать отмѣтаема есть. По истинѣ стоитъ у нихъ капище и идолъ невидимо

[61]) 1239: но души человѣческія пожираютъ, сирѣчь погубляютъ, паче же рещи сатанѣ въ ровъ отдаютъ. Но убо время

[62]) 1239: не почудися сему

[63]) 1239: и пресвитеромъ бесѣдуя, апостолъ глагола: яко отъ васъ самихъ возстати имутъ

[64]) 648: тѣмъ же да никто прельстится, иже внѣ имѣя образъ ангельскій, а внутрь волки

[65]) 1239: познати я имате, сирѣчь отъ словесъ, отъ пророчества ложнаго, отъ лицемѣрія ихъ, и отъ хуленія ихъ... не имущимъ

[66]) 1239: не сыплите биссеръ вашихъ предъ ними, но блюдитеся

стіаномъ съ еретики не молитися; толь [67]) вшедый въ соборище іудейское, или въ церковь еретическую, или поганскую, и помолився съ ними: аще убо мірскій—да извержется [68]), яко іудейская мудрствуя; аще ли же въ дому токмо помолится съ еретики епископъ, или презвитеръ, или діаконъ—да отлучится, яко же повелѣваетъ 45-е правило сихъ апостольскихъ заповѣдей и собора, иже въ Карѳагенѣ. правило 9-е такъ же: аще кто съ еретикомъ пріобщается и молится съ нимъ, съ вѣрными не пріобщится, но отъ церкви да изринется. Обою святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла правило 9, листъ 28: аще нѣсть мощно собиратися невѣрныхъ ради еретиковъ въ церковь, въ дому собиратися на пѣніе; да не внидетъ благочестивый въ церковь нечестивыхъ: не мѣсто бо освящаетъ человѣка, но человѣкъ мѣсто. Правило 10: аще же нечестивіи держатъ мѣсто, да бѣгаеши отъ него, понеже бо осквернено бысть отъ нихъ: яко же бо преподобніи святители освящаютъ, тако и нечестивіи оскверняютъ. Правило 11: аще же ни въ дому, купно ни въ церкви собиратися нѣсть мощно, кождо себѣ да поетъ, и да почитаетъ [69]), и да молится, или купно два или тріе. Идѣ же бо аще, рече Господь, два или тріе о имени Моемъ, ту есмь посреди ихъ. И паки индѣ писано есть: лучши единъ творя волю Божію паче тьмы беззаконныхъ [70]). Правило 12: вѣрный со оглашенными и въ дому да не помолится: кое бо общеніе свѣту ко тьмѣ, или: кая часть вѣрному съ невѣрными, или: кое сочетаніе Христови со діяволомъ. И не токмо въ церковь еретическую ходити, но и ясти и пити съ ними вкупѣ не подобаетъ, яко же правило святыхъ апостолъ глаголетъ 71, листъ 20: аще который христіанинъ принесетъ масло въ соборище жидовское, или въ церковь еретическую, или поганскую въ праздникъ ихъ, или кадило, или свѣщу возжетъ, да отлучится христіанства. О, чудо веліе, и страшно и трепетно! Како вы, любимцы мои, не разсуждаете сего, — правилъ святыхъ апостолъ! Слышите и разумѣйте, яко не точію освящаютъ васъ моленіе и жертвы ваши, но паче и оскверняютъ и погубляютъ васъ, и вѣчную муку ходатайствуютъ вамъ. Таково моленіе, иже съ еритики молится кто. А которому человѣку аще и смерть случится въ нечестивой вѣрѣ и въ ересѣхъ, и за то поминать не указано, а пишутъ святіи апостоли въ правилѣ 14, листъ 28: за нечестиваго, аще и всего міра богатство раздаси нищимъ, никоея же пользы ему сотворити: сму же бо живу сущу, врагъ бѣ Богу, явѣ есть, яко и по смерти. Слышите ли, государи

---

[67]) 648 и 1239: христіаномъ съ еретики не молитися; моляйся съ жиды, да отлучится; толь

[68]) 1239: аще мірскій, да отлучится; аще же причетникъ, да извержется

[69]) 648: и да поучаетъ

[70]) 648: паче беззаконныхъ

мои любимцы и други совѣтніи, и милостыня уже не поможетъ намъ, не въ правой вѣрѣ умретъ кто. И того ради христіяне еретиковъ не поминаютъ, да и мы васъ поминать не будемъ, аще не обратитеся въ православную христіянскую вѣру.

И я вамъ сію грамотку, ей-ей, не отъ своего разума возвѣщаю, но отъ святого Евангелія, и отъ святыхъ пророкъ, и отъ святыхъ апостолъ, и отъ святыхъ седми вселенскихъ соборовъ, и 9-ти помѣстныхъ, яко же въ Книгѣ, глаголемой „о вѣрѣ", пишетъ въ тридесятой главѣ: яко по тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова отъ Рождества Христова Римъ отпаде отъ православныя христіанскія вѣры со всѣми западными странами; а отъ 1000 лѣтъ егда прошло 595 лѣтъ, тогда юниты отступили отъ истинныя вѣры. А егда исполнилось отъ воплощенія Божія Слова 1666 лѣтъ, тогда и здѣсь уже, у насъ, въ Московскомъ государствѣ, отступили отъ истинныя, православныя, христіанскія вѣры. И нынѣ тому времени 43-е лѣто, какъ у насъ, въ Московскомъ государствѣ, въ церквахъ Божіихъ благочестія не стало и истиннаго пѣнія и чтенія. Антихриста уже впредь не ожидайте въ чувство, но по сему разумѣйте: егда Христосъ на земли явися и съ человѣки поживе, не царствовалъ онъ чувственно на земли, тако и антихристъ не имать въ чувство быти. Понеже святый Ипполитъ тако пишетъ: во всемъ хощетъ льстецъ уподобиться Сыну Божію; левъ Христосъ, левъ антихристъ, явися агнецъ Христосъ, явится и антихристъ агнецъ, внутрь же сый сокровенный волкъ, въ кожѣ овчи. И нынѣ уже онъ давно есть, яко же въ Бесѣдахъ Апостольскихъ Большихъ пишетъ, листъ 2333, — въ толкованіи: о антихристѣ здѣ бесѣдуетъ и велія открываетъ тайны. Что есть отступленіе? Того самаго антихриста нарицаетъ быти отступленіе. А нынѣ уже видите и сами, что отступили отъ истинныя православныя христіанскія вѣры,—такъ иного нечего ожидать, токмо страшнаго второго пришествія Христова. Не лжетъ божественное Писаніе: небо и земля мимо идетъ, словеса же Господня не прейдутъ. Яко же во всятомъ Евангеліи самъ Господь рече, Лука, зачало 17, листъ 189: и яко же бысть во дни Ноевы, тако будетъ и во дни Сына Человѣческаго: ядяху и піяху, женяхуся и посагаху, до него же дне вниде Ной въ ковчегъ, и пріиде вода, и погуби вся; тако, яко же бысть въ дни Лотовы: ядяху и піяху, куповаху, продаяху, саждаху и здаху, вонь же день изыде Лотъ отъ Содома, и одожди камыкъ горящій, и огнь съ небеси, и погуби вся. По тому же будетъ и въ день, вонь же пріидетъ Сынъ Человѣческій. Явися кованье толь сего ради: внезапу пріиде потопъ и погуби вся—тако будетъ и пришествіе Его [71]). Являетъ же, указа ради, и сего потопомъ на чело-

[71]) 648: и яко же бысть во дни Ноевы, тако будетъ и во дни Сына Человѣческаго: ядяху и піяху, куповаху, продаяху, саждаху, и здаху,

вѣки и еже на содомляны: яко антихристу пришедшу, безмѣстными сластьми обложени будутъ, человѣцы блудницы будутъ, и въ безмѣрныя сласти отдадутся. Еже и апостоломъ реченная: яко въ послѣдняя дни будутъ человѣцы сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, и достойно бо въ царство лестьца процвѣтутъ злая лукавства, и всякаго грѣха жилище нечисто сотворити имать окаянный тогда человѣческій родъ. Отъ нечистаго бо кто очистится? Будутъ бо тогда человѣцы во всякой пищи, яко же и при Ноѣ, ничто же зла не чающе, но не вѣруютъ, еже имъ кто, чѣмъ случится, глаголетъ.

Яко же при Ноѣ и Лотѣ: слышасте ли, братіе, во антихристово время будутъ человѣцы во всякой пищи; а иніи безумніи гладъ чувственной ожидаютъ. Того ради, государи мои любимицы и друзья совѣтніи, и братія, и сестры, и вси сродницы мои отъ млада [72]) и до велика: умилитеся душою и сердцемъ, и восплачитеся слезами, и приклоните колѣна сердецъ вашихъ къ покаянію, и пролейте слезы умильно [73]); и обратитеся въ православную христіянскую вѣру, и сотворите радость на небеси Отцу своему небесному и ангеломъ Его, и душамъ своимъ радость вѣчную,—во вѣки вѣкомъ не отымется отъ васъ; покиньте прелесть тлѣнную и богатство суетное и маловременное ради вѣчнаго житія и будущихъ благъ вѣчныхъ, ради царства небеснаго обратитеся сынове отступившіи, обратитеся и покайтеся,—глаголетъ бо Господь, Исаіемъ пророкомъ призываетъ васъ. Лучше бо вамъ есть обратитися, государи мои пріятели, въ православную христіянскую вѣру.

Ей, ей, скорбитъ и болѣзнуетъ душа моя о васъ! Посмотрите вы на добрыхъ людей, како покидаютъ домы и палаты каменныя, да бѣжатъ и скрываются въ пустыни, въ горы, и въ вертепы, и въ пропасти земныя, и не пекутся ни о чемъ же о здѣшнемъ, суетномъ и прелестномъ, житіи. Диво, поистинѣ, смиренніи мои друзи, что ся вамъ не смилится вѣчное житіе будущее! А у насъ благодатію Христовою много и младые люди младость свою презираютъ, и о здѣшнемъ житіи не пекутся. А вы, толикими сѣдинами обложени суть, а не печетеся о душахъ своихъ. А либо столько и не жить, сколько жили. Или вамъ не умереть будетъ? Или вамъ вѣчно здѣ жить будетъ? Или вы на тлѣнное богатство

въ онь же день изыде Лотъ отъ Садома, и одожди камыкъ горящій, и огнь съ небеси, и погуби вся. По тому же будетъ и въ день, въ онь же Сынъ Человѣческій явится. Сего ради толь внезапу нечаемо свое пришествіе являетъ: яко же при Ноѣ внезапу прінде потопъ и погуби вся, тако будетъ и пришествіе Его.

[72]) 648: отъ мала

[73]) 648: слезы умиленія

надѣетеся? По истинѣ, любимицы мои, все ваше тлѣнное богатство останется, аще смерть пріидетъ. А я, грѣшный, того ради скитаюся за имя Іусусъ Христово, чтобы мнѣ во вѣки душею и тѣломъ не погибнути, и отъ Бога и святыхъ Его не отлучитися, и царства небеснаго не лишитися, и пищи райскія не удалитися, и избавитися бы мнѣ муки вѣчныя, и плача неутѣшимаго, и скрежета зубнаго. Да аще мнѣ и скорбь приходитъ: ино Господь мене утѣшаетъ своими пречистыми усты,—тако глаголетъ: аще кто мене ради оставитъ отца или матерь, жену и чада, рабы и рабыни,—и Азъ вамъ буду и отецъ, и мати, и жена, и чада, и рабы, и рабыни, и послужу вамъ яко братіямъ и другамъ, и всегда имать слышати ухо Мое прошеніе ваше, и не преслушаю николи же васъ; зане возлюбисте Мене отъ всего сердца вашего и Азъ возлюблю васъ, яко отецъ. О, любимицы мои, помните вѣчно [74]) разлученіе праведныхъ отъ грѣшныхъ. Охъ, увы, увы! тогда будетъ грѣшникомъ плачъ неутѣшимой во вѣки вѣкомъ. Егда пріидетъ Господь судити живымъ и мертвымъ, сирѣчь праведнымъ и грѣшнымъ: и тогда воздастъ Господь комуждо по дѣломъ его,—и праведнымъ и грѣшнымъ. Якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ, праведныхъ поставитъ одесную Себе, а грѣшныхъ ошую. Праведніи, имущіе плоды добры, иже тѣснымъ и скорбнымъ путемъ ходившіе и узкими дверьми прошедшіе, похитиша царство небесное, не точію мужи, но и жены—иже немощнѣйшая часть—тогда просіяютъ яко солнце во славѣ Отца своего небеснаго. А грѣшныхъ поставитъ ошую Себе, яже нарицаются козлища, иже прогнѣвали Господа на всякъ день своими лукавыми дѣлами, и послются въ муку вѣчную, конца не имущую. Тамо будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ, и нарицается гроза, ея же и самъ сатана трепещетъ,—и тогда восплачутъ и возрыдаютъ горько: о, люте намъ, люте! о, увы намъ, увы! о, горе намъ, горе! лучше намъ, да быхомъ не родилися! И помогающаго имъ нѣсть. И вы, о любимицы мои, совѣтніи други, обратитеся отъ прелести антихристовой и отбѣгите учениковъ его, да чтобы и вамъ съ ними не осудитися во огнь вѣчный, яко же святый Кириллъ Іерусалимскій пишетъ о нихъ въ своей книзѣ въ предисловіи, листъ 6: понеже они невѣрующихъ прельщаютъ, [75]) и намъ тому ихъ еретическому ученію не подобаетъ внимати, но токмо достоитъ нечестивая уста ихъ симъ Божественнымъ Писаніемъ заграждати; понеже не отъ Бога, ни отъ святыхъ Его ученикъ и апостолъ, ни отъ святыхъ отецъ, тѣ ихъ проклятые извѣты преданы, но отъ еретикъ и богоотступникъ учинены; и вси они, окаянные, тѣми своими проклятыми вѣрами хвалятся; вѣдомо убо да есть, яко отъ

---

[74]) 648: помяните вѣчное

[75]) 648: невѣдущихъ божественнаго Писанія прельщаютъ

вѣчныя муки не избавятся, аще и хвалятся всѣхъ мудрѣйше быти, и за таковое имъ злое дѣяніе вѣчныхъ мукъ не избыти; и нынѣ учители ихъ во днѣ адовѣ пребываютъ, со отцемъ своимъ сатаною воздыхаютъ, да и они вси туды же грядутъ и вѣчныхъ мукъ себѣ ждутъ.

И вы, государи мои любимцы, зрите, да чтобы и вамъ съ ними не осудитися. Покайтеся и обратитеся, дондеже время имате; покайтеся, дондеже смерть не пришла; покайтеся, дондеже въ вѣцѣ семъ еще; покайтеся и сотворите радость на небеси Богу и ангеломъ Его, да азъ бы, грѣшный, возрадовался съ рабами Христовыми о вашемъ обращеніи: яко же рече Господь: радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся; и паки рече: не пріидохъ бо призвати праведныхъ, но грѣшныхъ на покаяніе. Слышасте ли, государи мои и пріятели, самъ Господь призываетъ васъ на покаяніе, а вы не покаетеся и не престанете отъ злобъ своихъ! И паки апостолъ рече: изыдите, братія, отъ міра изыдите, и нечистотъ его не прикасайтеся, возлюбите безмолвіе, да познаете Бога [76]) и откровеннымъ умомъ славу Его; узрите, что всуе мятемся въ жизни сей. Егда бо и до небесъ славою и величествомъ вознесешися, егда и весь міръ пріобрящеши, не гробъ ли покрыетъ, и угаситъ все твое суетство, и отыдеши нагъ во страну инаго вѣка, и истязанъ будеши не токмо дѣяній злыхъ и отверженія вѣры Христовы, но и глаголъ и помышленій суетныхъ, въ нихъ же время свое изнурилъ еси [77]). Или вамъ скорбно видится оставити прелесть міра? Ино слышите апостола Павла, глаголюща: многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царство небесное, и паки: нуждно есть царство небесное и нуждницы ей восхищаютъ. Да и самъ Господь глаголетъ: блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. Слышите ли, государи мои любимцы: самъ Господь сказуетъ [78]) тѣмъ царство небесное, кои нынѣ Его ради гоненіе терпятъ. Якоже и паки рече: вы Мене ради остависте богатство тлѣнное, и Азъ вамъ дамъ сторицею богатство нетлѣнное во вѣки. Внемлите, братія моя любимая: Самъ Господь вамъ воздати (хощетъ), что вы Его ради оставите. А хотя вы нынѣ и не разлучитеся съ тлѣннымъ своимъ имѣніемъ, ино въ будущемъ вѣцѣ разлучитеся и неволею. Да аще вы не обратитеся нынѣ отъ прелести антихристовы, и ученикъ его не отвергнете [79]), то не спроси, Господи [80]), на мнѣ душъ вашихъ, понеже азъ вамъ путь возвѣщаю въ царство небесное. Яко же о томъ во свя-

---

[76]) 648: изыдите, братіе, отъ міра и нечистому его не прикасайтеся, возлюбите Бога

[77]) 648: измѣрилъ еси

[78]) 648: повѣствуетъ

[79]) 648: не отбѣгните

[80]) 648: не спроситъ Господь

томъ Евангеліи писано, въ Матѳеѣ, зачало 35 [81]) листъ 72, въ толкованіи: отраднѣе будетъ земли Содомской и Гоморской,—сирѣчь—невѣрнымъ мука въ день судный,—нежели преслушающимъ слово Божіе.

А о семъ молю и прошу ваше смиреніе: не погнушайтеся и не позазрите моему малоумію и скудости ума моего, понеже не учился граматикѣ и философіи и риторикѣ, но пріимите сіе писанійце [82]) съ любовію и прочитайте со вниманіемъ. Поистинѣ отъ болѣзни сердечной, и отъ ревности душевной, и отъ святаго Писанія глаголю вамъ. Понеже Писаніе повелѣваетъ въ законъ: не скрывати таланта, но раздавати торжникомъ, дабы купили себѣ царство небесное. И аще [83]) паки помянухъ азъ притчу евангельскую и лѣниваго раба, скрывшаго талантъ въ землю господина своего, и прикупа не сотворилъ, и мученъ бысть за то: и азъ сего убояхся, и того ради вамъ возвѣщаю. А егдабъ Господь Богъ изволилъ намъ съ вами побесѣдовати, аще по истинѣ хощете извѣститися о нынѣшнемъ многомятежномъ времени и о антихристѣ: можетъ Господь Богъ извѣстити и скотомъ безсловеснымъ. Азъ, окаянный, грѣшенъ паче всѣхъ человѣкъ, но токмо уповаю на Творца и Содѣтеля Бога: понеже бо можетъ Богъ и немудраго умудрити, и безумнаго вразумити: множицею бо и мудрый мимо течетъ, и разумный мужъ оскудѣ—се отроча обрѣтеся, и еже учителемъ утаися, а ученикомъ найдеся [84]). Понеже бо мудрость міра сего—вражда на Бога, еже кто плотская мудрствуетъ, а не духовная. А по сему, любимицы мои и друзи совѣтніи, аще услышите какія клеветныя рѣчи на насъ, не имите вѣры, дондеже сами извѣститеся у насъ, понеже діаволъ ложь есть и въ правдѣ не стоитъ; или паки увидите нѣкіихъ отступившихъ отъ насъ и отпадшихъ отъ православныя христіянскія вѣры, о семъ не смущайтеся и не сумнитеся, понеже и во апостолѣхъ христопродавецъ обрѣтеся. Еще и сего чуднѣе: понеже бо иногда и самъ діаволъ Денница бѣ, нынѣ же помраченъ бысть возношенія ради и гордости; и первый человѣкъ Адамъ сластолюбіемъ отпаде славы Божія; а Іуда сребролюбіемъ погибе. Понеже во святомъ Евангеліи писано есть: велія сія три паденія человѣкомъ бываютъ: славолюбіе, сластолюбіе, сребролюбіе.

А по семъ молитва Іисусова: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь.

---

[81]) 648: писано, Матѳей, зачало 34

[82]) 648: Писаніе

[83]) 648: дабы купили царство небесное. И еще

[84]) Здѣсь Q. I. 648 кончается

II.

Посланіе на Выгъ [1]).

Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.

Вѣдомо буди вашей [2]) братской о Христѣ къ намъ, грѣшнымъ, любви, о нашемъ общемъ и братскомъ [3]) совѣтѣ къ вамъ о церковныхъ догматѣхъ, о нихъ же бяше яко же прежде, тако и нынѣ у васъ съ нами пря и смущеніе.

Первое: о титлѣ, иже на животворящемъ Христовѣ крестѣ, еже Пилатъ написа о словѣ [4]) Христовѣ: „Ісусъ Назарянинъ Царь Іудейскій“, о ней же внеслося мудрованіе отъ вашей страны, будто тоя титлы на дщицѣ у креста Христова нынѣ писать христіаномъ и имѣти неподобно. И отъ того въ вашихъ странахъ—въ христіаны вниде дерзость тое титлу на крестахъ [5]) стирати. И нынѣ мы слышимъ отъ васъ на бесѣдѣ, что впредь о той титлѣ, глаголете, такова мудрованія и сомнѣнія, по прежнему, самѣмъ вамъ не имѣти и инѣмъ не вносити, и поклоненіе кресту Христову съ таковою титлою творити; а которые люди тое титлу потерти и дерзнули, ино [6]) глаголете, яко не по вашему приказу. И мы слыша отъ васъ сія глаголы, ищемъ: да покажете намъ сіе на дѣлѣ, ради церковнаго примиренія, чтобы ваше общее братское о Христѣ собраніе имѣли впредь образъ креста Христова съ тое [7]) вышеписанною титлою у себя въ часовнѣ; а тотъ христіанинъ, который въ васъ и послѣ общаго вашего съ нами бывшаго примиренія тое титлу дерзнулъ потерти безъ вашего повелѣнія, о немъ же вамъ извѣстно, да повелитъ ваша любовь ему тое титлу на томъ же крестѣ паки вообразити, да не будетъ къ тому и впредь во иныхъ таковыя дерзости.

Второе: была у васъ съ нами пря: егда пріидетъ отъ невѣрныхъ мужъ съ женою совокупився законнымъ бракомъ преже познанія христіанской вѣры, и по познаніи вѣры и по святомъ крещеніи—глаголали вы: къ тому первое [8]) то ихъ брачное совокупленіе не наречется законный бракъ и безъ втораго вѣнчанія по крещеніи, отъ христіанскаго священника,

---

[1]) Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 3. Варіанты по рукописямъ а) В. Г. Дружинина № 149, лл. 8 об.—14 об. б) И. П. Б. О. І. 358, лл. 9—16, и в) И. П. Б. Q. І. 1082, лл. 1—5 обор.

[2]) 149 и 358: начинается такъ: Вашей братской

[3]) 358: общемъ братскомъ

[4]) 149: о славѣ

[5]) 1082: на крестѣ

[6]) 149, 358 и 1082: и то

[7]) 149: съ тою

[8]) 149. 358. 1082: прочее

по тому ихъ первому браку въ законную жену ему имѣти невозможно. И нынѣ мы, будучи съ вами обще на бесѣдѣ, прилежно смотрѣли во апостольскомъ и отеческомъ преданіи; и то ихъ первое брачное совокупленіе законный бракъ нарицается и безъ втораго вѣнчанія въ церкви имѣется. И мы о семъ ищемъ отъ васъ въ примиреніи, да не будетъ впредь у вашей любви на той законный бракъ зазора и порока, да не будемъ апостольскому и отеческому преданію противиться [9]) паче же хульницы.

Третіе: о яденіи съ невѣрными, яко по апостольскому и отеческому преданію не подобаетъ вѣрнымъ христіаномъ [10]) съ ними вкупѣ ясти и пити и изъ ихъ сосудовъ, яко же и вы на бесѣдѣ съ нами согласно о семъ глаголете. И впредь ищемъ отъ вашея любви, яко же вамъ, тако и намъ съ невѣрными ни пити, ни ясти, и брашна ихъ не пріимати, и сосуды про нихъ во всѣхъ христіанѣхъ особые имѣти, а изъ христіанскихъ сосудовъ ясти и пити имъ не давати, яко же свидѣтельствуетъ о семъ въ Патерицѣ Кіевопечерскомъ: „не ясти съ ними, ни пити изъ единаго сосуда... Тѣмъ же: просящимъ у васъ дайте имъ Бога ради ясти, но въ ихъ сосудѣхъ, аще ли не будетъ у нихъ сосуда,—въ своемъ дати и потомъ, измывше сосудъ, дати молитва“. И пониже сего пишетъ: „брашна ихъ не пріимати“.

Четвертое: слышали мы отъ васъ на бесѣдѣ, яко пріяты отъ васъ постриженные отъ еретикъ старцы, и по проклятіи своихъ ересей тѣ старцы паки по прежнему въ томъ же старческомъ образѣ пребываютъ безъ христіанскихъ священноиноковъ постриженія. И о сихъ ищемъ мы отъ вашея любви въ примиреніи, чтобъ тѣмъ старцамъ, стриженымъ отъ еретикъ, въ иноческомъ образѣ не быть, но отложа, бѣльцами спасеніе содѣвать себѣ, да не внесется въ церковь постриженіе отъ еретикъ.

Пятое: да отъ васъ же пріяты иноки, иже отъ простыхъ старцевъ пострижены, а не отъ священниковъ [11]), и тѣ старцы у васъ начало соборное содержатъ [12]) и дѣйствуютъ, на трапезѣ хлѣбецъ богородиченъ вынимаютъ, и духовное дѣло творятъ, крестятъ, и на покаяніе пріемлютъ, и воду богоявленскую раздаютъ, а овы изъ нихъ и постригаютъ во иноки отъ своего образа. И о сихъ ищемъ мы отъ вашея любви въ примиреніи, чтобы тѣ иноки пеклися токмо о своихъ душахъ; а вышеписанныя дѣйства творити отстали: понеже въ прежнія времена аще гдѣ смотрительныя вещи и обрѣтаются, еже случилося быти постриженнымъ и отъ простыхъ инокъ, но такова вышеписаннаго дѣйства, еже на тра-

---

[9]) 149. 358. 1082: противницы

[10]) 149. 358. 1082: не подобаетъ христіаномъ

[11]) 149: священноиноковъ. 358. 1082: священноинокъ

[12]) 149: держатъ

пезѣ хлѣбецъ богородиченъ вынимати, и крестити, и на покаяніе пріимати отъ таковыхъ инокъ твореніе не обрѣтается. Бывшимъ же инокомъ, постриженнымъ отъ священноинокъ, аще и случилося кого гдѣ пострищи, а како и какимъ чиномъ постригали, и таковѣ устава впредь во свидѣтельство инымъ постригати не обрѣтается же. Къ тому же и смотрительныхъ случаевъ во обдержный уставъ кому пріимати такожде отъ божественнаго Писанія возбраняется.

Шестое: совершаются у васъ всенощныя бдѣнія чрезъ уставъ святыхъ отецъ: понеже безъ священниковъ, и безъ пяти всенощныхъ хлѣбовъ, и безъ пшеницы, и вина и масла, яже имѣти уставъ повелѣваетъ. Простымъ же инокомъ и со христіаны йнаковъ уставъ въ старчествахъ, инъ указъ [13]) изложенъ, еже како пѣти всенощныя [14]). И о семъ ищемъ вашея любве: аще похощете сверхъ утрени пѣти и всенощная бдѣнія, и то да поются, якоже въ старчествахъ пишетъ.

Седьмое: да у васъ же всегда во исходныхъ поклонѣхъ изъ келій, такожде и въ приходныхъ поклонѣхъ, входя [15]) на службу, полагается послѣ седми поклоновъ лишній поклонъ осмый, не по уставу святыхъ отецъ. Аще ли въ субботу и въ недѣлю, такожде и въ праздники, въ нихъ же нѣсть по уставу [16]) земныхъ поклоновъ: то [17]) у васъ, исходя отъ службы, во исходныхъ поклонѣхъ въ началѣ полагается два поклона въ поясъ, а третій въ землю [18]), въ келію же приходя послѣ „Достойно“ на „Слава и нынѣ“ три поклона въ поясъ, а поклонъ по счету въ землю же полагается всегда, якоже и въ приходныхъ.

Осмое: да вы же въ началѣ всякой службы начинаете стихомъ: „За молитвъ Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ святыхъ, Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ“— не по уставу святыхъ отецъ.

Девятое: въ началѣ Полунощницы, въ седмичные дни, поклоны полагаете въ поясъ не по святыхъ отецъ уставу, и то на „Слава Тебѣ, Боже нашъ“, а не на молитвѣ „Боже, очисти мя грѣшнаго“, на ней же святіи повелѣша три поклоны земныя полагати.

Десятое: да у васъ же уложено предъ Часами не по уставу святыхъ отецъ, на молебнахъ и на панихидахъ, глаголати начало псаломщикамъ: „аминь. Царю небесный“, а не Трисвятое, якоже святіи уставиша. Такоже и на Часѣхъ глаголютъ псаломщики ваши не по уставу же святыхъ отецъ —

---

[13]) 1082: ино указъ. 358: и указъ. 149: и на указъ

[14]) 149. 1082: всенощная бдѣнія

[15]) 149: входа

[16]) 358. 149. 1082: въ нихъ же по уставу

[17]) 149. 358. 1082: тогда

[18]) 149: въ землю *нѣтъ*

въ началѣ „аминь, Трисвятое“, а не „Царю небесный“, якоже святіи уставиша.

Первое-на-десять: у васъ же послѣ Полунощницы, егда не бываетъ Утрени, уложено глаголати не по уставу святыхъ отецъ: начало первому часу: „аминь. Царю небесный“, а не „Пріидите поклонимся“ 3-жды, якоже святіи уставиша. А третій часъ тогда начинаютъ по стисѣ отъ настоятеля глаголати не по уставу святыхъ отецъ: „аминь, Пріидите поклонимся“, а не „Царю небесный“, якоже святіи уставиша.

Второе-на-десять [19]): почто вы не вѣруете печатнымъ церковнымъ [20]) книгамъ Московскаго государства, иже суть печатаны до Никонова премѣненія, при благочестивыхъ царѣхъ, также и при патріарсѣхъ, имъ же супротивно мудрствуете: сами глаголете и прочихъ обучили Евангелія, и Апостолы, и Прологи чести, такожде во Октаехъ и въ Минѣяхъ говорити, и въ Святцахъ имена святыхъ воспоминати—идѣже напечатано имя „Іоанна Предтечи“ или „Іоанна Богослова“, или „Іоанна Златоуста“ и прочихъ святыхъ, ему же имя „Іоаннъ“, у васъ вездѣ глаголется „Иваннъ“: аще случится глаголати „Іоанна“, и вы глаголете: „Иванна“. или: „Иванне, моли Бога о насъ“, или „отъ соборнаго посланія Иваннова“ или: „отъ Иванна святаго Евангелія чтеніе“. И сія ваша сопротивность святымъ царственнымъ печатнымъ книгамъ зѣло насъ ужасаетъ, чесо ради вы имя „Іоанна“ нарицати не имѣете и иныхъ въ сомнѣніе вводите.

Третіе-на-десять: да у васъ же по уставу, иже въ „Сынѣ Церковномъ“ рукъ не распростираютъ на пріятіе фиміама, но крестъ, его же человѣцы на себѣ носятъ, изъ пазухи вынимаютъ и, въ рукахъ держа, кадити его предлагаютъ, а не сами той фиміамъ, по „Сыну церковному“—яко духъ жизни, пріемлютъ.

III.

Увѣщаніе бѣгать и таиться [1]).

Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь.

Государемъ моимъ милостивымъ, смиреннымъ пріятелемъ, о Христѣ братіямъ и сестрамъ, рабомъ Божіимъ соборныя церкви, пребывающимъ во евангельскомъ ученіи, и во апостольскомъ проповѣданіи, и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ утвержденіи и девяти помѣстныхъ,

---

[19]) 149. 358. 1082: Второе-на-десять: страшнѣе же сего

[20]) 149: святыхъ церковнымъ. 358. 1082: святыхъ царственнымъ.

[1]) Рукоп. Румянцевскаго музея № 730, лл. 303 об.—310 обор. Здѣсь это сочиненіе надписывается такъ: „Списокъ съ грамотки юзника и страдальца, раба Божія Діонисія, христолюбца и пустынножителя бывша прежде“.

изгнаннымъ отъ сатанина полка и страждущимъ за слово Божіе и за свидѣтельство Ісусъ Христово, якоже изначала міру, такожде и дондесь, ихъ же имена Богъ вѣсть. И азъ, братіе и сестры, первый во грѣсѣхъ и послѣдній въ человѣцѣхъ, Діонисій многогрѣшникъ, поклоняюся вамъ до лица земнаго и облобыжу ваше всякое духовное дѣло, терпѣніе и озлобленіе и поношеніе въ человѣцѣхъ имени ради Сына Божія и Его, Спасителевыхъ, заповѣдей. Писано бо есть: аще кто въ тоій седмивселенской правдѣ до конца пребудетъ, спасенъ будетъ; а кто отступитъ, или въ чемъ нарушитъ, погибнетъ во вѣки. Воистину, кто правою вѣрою сіяетъ, сей славенъ есть. И азъ, многогрѣшный, съ горькими слезами припадаю къ вамъ и молю вашу святыню: о, свѣты рабы Христовы! постоимъ за благочестивую христіанскую вѣру, оградимся печатію живаго Бога — крестнымъ знаменіемъ, имуще щитъ вѣры — терпѣніе и молитву Ісусову, а шлемъ спасенія—смиреніе и любовь къ братіи, и мечъ духовный, еже есть глаголъ Божій. Слово Христово да послушаемъ, и да вѣруемъ въ онь, и да пребываемъ въ немъ. Симъ убо оружіемъ ополчимся на діавола, крестомъ бо Господнимъ разрушимъ всю силу вражью, а словомъ Божіимъ споборимъ сердце діаволе, и всю силу его сокрушимъ, и съ помощники его. Видите, яко грѣхъ ради нашихъ вѣтръ жгущъ отъ пустыни пришелъ есть на ны, и хощетъ все попалити и изсушити жилы водамъ, еже есть—Божіе слово погасити и плоды древесніи въ лѣто его: сирѣчь, вѣрующихъ во Отца, и Сына, и Святаго Духа хощетъ воврещи въ ровъ погибельный. Уже бо злохитрыхъ ересей, грѣхъ ради нашихъ, пламень возгорѣся. О, Христовіи рабы, вѣрніи суще христіане! Возримъ на предыдущая лѣта, вначалѣ на пастыря своего Христа: Онъ пострадалъ по насъ, а намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. О, свѣты мои, братія духовная, рабы Христовы, внемлемъ словесемъ Христовымъ: аще кто хощетъ благовѣрно жити о Христѣ Ісусѣ, гонимы будутъ, а лукавіи человѣцы на горшая преуспѣваютъ. На сіе бо лежитъ христіанинъ, еже страдати по Христѣ и гониму быти, на сіе и званы есмы, сирѣчь на сіе и родихомся, а мы покоя ищемъ. О, горе! и увы! на всю вселенную пришло бяше время, и на самой громадѣ злобы всея стоимъ вси, и отнюдь вѣры не емлемъ. Видите, братіе, яко во всѣхъ градѣхъ страдальцы умножились, благодатію Божіею. Аще бы мы просили и въ любви пребывали, милостивъ есть Владыка нашъ—подалъ бы намъ щедроты, понеже хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истинный пріити. Не убойтеся, Господа ради, возлюбленніи, постойте за вѣру Христову, и не предайте благочестіе на нечестіе, и не пріимите лживаго вмѣсто праведнаго. Помолимся Владыцѣ Христу, чтобы не отступити отъ него. Аще ли не восхощетъ кто на муки дерзнути, то побѣгите Господа ради отъ змія, а не прельщайтеся суетою

свѣта сего. Понеже змій скоръ и напрасливъ роду человѣческому, паче же святымъ горекъ бываетъ, могущимъ побѣдити привидѣнія его. Страхъ бо всѣхъ насъ обдержати будетъ, аще не подвигнемся на мученіе, или на бѣгство. И вы, государи мои, любимицы Христовы, потщитеся вооружитися на брань вражію, и на всѣ козни его, и на вся его ухищренія. Онъ бо зѣло скоръ и напрасливъ хищникъ, беззаконникъ, вездѣ искій, яко левъ во оградѣ своей, восхищая и рыкая, хотя поглотити и погубити, и отъ любви Божіи отлучити, и заповѣдей Господнихъ лишити, и дабы царствію небесному недостойнымъ быти. И вы, православніи, сущіи истиннїи христіане, рабы Божіи, чисто благочестіе содержаще и вѣрующе во Отца и Сына и Святаго Духа, инераздѣляюще пресвятую Троицу! Слышите глаголы Владыки нашего Христа, Самъ бо Господь нашъ Іисусъ Христосъ, научая насъ, глагола сице: „молитеся, да не внидете въ напасть“, и паки рече: „молитеся, да не будетъ бѣгство ваше зимѣ, ни паки въ субботу“, сирѣчь пространство желая: зимняя зѣло пріиде зноба, сирѣчь злоба времени сего. И азъ молю вашу благостыню, раби Божіи, любимицы Христовы, потщитеся стяжати межъ собою истинную и нелицемѣрную любовь. Сею бо заповѣдію Христовою, еже есть любовію, зѣло многіе полки бѣсовскіе побѣждаются, и самого діавола посрамляются. И самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ любве ради съ небесе сниде, и родися отъ Пречистыя Дѣвы, и вся пострада насъ ради, совокупляя насъ во едино стадо. И святое Писаніе рече: „пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ“. И что се? Любы Богъ есть. Аще съ Богомъ пребываетъ человѣкъ и Богъ въ немъ, то никогда же не боится діавола, ни зла супостата. Якоже Господь нашъ, Творецъ небу и земли, вземляй грѣхъ всего міра: тако и намъ заповѣдалъ другъ отъ друга тяготу понести. Зѣло благо есть, аще другъ за друга страждетъ, и душу свою полагаетъ, или мученіе пріемлетъ, или утѣсненіе терпитъ. О, рабы Христовы! молю вы всякаго хотящаго спастися: поживите вси въ любви Христовѣ, да будете отъ нынѣшней злохитрости препокровени святымъ Богомъ, и сохранитъ васъ своимъ милосердіемъ. Но токмо вы станите твердо, яко на камени вѣры, и вся находящая злая терпите съ похвалою. Самъ бо Господь нашъ Іисусъ Христосъ рече святымъ Евангеліемъ своимъ: аще слушаяй слово мое, и творяй е, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени; и пріидутъ вѣтры, и снидетъ дождь, и подступитъ вода, и не сламляютъ ея, понеже основана бѣ на камени. Аще слушаяй слово мое и не творяй е, уподобится мужу бую, иже созда храмину свою на песцѣ, и пріидоша вѣтры, и сниде дождь, и подступи вода, и падеся храмина его, понеже бѣ на песцѣ“. Толкъ: камень—Христосъ, а храмина—душа, а вѣтры—всякія бѣды и напасти находящія, а дождь—

злые бѣсы, иже спадше съ небеси, и нападаютъ всякими бѣдами и напастьми, ово собою зло творяше, а ово человѣки злыми. И сего ради слушаяй слово Божіе, и не творя, и пріидетъ какая ему аще и малая напасть, и тогда ослабѣваетъ, и унываетъ, и тоскуетъ о находящей ему напасти, а таковый падаетъ, еже есть на песцѣ, сирѣчь на безуміи своемъ, погибаетъ. Аще слушаяй слово Божіе и творяй е, подобенъ есть мужу мудру, иже зиждетъ храмину свою на камени, сирѣчь душу свою, на заповѣдѣхъ Божіихъ, таковаго не могутъ никакія бѣды, ни напасти поколебати, понеже крѣпко утвержденъ, вѣрою огражденъ. О, государи мои, смиренницы Божіи! поживите ради имени Господня, рабы Христовы, во страсѣ Божіи, и со всякимъ терпѣніемъ, и житіемъ добродѣтельнымъ, и всякимъ утѣсненіемъ, и прилежнымъ моленіемъ, и всякимъ тщательствомъ подвигнитеся жити Богу угодно и вѣру Христову соблюсти, яко зеницу ока. И азъ, братіе, пишу вашей любви сіе писанейце, ино слезы мои текутъ, и отъ рыданія сердечнаго не могу слово изрещи о семъ, что помолитеся ради имени Господня, подайте помощи, чтобы мнѣ, многогрѣшному, во вѣки бы не погибнути, но, да хотя и многогрѣшнымъ, но обаче дабы въ послѣднихъ былъ спасаемъ. И нынѣ азъ познахъ неможеніе и слабость свою, понеже зѣло слабъ есмь. И нынѣ тако помышляю, аще бы да Богъ вынесъ, то не токмо бы уединитися должно бы, и подъ землею скрытися. И вы, любимицы Христовы, поживите въ тишинѣ, и вскрытѣ, и невыходимо; зѣло бо зло время есть и люто, не токмо вѣрующимъ, но и всѣмъ человѣкомъ, паче же вѣрнымъ. Аще и гладомъ умрети, а нежели ползновенно ходити; зѣло благо есть истаети гладомъ, а нежели выходити, или знаему быти. Побѣгайте и скрывайтеся за имя Ісусъ Христово. Зѣло бо есть нужда пріиде, и самое прискорбное житіе; нуждно бо есть царствіе небесное, и нуждницы восхищаютъ е. И нынѣ спасаяй, спасетъ душу свою, великъ будетъ въ царствіи небесномъ. И отъ всѣхъ васъ, пріятелей моихъ, знаемыхъ и незнаемыхъ, гдѣ кто ни живетъ вскрытѣ, или невскрытѣ, истинныхъ сущихъ православныхъ христіанъ, отъ всѣхъ молитвъ вашихъ желаю и благословенія требую. О, други Божіи! помолитеся о мнѣ, многогрѣшномъ, чтобы мнѣ не погибнути. Аминь.

Новые типы построенія древней исторіи церкви.

Ричліанская школа.

ЗНАМЕНИТѢЙШЕЮ и распространеннѣйшею школою второй половины XIX в. и до настоящаго времени въ протестантскомъ мірѣ является родственная Тюбингенской, школа Ричліанскаго богословія. Весьма многіе ученые признаютъ ее самымъ вѣрнымъ выраженіемъ лютеранства [1]).

Основаніе и имя этой школѣ далъ проф. Альбрехтъ Ричль, который любилъ повторять, что его «богословіе есть истинное лютеранство». Родился А. Ричль въ 1822 г. въ Берлинѣ; университетское же образованіе получилъ въ Боннѣ и Галлэ. Въ послѣднемъ онъ усиленно занимался, подъ вліяніемъ Толуна и Мюллера, систематическимъ богословіемъ, при этомъ познакомился съ сочиненіемъ Баура о догматахъ и увлекся имъ. Будучи человѣкомъ съ практическимъ складомъ и не расположеннымъ къ метафизическимъ тонкостямъ, А. Ричль, подъ впечатлѣніемъ, навѣяннымъ отъ чтенія сочиненій Баура, принимается за Гегеля. Разумѣется, онъ здѣсь далеко не пошелъ, но продолжалъ увлекаться Бауромъ, и въ 1845 г. онъ отправился въ Тюбингенъ, чтобы познакомиться лично съ Бауромъ, какъ и съ плеядой окружавшихъ его молодыхъ ученыхъ. Вскорѣ онъ сдѣлался самымъ горячимъ его адептомъ, усвоилъ его начала и въ слѣдующемъ 1846 г. даже представилъ сочиненіе въ духѣ принциповъ Баура—о евангеліи Маркіона и каноническомъ евангеліи Луки, гдѣ доказывалъ, что въ основѣ

---

[1]) См. проф. *В. А. Керенскій.* Школа Ричліанскаго богословія, стр. 98—99.

нашего каноническаго евангелія Луки лежитъ евангеліе еретика Маркіона. Этимъ сочиненіемъ Ричль обратилъ на себя вниманіе и былъ приглашенъ въ Бонискій университетъ приватъ-доцентомъ по ново-завѣтному богословію. Новыя обязанности заставили Ричля углубиться въ изученіе новозавѣтной письменности, въ особенности ап. Павла. Самостоятельное изученіе заставило его отказаться отъ многихъ взглядовъ, принятыхъ отъ Баура на вѣру. Въ 1850 г. онъ издаетъ «Die Entstehung der altkatholischen Kirche», гдѣ весьма значительно уклоняется отъ тезисовъ Баура, а въ слѣдующемъ году печатно отказывается отъ своего приговора относительно евангелія Луки. Наконецъ, въ 1856 г. произошелъ открытый разрывъ у Ричля съ Бауромъ, когда онъ во 2-мъ изданіи своей книги «Die Entstehung der altkatholischen Kirche» еще болѣе измѣнилъ основнымъ положеніямъ Баура. Въ 1864 г. Ричль перешелъ изъ Бонна въ Гёттингенъ и предался занятіямъ главнымъ образомъ по систематическому богословію, и въ 1870-хъ годахъ онъ выпустилъ весьма извѣстный въ богословскомъ мірѣ трехъ-томный трудъ: «Die christliche Lehre von der Rechtfertigung und Versöhnung» (I—III Bd. Bonn. 1870. 1874). Потомъ Ричль опять возвращается къ исторіи и изъ подъ пера его послѣдовательно выходятъ: «Die Entstehung der Luterischen Kirche», и «Über die beiden prinzipien des protestantismus». «Geschichte d. Pietismus» и др.

Воззрѣнія Ричля на древнюю церковь изложены въ его книгѣ «Die Entstehung der altkatholischen Kirche». Въ введеніи къ этому сочиненію онъ ставитъ своею задачею опредѣлить «исторію возникновенія древней каоолической церкви изъ первохристіанства (Urchristenthum)». Побужденія къ такому заданію были отчасти положительныя—заполнить существовавшій пробѣлъ въ изслѣдованіи о перво-христіанствѣ,—частью апологетическія и полемическія—защитить протестантство отъ упрековъ въ неполнотѣ изслѣдованій о начальной догмѣ, и чрезъ изслѣдованіе разныхъ формъ перво-христіанскихъ представленій доказать каоолической церкви, что она также далека отъ первохристіанства, какъ и отъ протестантства (стр. 3—4).

А. Ричль придавалъ весьма большое значеніе каноническимъ писаніямъ, какъ источникамъ, откуда можетъ быть уясненъ историческій образъ Іисуса Христа[1]); тѣмъ не менѣе

[1]) Die Christliche Lehre von der Rechtfertigung, B. III, 2.

это не спасаетъ его отъ общаго раціоналистическаго воззрѣнія, по которому І. Христосъ былъ простымъ человѣкомъ, хотя Ричль не находитъ достаточно сильныхъ наименованій, чтобы выразить свое удивленіе, почти благоговѣніе предъ личностью Іисуса.—Христіанство, по Ричлю, не просто явленіе внутренней іудейской жизни, а новая религія. Принципъ ея выраженъ въ нагорной проповѣди—это совершенная праведность, какъ условіе вступленія въ небесное царство, праведность, вопреки фарисеямъ, не внѣшнихъ только дѣлъ, но правда, чистота внутреннихъ чувствъ. Однако, постулятъ такой праведности не имѣлъ бы смысла, если бы онъ не былъ осуществленъ, и онъ былъ осуществленъ въ жизни самого Іисуса. Отсюда все его значеніе для новой религіи. Пусть Іисусъ въ нагорной проповѣди не дѣлалъ свою личность центромъ своего ученія; но самъ есть субъектъ полный преданности Богу. Поэтому для человѣка, стремящагося къ царству Божію, Іисусъ не просто учитель, но живой центральный пунктъ жизнедѣятельности. Поэтому необходима вѣра въ Іисуса, живое единеніе съ нимъ, это непремѣнное условіе исполненія закона и полученія царства (44—47 стр.).—Въ своемъ ученіи І. Христосъ указывалъ на уничтоженіе Моисеева закона—самого собою, постепенно, но временное соблюденіе его (пока) вмѣнялъ въ обязанность ученикамъ. Самъ Іисусъ не расширялъ круга своей дѣятельности за границами израильской страны, но не исключалъ возможности привлеченія другихъ народовъ къ небесному царству, предоставивъ это своимъ послѣдователямъ. Изъ такихъ особенностей или свойствъ ученія Іисуса развились потомъ противоположности... Но самъ Іисусъ возвышался надъ этими противоположностями. Ближайшіе ученики І. Христа старались быть вѣрными полученному ими впечатлѣнію отъ великой личности своего учителя. Они стремились, такъ сказать, фотографически воспроизвести въ своей жизни и дѣятельности внѣшній образъ и весь бытъ жизни Христа. Они точно соблюдали іерусалимскій культъ и послѣдователей ученія Іисуса пріобрѣтали только въ кругу своего народа. Здѣсь выражалось глубокое искреннее чувство преданности Іисусу, но не было разумнаго пониманія Его дѣла. Въ этомъ собственно и состояло *іудео-христіанство*, какъ форма первоначальнаго христіанства; здѣсь то и лежала ограниченность іудео-храстіанства, «которе чрезъ вѣрность личному впечатлѣнію отъ Іисуса сдѣлалось позже не вѣрнымъ

дѣлу христіанства». Мы должны признать, что христіанскій принципъ, какъ объективное нравственное стремленіе, одушевлялъ и ближайшихъ учениковъ І. Христа. Но внѣшняя среда, формы жизни не отвѣчали ему и слѣдовательно не могли имѣть на него благотворнаго воздѣйствія. Печальнѣе всего было то, что ученики Іисуса, можетъ быть и понимая, что внѣшній порядокъ необходимо долженъ былъ измѣниться, возлагали всѣ надежды въ этомъ отношеніи на 2-ое пришествіе І. Христа, вскорѣ ожидаемое, (108—109). — Такимъ образомъ ученіе Іисуса у ближайшихъ его послѣдователей было мертвымъ капиталомъ, неспособнымъ къ развитію. Христіанскія стремленія и надежды подавлялись формами обычной жизни. Трудно сказать, чѣмъ бы это кончилось, если бы не нашелся человѣкъ, который, во имя христіанскаго принципа, разорвалъ связь съ іудейской теократіей и національностью и пріобрѣлъ для христіанства самостоятельную почву. Такимъ человѣкомъ былъ *Павелъ*. Онъ понялъ, что независимость христіанства отъ іудейства требовала, чтобы само христіанство сдѣлалось догматическимъ, это было историческою необходимостью. И Павелъ обнаружилъ большую догматическую продуктивность. Чрезъ личный свой опытъ онъ обѣдился, что для исполненія закона необходима сила, благодать, и онъ понялъ явленіе христіанства, какъ явленіе благодати (51 стр.). Онъ возвысилъ личность Іисуса, какъ принципъ христіанской жизни, изъ сферы личнаго опыта отдѣльнаго человѣка въ сферу общности (стр. 110). — Но нельзя представлять себѣ дѣла такъ, чтобы Павелъ составлялъ прямую противоположность другимъ апостоламъ, ближайшимъ ученикамъ Іисуса. Наоборотъ, и Павелъ въ весьма существенныхъ пунктахъ утверждалъ воззрѣнія, свойственныя вмѣстѣ съ тѣмъ іудео-христіанству». Можно положительно доказать, что при обсужденіи очень многихъ вопросовъ (напр. въ ученіи о Богѣ, объ ангелахъ, о происхожденіи язычества и т. п.) Павелъ стоитъ на точкѣ зрѣнія іудейства (стр. 54—59). Онъ даже высказывалъ мысль о тождествѣ ветхаго и новаго завѣтовъ. Все различіе Павла отъ іудейства заключалось въ томъ, что Павелъ ставитъ христіанство въ связь и согласіе съ божественнымъ обѣтованіемъ, но въ противоположность Моисееву закону; а враждебная ему сторона утверждаетъ связь и согласіе христіанства, именно, съ закономъ Моисея, а обѣтованіе считала связанными просто съ законническимъ поведеніемъ человѣка. Сказанное «съ одной стороны, ниспровергаетъ пред-

убѣжденіе объ абсолютной оригинальности Павла, съ другой,—ставитъ въ свѣтъ традиціонную связь его съ первохристіанствомъ, а чрезъ это съ іудействомъ» (стр. 53). Но несомнѣнно по вопросу о принятіи язычниковъ въ церковь, Павлу пришлось вступить въ конфликтъ съ старѣйшими апостолами, какъ это ясно видно изъ II гл. посл. къ Галат. (но не изъ 15 гл. кн. Дѣян.). *Однако, отсюда никакъ нельзя заключать о враждебномъ отношеніи между Павломъ и другими апостолами. Наоборотъ, нужно строго различать положеніе, которое первоапостолы заняли къ Павлу отъ тенденціи іудео-христіанскихъ партій* [1]) (стр. 134, ср. 115). Эти строгіе іудео-христіане, требовавшіе отъ язычниковъ, обращавшихся въ церковь, точнаго соблюденія закона Моисеева, уже въ началѣ II в., во времена мученика Іустина считались за секту. Но была другая партія умѣренныхъ іудео-христіанъ, которые для себя считали обязательнымъ соблюденіе Моисеева закона, но не требовали этого отъ язычниковъ. Эта партія можетъ быть возводима въ своемъ зернѣ на непосредственныхъ учениковъ Іисуса и во времена Іустина еще не считалась сектой, хотя были уже стремленія причислить и умѣренныхъ іудео-христіанъ къ сектантамъ, съ чѣмъ несогласенъ былъ самъ Іустинъ. Но къ концу II в., по смерти Іустина (умерш. около 150 г.) до Иринея, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, между прочимъ, вслѣдствіе борьбы съ гностицизмомъ, умѣренные іудео-христіане были исключены изъ церкви, въ которой усилилось направленіе языко-христіано-каоолическое, и признаны были сектой (238—243 стр).—Такъ постепенно замерло іудео-христіанское направленіе въ жизни первенствующей церкви безъ всякаго вліянія на ея дальнѣйшую судьбу. Теперь исторія перво-христіанства сосредоточивается въ павлинизмѣ, доставившемъ христіанству независимое существованіе отъ іудейства. Вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ павлинизма въ высшей степени темный и запутанный. Дѣло въ томъ, что

[1]) Курсивъ нашъ, но мысль съ буквальною точностью извлечена изъ книги А. Ричля и доказываетъ его принципіальное расхожденіе въ этомъ вопросѣ съ Н. Тюбингенской школой. Нѣмецкій текстъ на стр. 134 гласитъ: ... daraus nicht auf ein entschieden feindliches Verhaltniss zwischen Paulus und Seinen Genossen im apostolat geschlossen werden darf... Wir müssen deshalb die Haltung, welche die Altapostel gegen Paulus einnahmen, sehr genau von den Tendenzen der strengen judenchristlichen Partei unterscheiden" ср. § 115. Die Entstehung der altk. Kirche. Bonn. 1850. Второго изданія мы, къ сожалѣнію, не могли достать.

павлинизмъ, перешедшій въ каѳолическую церковь, представляетъ собою значительное уклоненіе отъ той своей формы, въ которой онъ выраженъ своимъ первовиновникомъ. По мнѣнію Ричля, главнымъ внутреннимъ мотивомъ къ измѣненію павлинизма должно быть признано естественное стремленіе—развить павліанскій принципъ *въ образѣ жизненной нормы, имѣющей общее и непосредственное значеніе.* Павлинизмъ въ своей первоначальной формѣ былъ непопуляренъ и труденъ въ силу павловой діалектики. Вторымъ мотивомъ, уже внѣшняго характера, къ измѣненію павлинизма было вліяніе на него евангельской традиціи, или ученія Іисуса, независимо отъ котораго образовалось Павлово ученіе (281 — 2). Связь павлинизма съ ученіемъ Іисуса пытается доказать документъ павліанскаго направленія—евангеліе Луки, значительно отличающееся отъ евангелія Матѳея своимъ универсализмомъ. Въ евангеліи Луки, между прочимъ, ясно отрицается значеніе Моисеева Закона, и ученіе Іисуса представляется, какъ новый Законъ, вмѣсто устраняемаго стараго (стр. 302). — Іустинъ Мученикъ воспринялъ въ себя всѣ элементы измѣненнаго павліанскаго міровоззрѣнія и на основаніи этого закончено и гармонично выразилъ *отношеніе къ Моисееву закону*, каковое выраженіе осталось навсегда нормою для каѳолической церкви... Противъ іудея Трифона Іустинъ говорилъ, что христіане имѣютъ *новый законъ*, назначенный для всего человѣческаго рода. Этотъ взглядъ объ устраненіи Моисеева Закона чрезъ христіанство, по его отрицательной и положительной сторонѣ, покоится на павліанскомъ основоположеніи (стр. 305, 309). Нельзя, конечно, не видѣть, что здѣсь забыта великая противоположность, указанная Павломъ между закономъ и евангеліемъ, и вмѣсто этого только выступаетъ относительное различіе между старымъ и новымъ закономъ. Въ связи съ этимъ развивается другой новый элементъ специфическаго значенія въ Павловомъ воззрѣніи—это именно теоретическій элементъ гносиса (стр. 313).—Такъ постепенно видоизмѣняясь, павлинизмъ принималъ характеръ и формы каѳолической церкви. Считается обще-признаннымъ, что Иринеи и Тертуліанъ. Климентъ Алекс. и Оригенъ суть представители древней каѳолической церкви. У этихъ знаменитыхъ борцовъ противъ гносиса христіанство представляется какъ строго опредѣленный законъ. Ясно, что мы видимъ здѣсь полное согласіе съ Іустиномъ и доказательство того, что древняя каѳоличе-

ская церковь покоится не на іудео-христіанствѣ, а на павлинизмѣ (327).

Мы изложимъ взглядъ Ричля на происхожденіе каѳолической церкви по 1-му изданію его книги: Die Entstehung d. altk. Kirche. и то видимъ у него существенное уклоненіе отъ воззрѣній Н. Тюбингенской школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень солидную безпристрастную критику ея. Во 1-хъ, исходнымъ и центральнымъ пунктомъ воззрѣній Баура является борьба двухъ направленій—павлинизма и петринизма. А. Ричль *отрицаетъ эту борьбу* и доказываетъ существенное согласіе Павла съ древними апостолами. Чрезъ это онъ вырываетъ сердце изъ теоріи Баура, лишаетъ ее ея творческаго принципа. Во 2-хъ, однимъ изъ главныхъ элементовъ, имѣвшихъ мѣсто въ образованіи каѳолической церкви, Бауръ признаетъ іудео-христіанство. А. Ричль опять не соглашается и доказываетъ, что іудео-христіанство есть первоначальная форма христіанства, смѣненная павлинизмомъ и замершая въ сектѣ евіонитовъ, а каѳолическая церковь возникла на основаніяхъ павлинизма. Такимъ образомъ еще въ половинѣ XIX вѣка. А. Ричль нанесъ Ново-Тюбингенской школѣ смертельный ударъ, отъ котораго, разумѣется, она уже не могла оправиться.

Но созидая на обложкахъ Бауровской школы зданіе своей собственной теоріи, А. Ричль несомнѣнно воспользовался нѣкоторыми положеніями Баура. А. Ричль удержалъ воззрѣнія Ново-Тюбингенской школы на лицо Іисуса Христа, какъ простого человѣка, и въ общемъ взглядѣ на происхожденіе каѳолической церкви остался тѣмъ же самымъ. Каѳолическая церковь и для Ричля не есть учрежденіе, вполнѣ отвѣчающее ученію Іисуса Христа и апостоловъ, а третичное или даже четверичное образованіе, или наслоеніе. Поэтому, какъ мы выше сказали, ричліанская школа должна быть признана родственной Ново-Тюбингенской. Такою она остается и въ лицѣ своихъ современныхъ намъ, наиболѣе видныхъ, представителей [1]). Изъ нихъ мы остановимся на А. Гарнакѣ.

[1]) Изъ другихъ можно назвать—Кафтона, Германа и Лоофса. См. *В. А. Керенскій*, школа ричліанскаго богословія. По нашему мнѣнію собственно къ ричліанистамъ долженъ быть отнесенъ и Вайцзеккеръ, извѣстный своимъ основательнымъ и глубокомысленнымъ сочиненіемъ объ апостольскомъ вѣкѣ (C. Weizsäcker, Das apostolische Zeitalter der christlichen Kirche. Freiburg. 1886), хотя онъ былъ и преемникомъ самого Баура по каѳедрѣ въ Тюбингенѣ. Вайцзеккеръ отрицаетъ борьбу между Павломъ и другими апостолами. См. особ. ss. 362, 366.

Самымъ выдающимся послѣдователемъ Ричліанской школы въ области церковно-исторической науки въ настоящее время является берлинскій профессоръ Адольфъ Гарнакъ, который по рожденію и образованію принадлежитъ Россіи (А. Гарнакъ—изъ Дерпта, родился въ 1851 г.). Это человѣкъ большого таланта, неистощимой энергіи, неутомимаго трудолюбія, рѣдкой эрудиціи, и кромѣ того обладаетъ дорогою способностью необычайно простого, вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнаго изложенія предмета. До конца прошлаго вѣка онъ былъ извѣстенъ какъ авторитетный ученый только среди лицъ, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ наукѣ. Но съ конца XIX вѣка Гарнакъ сразу становится весьма популярнымъ среди широкой публики. Извѣстность и славу создала Гарнаку его небольшая, случайно появившаяся книга: «Das Wesen des Christenthums», которая представляетъ собою собраніе (16-ти) публичныхъ лекцій, прочитанныхъ Гарнакомъ въ осенній семестръ 1899—1900 и записанныхъ, по собственному желанію, однимъ студентомъ. Эта книга не содержитъ никакихъ научныхъ экскурсій или безчисленныхъ цитатъ. Она представляетъ собою сложившійся въ теченіе долгихъ лѣтъ, на основаніи изысканій, и выношенный образъ воззрѣнія ученаго человѣка на христіанство и церковь.

А. Гарнакъ задается вопросомъ: «что такое христіанство? Чѣмъ оно было и чемъ стало»? Онъ хочетъ этотъ вопросъ рѣшить чисто историческимъ путемъ (стр. 4). Исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ «Іисусъ и Его евангеліе». Но хотя евангеліе и представляетъ, продолжаетъ Гарнакъ, главное содержаніе нашего изслѣдованія, однако нельзя ограничиться установленіемъ образа Іисуса Христа и основныхъ чертъ Его евангелія. Ибо всякая великая и сильная личность открываетъ часть своего существа только въ тѣхъ, на кого она дѣйствуетъ. Можно сказать даже, чѣмъ сильнѣе личность и чѣмъ значительнѣе ея вліяніе на внутреннюю жизнь другихъ, тѣмъ менѣе возможно познать полноту ея индивидуальности изъ ея собственныхъ словъ и дѣлъ (стр. 6). Отсюда получаются двѣ части изслѣдованія: 1) Евангеліе въ исторіи. Источниками для изученія благовѣстія Іисуса являются главнымъ образомъ наши три первыя евангелія, хотя первое и третье изъ нихъ потерпѣли позднѣйшую редакцію (стр. 15). Но 4-е евангеліе не пригодно для пользованія имъ, какъ историческимъ источникомъ (стр. 14).—Въ своей проповѣднической дѣятельности

Іисусъ Христосъ примыкаетъ къ Іоанну Крестителю, подобно ему, призываетъ къ покаянію: но въ самомъ же началѣ призывъ къ покаянію смѣняется «благовѣстіемъ» труждающимся и обремененнымъ, и благовѣстіе оставило проповѣдь Іоанна далеко за собою. «Смерть для воскресенія», новое человѣчество въ противоположность старому, богочеловѣчество—созданы были лишь Іисусомъ Христомъ (стр. 32—33). Сущность же благовѣстія Іисуса можетъ быть объята въ двухъ словахъ: Богъ и душа, душа и ея Богъ (стр. 90). Самымъ вѣрнымъ выраженіемъ ученія Іисуса является нагорная проповѣдь. Она содержитъ его этику и его религію, которыя соединены здѣсь въ своей основѣ въ одно и освобождены отъ всего внѣшняго преходящаго (стр. 47). И это одно есть именно *этика*, ибо самъ Іисусъ видѣлъ истинное проявленіе его религіи въ осуществленіи любви къ ближнему и милосердіи (стр. 48).—Но какое значеніе имѣла въ глазахъ Іисуса его личность для его благовѣствованія? ставитъ Гарнакъ вопросъ и отвѣчаетъ: собственно *евангеліе учитъ насъ, не о Сынѣ, а только объ Отцѣ, какъ его возвѣстилъ Іисусъ*. Но Христосъ имѣетъ значеніе какъ живой примѣръ, какъ путь къ Отцу (стр. 90—91, курсивъ А. Г.). Іисусъ Христосъ не требовалъ отъ людей иной вѣры въ свою личность, кромѣ той, которая содержится въ исполненіи Его заповѣдей (80 стр.). Правда, Іисусъ называлъ себя «Сыномъ Божіимъ», но это, разумѣется, не въ метафизическомъ смыслѣ слова, а въ смыслѣ богопознанія: «*Богопознаніе* вотъ сфера богосыновства» (стр. 81). Что же касается признанія себя Мессіей со стороны Іисуса Христа, то это является «безусловно необходимымъ предположеніемъ, *чтобы сознавшій свое призваніе могъ обрѣсти признаніе своего мѣста въ исторіи іудейской религіи*» (стр. 89, курсивъ А. Г.).

Переходя къ изображенію евангелія въ исторіи, Гарнакъ прежде всего останавливается на христіанствѣ апостольскаго періода.

Изъ тѣснаго кружка учениковъ Іисуса образовалась *община*.—Она характеризовалась слѣдующими тремя элементами: 1) признаніемъ Іисуса живымъ Господомъ; 2) тѣмъ что религія была дѣйствительнымъ *внутреннимъ переживаніемъ* каждаго члена новой общины и давала ему сознаніе живого сліянія съ Божествомъ; 3) *святою жизнію* въ чистотѣ и братствѣ и въ чаяніи *близкаго второго пришествія Христа* (стр. 96). Но община при такихъ отличительныхъ признакахъ

могла жить и въ рамкахъ іудейства. Такъ и было съ самаго начала... Однако несомнѣнно эта община заключала зародыши всемірнаго развитія. Поэтому не Павелъ первый положилъ ему начало, уже до него и параллельно съ его дѣятельностью неизвѣстные намъ по имени христіане въ разныхъ мѣстахъ разсѣянія принимали въ новый союзъ язычниковъ и устраняли специфически-національныя и исключительныя вліянія іудейскаго закона, ссылаясь на то, что эти постановленія должны быть понимаемы въ чисто духовномъ смыслѣ, какъ символы (александр., аллегористы, стр. 109). Но собственно для торжества новой религіи этого было весьма недостаточно. Необходимо было, чтобы кто-нибудь выступилъ и провозгласилъ, что старая религія отмѣнена, что продолжать ей слѣдовать *грѣхъ*, что все обновилось. Апостолъ Павелъ былъ человѣкъ, сдѣлавшій это; и въ томъ, что онъ совершилъ этотъ шагъ, и состоитъ его всемірно-историческое величіе. Онъ вывелъ христіанскую религію изъ предѣловъ еврейства (стр. 110). Непосредственные ученики Іисуса, послѣ тяжкой внутренней борьбы, въ концѣ концовъ, примкнули къ возвѣщеннымъ принципамъ Павла (стр. 112). Павелъ превратилъ евангеліе во всемірную религію и заложилъ основы для вселенской церкви (стр. 113). Церковь появилась собственно уже во II вѣкѣ. И это былъ величайшій переворотъ, когда либо пережитый новой религіей, едва ли не болѣе значительный чѣмъ тотъ, благодаря которому возникла церковь среди язычниковъ и отступили на задній планъ палестинскія общины (120). Но какимъ образомъ произошелъ этотъ великій переворотъ? Гарнакъ думаетъ, переворотъ вызванъ былъ тремя главнѣйшими моментами, опредѣлившими образованіе новыхъ формъ. Первый изъ этихъ моментовъ соотвѣтствуетъ общему закону въ исторіи религіи. Именно, послѣ того какъ вымираетъ второе и третье поколѣніе послѣдователей новой религіи, когда сотни и тысячи послѣдователей принадлежатъ къ ней уже не вслѣдствіе обращенія, а по традиціи и рожденію,—на этой ступени въ развитіи всякой религіи происходитъ коренная перемѣна. Религія живого чувства и сердца превращается въ религію быта, т. е. формы и закона. Этотъ процессъ отвердѣнія и превращенія въ законъ неминуемъ для всякой новой религіи (стр. 123—4).—II. Во II-мъ вѣкѣ молодая религія поднала вліянію культуры и духа греко-римскаго міра. *Притокъ эллинизма, греческаго духа* и соединеніе съ нимъ евангелія

есть величайшее явленіе въ исторіи церкви II столѣтія. Во-I-хъ церковь воспринимаетъ и даетъ у себя центральное мѣсто греческой нравственной философіи, развившейся со времени Сократа. Второе заимствованіе изъ греческой философіи для христіанства не менѣе важно: это космологическая идея *Логоса*. Христіанскіе апологеты сдѣлали шагъ въ началѣ II вѣка важнѣйшій изъ всѣхъ совершенныхъ въ исторіи развитія христіанскаго ученія—шаговъ, когда провозгласили: Логосъ есть Іисусъ Христосъ. Это отождествленіе дало возможность исторической личности занять опредѣленное мѣсто въ космологіи и религіозной философіи (стр. 125—127). —Третьимъ факторомъ разсматриваемой перемѣны была ожесточенная борьба, какую вела въ это время новая религія въ своей собственной средѣ. Борьба была вызвана попытками «острой эллинизаціи» къ смѣшенію христіанской религіи съ другими. Это движеніе было извѣстно подъ именемъ «гностицизма». *Борьба съ гностицизмомъ вынудила церковь выразить свое ученіе, свое богослуженіе и внутренній строй въ твердыхъ формахъ и законахъ и исключить изъ своей среды всѣхъ, отказавшихъ послѣднимъ въ повиновеніи.* Церковь не сомнѣвалась, что она *выразила самое существо религіи* (стр. 128—129).

Какъ видимъ, концепція А. Гарнака не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго въ сравненіи съ системою Ричля и Баура. Поэтому, несмотря на его замѣчательную ученость, рѣдкую работоспособность, колоссальную эрудицію и несомнѣнную талантливость, мы никогда не услышимъ о школѣ Гарнака, какъ говорятъ о школахъ Ново-Тюбингенской и Ричліанской.—Но въ одномъ очень важномъ отношеніи превосходитъ Гарнакъ своихъ предшественниковъ на почвѣ церковно-исторической раціоналистической науки. Если раціонализмъ или натурализмъ въ области церковной исторіи начинать съ Землера—(XVIII в.) и вести до Гарнака, какъ представителя его въ наши дни, то нельзя не видѣть здѣсь громаднаго научнаго прогресса. Раціонализмъ Землера—это грубое явленіе. Онъ получилъ кличку «не историческаго», «вульгарнаго» раціонализма, такъ какъ имѣетъ характеръ поверхностный, не заботится о серьезныхъ основаніяхъ для отрицанія. Но уже раціонализмъ Баура отличается философскимъ глубокомысліемъ, онъ запечатлѣнъ идейнымъ характеромъ. Однако Бауръ извращаетъ историческіе факты, втаскивая ихъ на Прокрустово ложе отвлеченной философіи. Ричль уже доказываетъ важность

историческихъ свидѣтельствъ для выясненія личности Іисуса. Но собственно Ричль и ограничился только хорошими словами. Самъ онъ не далъ серьезныхъ изслѣдованій по исторіи древней христіанской литературы. Идею Ричль отчасти уже осуществилъ и продолжаетъ [1]) осуществлять А. Гарнакъ. По исторіи древне-христіанской литературы онъ далъ весьма солидныя изслѣдованія. Но въ высшей степени являются замѣчательными и чреватыми будущимъ тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Гарнакъ. Такъ въ предисловіи къ своей «хронологіи [2]) онъ пишетъ: «Было время,—и теперь широкая публика еще не пережила его,—когда думали, что древне-христіанскую литературу нужно обсуждать, какъ сплетеніе обмановъ и лжи. Это время прошло. Для науки это былъ эпизодъ, когда она многому научилась, но изъ котораго послѣ должна многое забыть. Результаты новѣйшихъ изслѣдованій идутъ въ «реакціонномъ» направленіи (in «reactionärer» Richtung). Древнѣйшая литература церкви, разсматривается съ исторической точки зрѣнія, въ главныхъ пунктахъ и во многихъ частностяхъ, правдоподобна и не поврежденна (wahrhaftig und zuverlässig) S. VIII. И въ другомъ мѣстѣ продолжаетъ: «Я не боюсь употребить слово «реакціонный» (rückläufig), ибо вещи нужно называть ихъ собственными именами, и мы въ критикѣ источниковъ древнѣйшаго христіанства несомнѣнно находимся въ обратномъ движеніи къ преданію. Придетъ время, и оно уже близко, когда не будутъ заботиться о разборѣ литературно-историческихъ проблемъ въ области первохристіанства, потому что то что̀ здѣсь выражено, достигнетъ всеобщаго признанія—именно существеннаго права за традиціей». стр. X—XI.

Признаніе рѣдкое, искреннее и знаменательное! И тѣмъ дороже оно, что вылилось—не только изъ устъ, но изъ самаго сердца человѣка дѣйствительно науки. Отсюда одинъ только шагъ,—и шагъ естественный, даже необходимый, какъ логическій выводъ изъ данныхъ посылокъ — до признанія христіанства сверхъ-естественнымъ явленіемъ. Гарнакъ былъ

---

[1]) Такъ только весною нынѣшняго (1908 года) Гарнакъ выпустилъ критическое изслѣдованіе о книгѣ Дѣяній.

[2]) Полное заглавіе этого капитальнѣйшаго сочиненія такое: „Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius“ Leipzig. 1897 года. Это есть собственно II-й томъ его общаго изслѣдованія: „Geschichte der aeltchr. Litteratur bis Eusebius“.

искренѣ до конца и въ томъ же своемъ предисловіи онъ разсказалъ такой въ высшей степени замѣчательный фактъ: «Недавно, говоритъ Гарнакъ, одинъ голландскій ученый замѣтилъ мнѣ: кто признаетъ рамки, въ которыя традиція заключаетъ древне-христіанскія основныя извѣстія, тотъ долженъ отказаться писать исторіи перво-христіанства въ натуралистическомъ направленіи, но вынуждается вѣровать въ супранатуральное происхожденіе христіанства». А Гарнакъ не говоритъ, чтобы онъ противъ этого что-либо возразилъ... Но какъ показываютъ его лекціи о сущности христіанства, читанныя имъ уже три года спустя, для самого Гарнака еще время не настало и и часъ не пробилъ — сдѣлать необходимый выводъ, измѣнить натуралистическое пониманіе христіанства въ супранатуралистическое. Ахиллесовою пятою для него являются предполагаемыя корректуры, позднѣйшія редакціи у синоптиковъ и не подлинность IV-го евангелія. Побѣдить эти трудности, повидимому, ему не дано, и истинная сущность христіанства остается сокрытою отъ духовныхъ очей его!

Изъ только что сдѣланнаго краткаго обозрѣнія новыхъ школъ XIX в. по вопросу о первенствующей христіанской церкви получается довольно тяжелый выводъ для церковнаго сознанія. Изъ трехъ бѣгло разсмотрѣнныхъ школъ только одна Неандеровская школа ортодоксальная, и то не церковная въ собственномъ смыслѣ; а Ново-Тобингенская и Ричліанская — рѣзко-раціоналистическія, окончательно ниспровергающія христіанство, ибо христіанство безъ вѣры во Христа, какъ Бога — абсурдъ. Потомъ, ортодоксальная Неандеровская школа стоитъ въ 1-й половинѣ XIX в.; тогда какъ Ричліанская — во 2-й половинѣ и является господствующею въ наше время. Впечатлѣніе получается сильное и, повидимому, безотрадное. — Но мрачное впечатлѣніе ослабится, если принять во вниманіе хоть слѣдующее. И въ настоящее время есть весьма много ученыхъ богослововъ, которые держатся ортодоксальнаго взгляда на христіанскую церковь. Достаточно указать на такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Теодоръ Цанъ изъ Эрлянгена, Имельсъ изъ Лейпцига, Зеебергъ изъ Берлина, чтобы видѣть, какихъ сильныхъ поборниковъ имѣетъ христіанство. Правда, мы не имѣемъ ученой школы, вполнѣ отвѣчающей по своимъ основнымъ положеніямъ церковному ученію. Но такой школы

и быть не можетъ. Вѣдь школу составляетъ извѣстная система оригинальныхъ взглядовъ, раздѣляемыхъ въ извѣстное время или преемственно кругомъ лицъ. Между тѣмъ богословы, которые вѣрно выражаютъ ученіе церкви, ничего не говорятъ своего собственнаго, т. е. оригинальнаго. Здѣсь могутъ быть оригинальности лишь въ методологіи, въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ и т. п. Съ этой точки зрѣнія и оригинальность школы Неандера больше, такъ сказать, отрицательнаго характера. Неандеръ оригиналенъ для раціоналистовъ, поскольку отрицаетъ ихъ начало и вноситъ супранатуралистическія. Неандеръ оригиналенъ для церковнаго ученія (—и очевидно, эта оригинальность дурного качества), поскольку онъ, признавая христіанство за сверхъ-естественное явленіе, отрицаетъ церковь, какъ необходимое божественное учрежденіе. Правда христіанская древность знаетъ о такъ называемыхъ школахъ— Антіохійской и Александрійской, которыя, между прочимъ, принимали большое участіе въ христологическомъ движеніи. Но это обстоятельство, или точнѣе, эта историческая справка и показываетъ, что христіанская церковь не знала ученыхъ школъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Тѣ школы были собственно *философскими направленіями*, выразившимися въ *разработкѣ признаваемаго общеобязательнымъ христіанскаго ученія*. Извѣстно, что многіе отцы, учители церкви и церковные писатели были весьма глубоко—и философски-образованными людьми. Причемъ сообразно своей индивидуальности, одни изъ нихъ болѣе проникались философскими воззрѣніями Платона, а другіе—Аристотеля. Отсюда два направленія, или школы: 1) александрійская, отличавшаяся созерцательно-мистическимъ характеромъ—и 2) антіохійская, характеризуемая діалектико-разсудочнымъ направленіемъ. Однако заслуживаетъ полнаго вниманія, когда и кто изъ послѣдователей этихъ школъ начиналъ заботиться не о томъ, чтобы своими философскими познаніями воспользоваться для уясненія вопросовъ вѣры, а настаивалъ на философскихъ положеніяхъ даже вопреки христіанскому ученію, старался къ нимъ приспособить послѣднее,—то получились крайности, приведшія къ извращенію церковнаго ученія и осужденныя церковью. Крайніе представители антіохійской школы дошли до ереси Несторія, а такіе же представители александрійской кончили евтихіанствомъ, или монофизитствомъ.

Но несомнѣнно, и раціоналистическія школы принесли

большую пользу въ дѣлѣ разработки церковно-исторической науки. Бауровская школа совершенно вѣрно заставляетъ различить въ первенствующей церкви два главныхъ теченія — іудео-христіанское и языко-христіанское. Она справедливо указываетъ на три преимущественныхъ типа богословія апостольскаго вѣка—Петрово, Павлово и Іоанново. Ново-Тюбингенская и Ричліанская школа вскрываютъ предъ нами тонкіе и глубокіе процессы постепеннаго образованія каѳолической церкви, какъ внѣшняго учрежденія. Выясненіе вліянія на церковь со стороны эллинизма, и внутренней борьбой съ гностицизмомъ и монтанизмомъ заслуживаетъ также глубокаго вниманія. Словомъ, вѣчною заслугою предъ церковно-историческою наукою со стороны Бауровской и Ричліанской школъ будетъ болѣе основательное и глубокое пониманіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, въ частности вѣка апостольскаго, чѣмъ было прежде.

Однажды подошелъ къ І. Христу Его любимый ученикъ, Іоаннъ Заведеевъ, и сказалъ: «Наставникъ! мы видѣли человѣка, именемъ Твоимъ изгоняющаго бѣсовъ, и запретили ему, потому что онъ не ходитъ съ нами. Іисусъ сказалъ ему; *не запрещайте; ибо кто не противъ Васъ, тотъ за Васъ*». И церковь Іисуса Христа, говоритъ съ другимъ апостоломъ, уже просвѣщеннымъ Св. Духомъ: Да я вижу: «одни по любопрѣнію проповѣдуютъ Христа не чисто... А другіе по любви .. Но что до того? Какъ бы ни проповѣдывали Христа, притворно, или искренно, я и тому радуюсь, и буду радоваться»!

Мужъ апостольскій, св. Ермъ, созерцалъ въ таинственномъ видѣніи церковь подъ видомъ башни, строющейся на водахъ. Многіе мужи приносили камни: одни брали изъ глубины, т. е. изъ воды, а другіе добывали изъ земли. Эти камни подавали шести юношамъ строителямъ. Они принимали, но далеко не всѣ камни употребляли для постройки башни. Въ зданіе полагали лишь камни, извлекаемые изъ глубины и нѣкоторые изъ добытыхъ изъ земли. И эти камни были блестящіе и квадратные. Между тѣмъ, многіе изъ приносимыхъ камней были шероховаты, другіе съ трещинами, а иные были свѣтлы и круглы и тоже не годились для зданія башни. Изъ этихъ камней одни полагались вблизи башни; нѣкоторые же были прямо разсѣкаемы и отбрасываемы далеко отъ башни...

Св. Ермъ видѣлъ великую башню въ процессѣ строенія, и мы, живущіе чрезъ 18 столѣтій послѣ него, не можемъ сказать, чтобы это зданіе Божіе было близко къ концу. Но мы знаемъ, что это великое зданіе имѣетъ достаточно матеріала для своего постепеннаго созпданія, имѣетъ и мудрыхъ строителей, способныхъ, по указанію Верховнаго Зодчаго, различать годный матеріалъ отъ негоднаго.

Михаилъ Посновъ.

Введеніе въ христіанское Нравственное Богословіе.

I.

Опредѣленіе науки.

Подъ именемъ Нравственнаго Богословія разумѣется наука, въ систематическомъ порядкѣ излагающая христіанское нравоученіе, иными словами наука о христіанской нравственности. Терминъ «нравственность», повидимому, всѣмъ намъ представляется знакомымъ и понятнымъ. Мы различаемъ нравственныя и безнравственныя дѣйствія, говоримъ о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ, восхищаемся чѣмъ либо или негодуемъ во имя нравственныхъ требованій и т. д. Но если мы захотимъ ясно и отчетливо опредѣлить, въ чемъ именно заключается существенная особенность явленій нравственнаго порядка въ отличіе отъ безнравственныхъ, то почувствуемъ необычайную трудность этого вопроса. Нѣкоторые моралисты пытаются выяснить понятіе о нравственности на основаніи филологическаго анализа этого слова. Оно, говорятъ, происходитъ отъ глагола нравится, что указываетъ на пріятный для человѣческаго сердца, привлекательный характеръ нравственнаго добра. Однакожъ, съ этою мыслью нельзя согласиться безъ нѣкоторыхъ существенныхъ оговорокъ. Правда, добро *нравится* «духовному» и «внутреннему» человѣку, который по апостолу «соуслаждается закону Божію» (Римл. VII,—22), непреодолимо влечетъ его своею красотою и мощью, но за то иногда очень и очень не нравится человѣку плотскому «душевному», находящему «инъ законъ во удѣхъ своихъ, противовоюющихъ закону ума его и плѣняющъ его закономъ грѣховнымъ» (Римл. VII—23). Въ глубинѣ души вся-

кій, даже самый тяжкій грѣшникъ, сознаетъ, что все нравственное прекрасно и совершенно, что именно оно должно служить цѣлью нашей жизни, но его испорченная природа влечетъ его въ другую сторону, въ сторону зла. Поэтому-то и сказалъ Христосъ: «царство Божіе нудится и нужницы восхищаютъ е», и отъ своихъ послѣдователей прежде всего требовалъ креста: «иже хочетъ по мнѣ итти, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ» (Марк. VIII—34). Отреченіе отъ эгоизма, жертва личнымъ счастьемъ ради счастья ближнихъ, распятіе своей плоти «со страстьми и похотьми» тяжелы, часто мучительны для человѣка. Наоборотъ, обольстительный міръ грѣховныхъ наслажденій представляется для него въ высшей степени привлекательнымъ, хотя и осуждается голосомъ нашей совѣсти. Гармоническій синтезъ добродѣтели и счастья, склонностей и долга составляетъ лишь идеалъ, къ которому постепенно приближается человѣкъ. А пока ему приходится испытывать мучительное раздвоеніе между высшею и низшею сторонами своей природы, причемъ одна влечетъ его въ область нравственно-добраго, хотя бы и чрезъ тѣсныя врата, чрезъ путь усѣянный терніями и шипами, другая въ царство «плоти и крови», грѣховныхъ наслажденій, эгоистическаго счастья. Въ человѣкѣ живетъ двѣ души «одной изъ нихъ хвататься грубо суждено за этотъ міръ съ его любовнымъ тѣломъ, въ другой же все горѣ вознесено». Въ виду этого терминъ «нравиться», какъ простирающейся, при данномъ состояніи человѣческой природы, на многіе факты отрицательной цѣнности и имѣющій въ обычномъ словоупотребленіи слишкомъ чувствительный смыслъ, мы не считаемъ характернымъ при уясненіи понятія о нравственно-добромъ.

Вопросъ о томъ: что такое нравственное доброе? всегда занималъ мыслящее человѣчество, былъ предметомъ мучительныхъ усилій на всемъ протяженіи его историческаго существованія. Онъ также интересенъ и такъ же труденъ, какъ вопросъ Пилата: «что̀ есть истина»?

Попытаемся сдѣлать *предварительное* опредѣленіе добра *съ формальной стороны*, указать его существенные, общіе и отличительные признаки.

Понятіе о нравственно-добромъ входитъ въ объемъ болѣе широкаго понятія о совершенномъ, занимая въ ряду его проявленій самое высокое мѣсто. Не только красота, здоровье, сила, но даже талантъ и геніальность стоятъ ниже его. Лишь

одно добро имѣетъ безусловное значеніе, тогда какъ всѣ прочія блага сохраняютъ въ нашихъ глазахъ цѣнность лишь подъ условіемъ ихъ согласія съ нимъ. Богатая фантазія, глубина и всесторонность мысли, обширная эрудиція, художественный геній, какъ свойства личности превращаются въ ничто, какъ скоро мы знаемъ, что она лишена нравственныхъ принциповъ и пользуется силой своихъ природныхъ талантовъ для достиженія низкихъ эгоистическихъ цѣлей. Если добродушная, но недалекая посредственность, соединяющая въ себѣ съ наивностью воззрѣній горячее любящее сердце, можетъ вызвать нашу симпатію, хотя и соединенную съ чувствомъ сожалѣнія, то злой геній, человѣкъ умный, но безсердечный, вслѣдствіе своего моральнаго недостоинства, безусловно отвратителенъ и справедливо возбуждаетъ негодованіе.

Фактъ преимущественной цѣнности нравственнаго добра въ ряду всѣхъ другихъ проявленій совершеннаго подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что лишь оно одно признается нами вмѣняемымъ, заслуживающимъ награды. Мы сочли бы возмутительно несправедливымъ карать человѣка за умственную ограниченность, недостатокъ красоты или слабость здоровья; наоборотъ, страданія злыхъ и счастье праведныхъ требуются присущимъ намъ чувствомъ правды. На этой точкѣ зрѣнія всегда стояло религіозное и правовое сознаніе народовъ. Во всѣхъ религіяхъ есть ученіе о загробномъ мздовоздаяніи, по которому праведники должны блаженствовать, а грѣшники страдать. Награда или наказаніе будутъ назначаться только за святость или грѣховность, то есть за нравственное состояніе человѣка, а не за его умственныя и тѣмъ болѣе внѣшнія качества.

Для рѣшенія послѣдней судьбы человѣка будетъ совершенно безразлично: идіотъ онъ или геній, уродъ или представитель красоты и изящества. И по человѣческимъ законамъ за глупость и физическіе недостатки не наказываютъ, равно какъ и никакой умъ не служитъ оправданіемъ преступленія, а скорѣе только увеличиваетъ вину. Наконецъ, если иногда намъ кажется, что умственныя дарованія и даже красота тѣла имѣютъ большія права на счастье сравнительно съ глупостью и уродствомъ, то и въ этомъ случаѣ мы безсознательно и невольно переносимъ нравственную точку зрѣнія въ другія области. Намъ кажется, что и умъ созданъ самимъ человѣкомъ, что и физическая привлекательность является выраженіемъ красоты душевной.

Такимъ образомъ первымъ признакомъ нравственнаго добра является тотъ, по которому оно въ ряду всѣхъ другихъ проявленій совершеннаго занимаетъ самое высокое мѣсто, имѣя характеръ безусловной цѣнности.

2. Нравственно доброе служитъ выраженіемъ человѣческой *активности*, относится къ области воздѣйствія личности на окружающій міръ. Человѣческій духъ, съ одной стороны, является какъ бы зеркаломъ, воспринимающимъ и отражающимъ дѣйствительность, съ другой факторомъ ея измѣненія и пересозданія. Между субъектомъ и объектомъ, нашимъ я и бытіемъ, лежащимъ внѣ его, происходитъ постоянный обмѣнъ вліяній, постоянное теченіе отъ периферіи къ центру и обратно отъ центра къ периферіи. Нашъ разумъ не безъ основанія называютъ микрокосмомъ въ томъ смыслѣ, что онъ носитъ въ себѣ идеальную схему всего существующаго. Съ другой стороны, наша свободная воля не съ меньшимъ правомъ можетъ быть признана самопричиною, силою творчества, источникомъ, изъ котораго рождается новое въ мірѣ. Нравственное добро относится, несомнѣнно, къ области воли, являясь выраженіемъ реагированія нашей личности на окружающій міръ.

3. Третьимъ существеннымъ признакомъ нравственнаго добра является его безусловная обязательность. Мы сознаемъ что *должны* ему слѣдовать и избѣгать всего того, что ему противорѣчитъ. Если не дѣлаемъ этого, то испытываемъ мученія совѣсти. Это чувство долга, сообщающее нравственнымъ требованіямъ характеръ суровой принудительности, составляетъ такую же ихъ специфическую особенность, какъ и идея абсолютной цѣнности. Добро не только привлекательно и желательно, но и обязательно. Послѣдняя черта отличаетъ его отъ просто пріятнаго, отъ того, что намъ только нравится. Черта эта выступаетъ особенно ярко при сопоставленіи идеи добра съ идеею счастья. Потребность счастья есть фактъ неизмѣнный и универсальный. Оно дорого для человѣческаго сердца и составляетъ объектъ постоянныхъ стремленій нашей природы. Какъ растеніе обращается къ свѣту, какъ животное ищетъ себѣ пищи, такъ сердце человѣческое жаждетъ счастья. И тѣмъ не менѣе, намъ совершенно чужда мысль, чтобы мы были *обязаны* всѣми силами стараться умножить радости своего бытія, извлекая изъ жизни наибольше количество наслажденій. Эвдемонистическая точка зрѣнія осуждается нравственнымъ сознаніемъ человѣчества, а страданія и самоотверженіе, по

крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возводятся имъ на пьедесталъ и окружаются ореоломъ. Слѣдовательно, счастье, будучи въ высшей степени желательнымъ, нисколько не обязательно. Наоборотъ добро, хотя бы его осуществленіе казалось для насъ тяжелымъ и непріятнымъ, сопровождалось внутренними мученіями и борьбой,—дается нашему сознанію, какъ нѣчто долженствующее быть выполненнымъ. Слѣдовательно, свойство обязательности есть насколько существенный для добра, настолько же только ему одному принадлежащій признакъ.

Наконецъ, нравственно доброе можетъ существовать лишь при условіяхъ сознательности и свободы. Въ этомъ заключается отличіе его отъ истиннаго и прекраснаго. Истина остается истиной даже и тогда, когда она является продуктомъ безсознательной дѣятельности духа, возникая въ человѣкѣ сама собою, безъ всякихъ усилій съ его стороны. Красота также способна насъ привлекать и очаровывать, хотя бы она и не была самодѣятельнымъ продуктомъ творческихъ силъ. Мы восхищаемся лазурью голубого неба, алмазами, цвѣтами, видами природы, чувствуемъ отвращеніе къ тарантулу, скорпіону или гнилому мясу. Наоборотъ, добро внѣ сознанія и свободы не могло бы существовать, какъ такое. Процессы и явленія бездушной матеріи, жизнь растеній и животныхъ находятся внѣ моральной оцѣнки. Поступки дѣтей до пробужденія въ нихъ сознанія и душевно больныхъ также признаются не подлежащими этической квалификаціи. Чѣмъ больше сознательности и свободы проявилось въ томъ или иномъ человѣческомъ поступкѣ, тѣмъ высшую цѣнность имѣетъ онъ въ нашихъ глазахъ въ случаѣ его согласія съ нравственнымъ закономъ и тѣмъ болѣе возмущаетъ насъ въ случаѣ несогласія съ нимъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ христіанское ученіе о загробномъ мздовоздаяніи (Лук. XII, 47—48); этотъ же принципъ положенъ въ основу уголовнаго права всѣхъ культурныхъ народовъ. Сила мотива къ тому или другому преступленію служитъ обычно основаніемъ къ смягченію наказанія, такъ какъ она уменьшаетъ степень свободы, а слѣдовательно и отвѣтственности. Отсюда, съ одной стороны, признаются менѣе вмѣняемыми дѣйствія, совершенныя подъ вліяніемъ эффекта, господствующей страсти или навязчивой идеи, съ другой, подъ воздѣйствіемъ физическихъ аномалій и органическихъ разстройствъ, напримѣръ, истеричности и первности, наслѣдственнаго алкоголизма, беременности, полового бѣшенства.

Свобода составляетъ не только необходимое условіе нравственности, но и самое главное основаніе ея цѣнности. Потому именно мы и считаемъ добро высшимъ изъ всѣхъ проявленій совершеннаго, что оно зависитъ отъ самого человѣка, является продуктомъ его личности. Между нашимъ *я* и нравственною областью существуетъ несравнимо болѣе тѣсная связь, чѣмъ между нимъ и всѣми другими областями душевной жизни. Лишь она одна зависитъ отъ человѣка, являясь продуктомъ его творчества, будучи плотію отъ плоти и костію отъ кости самой сокровенной сущности его души. То, что входитъ въ ея нѣдра извнѣ въ формѣ ощущеній и идей принадлежитъ собственно не намъ, а міру, тогда какъ исходящее изъ центра нашего духа въ периферіи внѣ насъ лежащей жизни есть наше собственное достояніе, которымъ мы въ правѣ гордиться, если оно носитъ характеръ совершенства. Отсюда понятно, что сознаніе свободы «составляетъ необходимое условіе нравственной жизни и входитъ непосредственно во всѣ нравственныя интуиціи. Она есть та красная нить, которая связываетъ въ одно цѣлое всю нравственную область и отличаетъ ее отъ всякой другого рода дѣятельности, именно, какъ нравственную. Поэтому можно смѣло сказать за Ушинскимъ, что идея свободы такъ же необходима для нравственной жизни, какъ воздухъ для дыханія».

Итакъ, Нравственное Богословіе есть наука о христіанской нравственности, нравственность есть дѣятельность сообразная съ идеею добра, а добро есть отвѣчающее идеѣ совершенства проявленіе человѣческой активности, запечатлѣнное характеромъ высшей цѣнности и безусловной обязательности, при наличности сознанія и свободы.

II.

Отношеніе нравственности къ религіи.

По вопросу объ отношеніи между нравственностью и религіей можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ нѣсколько взглядовъ. Въ нашемъ традиціонномъ богословіи долго царила мысль о совершенной невозможности безрелигіозной морали. Когда въ старинныхъ духовныхъ школахъ давалось сочиненіе на тему: можетъ ли быть атеистъ хорошимъ человѣкомъ, то воспитанники должны были непремѣнно отвѣчать

и дѣйствительно отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно. Доказательства своего положенія, вслѣдъ за учебниками и учебными пособіями, они обыкновенно строили по такой схемѣ. Повидимому, писали они, атеистъ можетъ быть нравственнымъ, но это только повидимому и при томъ съ поверхностной точки зрѣнія. При болѣе глубокомъ изслѣдованіи оказывается, что всѣ добродѣтели невѣрующихъ не суть таковыя въ истинномъ смыслѣ этого слова. Повторялся извѣстный афоризмъ Тертулліана о языческихъ добродѣтеляхъ, что онѣ не болѣе, какъ блестящіе пороки. Мнѣніе слишкомъ ужъ жестокое и обидное для естественнаго человѣка, въ природѣ котораго признавали нѣчто доброе и Іисусъ Христосъ («язычники любятъ любящихъ ихъ») и ап. Павелъ (Римл. 1, 14, 2, 14).

Утвержденіе, что безъ религіи не можетъ быть *никакой* нравственности рѣзко противорѣчитъ опыту. Въ жизни мы часто видимъ людей слабо вѣрующихъ и въ то же время добрыхъ, честныхъ, самоотверженно работающихъ на пользу ближнихъ. И въ нѣкоторые историческіе моменты подобные факты встрѣчаются нерѣдко. Наоборотъ, религіозные люди не всегда стоятъ на должной высотѣ моральнаго уровня. Утвержденіе, что нельзя дѣлать ничего хорошаго безъ вѣры во Христа вызываетъ въ современномъ скептически настроенномъ обществѣ одно лишь озлобленіе, заставляя его въ качествѣ реакціи увлекаться противоположною мыслью о цѣнности лишь тѣхъ человѣческихъ поступковъ, которые стоятъ внѣ какой-бы то ни было связи съ религіозными мотивами.

Взглядъ на необходимость полной автономіи для нравственнаго закона съ особенною подробностью былъ раскрытъ Кантомъ. По мнѣнію этого философа, религія всегда была лишь тою скорлупою, въ которую *по недоразумѣнію,* въ силу какого-то *радикальнаго зла*, лежащаго въ человѣческой природѣ, люди облекали свои нравственныя требованія. Это обезцѣнивало поведеніе человѣка, дѣлало его эгоистическимъ и корыстнымъ. Истинною причиною поступковъ, совершенныхъ по религіознымъ мотивамъ, является не любовь и уваженіе къ добру самому по себѣ, а ожиданіе загробнаго воздаянія, имѣющее эвдемонистическій характеръ.

Такимъ образомъ, Кантъ требуетъ безрелигіозной автономной морали во имя ея чистоты и безкорыстія. На иной почвѣ стоитъ другой новѣйшій автономистъ Ницше. Онъ считаетъ постыднымъ для человѣка подчиняться чуждому, отвнѣ навя-

заннему закону, видя въ такомъ подчиненіи проявленіе рабскаго духа. Сверхчеловѣкъ, сознавшій относительность всего «человѣческаго», долженъ объявить войну самому Богу, стать «по ту сторону добра и зла», признавъ единое свое *я* источникомъ всякаго закона и критеріемъ всякой истины. «Собственная глупость лучше чужой мудрости»—такъ говоритъ Заратустра.

Но насколько въ дѣйствительности разумно и цѣнно стремленіе человѣка къ полной автономіи, къ независимости отъ чего бы то ни было, даже отъ Верховнаго Существа? Религіозное сознаніе всѣхъ народовъ и въ частности христіанская мораль осуждаютъ это желаніе, какъ богопротивное и безнравственное. Оно, какъ предполагали св. отцы церкви, было причиною паденія діавола, оно же лежало въ основѣ грѣхопаденія нашихъ прародителей. Желаніе полной автономіи есть въ сущности отрицаніе Бога и стремленіе самому занять Его мѣсто. Но такое стремленіе, если мы будетъ судить о немъ съ точки зрѣнія его истинности, въ высшей степени нелѣпо и противоестественно. Ни одно существо не можетъ выйти изъ границъ своей собственной природы и превратиться въ другое высшее. Камень не можетъ сдѣлаться животнымъ, животное человѣкомъ. Тѣмъ болѣе невозможно существу ограниченному сдѣлаться абсолютнымъ, человѣку стать Богомъ.

Пусть такъ, могутъ сказать намъ на это, пусть *фактически* человѣкъ никогда не можетъ превратиться въ высшее автономное существо. Но не заключаетъ ли все таки самое стремленіе къ этому чего-либо благороднаго, равно какъ и наоборотъ, безпрекословное подчиненіе Богу не свидѣтельствуетъ ли о низменности и пошлости человѣческой природы? Такъ было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы мыслили Бога не абсолютно совершеннымъ существомъ, а только безгранично могущественнымъ деспотомъ, пользующимся своимъ правомъ—силы и налагающимъ на насъ различныя оковы въ формѣ закона, долга и т. п. Въ такомъ случаѣ, конечно, хотя бы человѣкъ навѣрное зналъ, что онъ не въ силахъ свергнуть съ себя чуждое иго, онъ долженъ бы былъ стремиться къ свободѣ и внутренно не примиряться съ неизбѣжнымъ фактомъ, помня, что

„Не цѣпи дѣлаютъ раба,
Но рабское сознанье".

Но вѣдь дѣло въ томъ, что Богъ не есть только безгранично могущественная сила, какъ иногда представляло его

неразвитое сознаніе дикихъ народовъ, а самоабсолютное добро. Отсюда подчиненіе данному Имъ закону есть подчиненіе истинѣ, совершенству и благу, подчиненіе, не только не заключающее въ себѣ ничего унизительнаго и позорнаго, а наоборотъ, составляющее лучшее украшеніе человѣка.

Но пусть скажутъ намъ, Божественный законъ есть само совершенство и сама правда. Тѣмъ не менѣе онъ не нашъ собственный, есть нѣчто чужое и стороннее. Не лучше ли подчиниться менѣе совершенному закону, но своему, чѣмъ болѣе совершенному, отвнѣ. На это точкѣ зрѣнія стоитъ Ницше. Однако-жъ разсуждать такъ, значитъ выдавать за истину чистѣйшій абсурдъ. Совершенство не перестаетъ быть таковымъ оттого, что оно принадлежитъ не намъ и кому-либо другому. А если такъ, то разумнѣе слѣдовать лучшему, а не худшему, хотя бы первое принадлежало другому, а второе было нашимъ собственнымъ. Наконецъ, подчиненіе Божественному закону не унизительно для человѣка потому, что въ мірѣ, какъ бытіи ограниченномъ и несамобытномъ, вообще нѣтъ ничего такого, чтобы не происходило отъ Бога. Все отъ Него исходитъ и къ Нему возвращается, «о Немъ мы живемъ, движемся и существуемъ». Но если для человѣка не обидно быть зависимымъ отъ Бога по бытію, то тѣмъ болѣе естественно подчиняться Ему въ своей дѣятельности, которая есть лишь одна изъ формъ или проявленій бытія.

Что же касается взгляда Канта, то въ немъ, несомнѣнно, заключается элементъ истины. Дѣйствительно мораль должна быть безкорыстной, и по скольку она опредѣляется эвдемонистическими мотивами, хотя бы и религіознаго характера, постольку теряетъ въ своей цѣнности. Но, соглашаясь съ этимъ, мы не считаемъ религію вредной для нравственности, а наоборотъ, признаемъ ее единственно твердой и надежной опорой для послѣдней.

Атеистъ, конечно, можетъ быть добродѣтельнымъ: любить своихъ ближнихъ, заботиться объ ихъ благѣ, жертвовать своими личными интересами ради интересовъ общественныхъ, быть воздержнымъ и т. д. Основаніе для этого онъ найдетъ прежде всего въ нѣдрахъ своей природы, въ ея запросахъ и постулятахъ. Человѣкъ порядочный не сдѣлаетъ какой нибудь подлости потому же самому, почему онъ не станетъ ѣсть гнилого мяса, хотя бы и имѣлъ полную возможность къ тому. Какъ нормальный желудокъ естественно отвращается отъ нездоровой

пищи, такъ и человѣческая совѣсть инстинктивно отталкиваетъ отъ себя всякую нравственную гниль. При извѣстной степени моральности грубѣйшіе виды порока становятся уже психологически невозможными.

Клевета, воровство, шпіонство, грубый развратъ, чрезмѣрное сластолюбіе, жестокость—непосредственно претятъ нашему нравственному чувству, и не нужно быть религіозно-вѣрующимъ, чтобы воздержаться, положимъ, отъ кражи носового платка изъ кармана знакомаго или отъ сквернословія. Въ самой организаціи человѣческой природы, значитъ, заключается, повидимому, надежная гарантія возможности безрелигіозной нравственности, какъ факта. Эту мысль выражаетъ и апостолъ Павелъ, когда говоритъ о язычникахъ, что они «не имуще закона естествомъ законная творятъ» (Римл. II—14).

Но съ иной стороны представится намъ дѣло, если мы поставимъ вопросъ о метафизическихъ основахъ морали. Атеистъ будетъ поступать добродѣтельно лишь до тѣхъ поръ и постольку, поскольку это для него пріятно. Здоровый человѣкъ, по всей вѣроятности, не станетъ ѣсть гнилой пищи, но если бы онъ захотѣлъ сдѣлать это, и если бы не было извѣстно, что данная пища, помимо дурного вкуса, смертоносна для организма, трудно было бы доказать ему его неправоту. Равнымъ образомъ исполненіе долга лишь до тѣхъ поръ обязательно для невѣрующаго, пока оно совпадаетъ съ его личными склонностями. Въ случаѣ антагонизма между идеалами счастья и добродѣтели, мы не можемъ убѣдиться въ необходимости отдавать предпочтеніе послѣдней, если только не докажемъ ея абсолютной цѣнности. А сдѣлать это, какъ сейчасъ увидимъ, можно лишь стоя на почвѣ религіозныхъ предпосылокъ—и это вотъ почему.

Имѣя въ виду относительность и условность все міровой жизни и въ частности человѣческой природы легко прійдти къ заключенію, что присущіе намъ нравственные идеи и постуляты суть только плодъ нашей субъективной организаціи измѣнчивой и условной, что имъ не соотвѣтствуетъ никакой объективной дѣйствительности. Поступая, напримѣръ, по принципу любви, жертвуя собственнымъ счастьемъ ради ближнихъ, или подавляя влеченіе своей чувственной природы, мы не можемъ быть увѣрены, что все это дѣйствительно хорошо. Вѣдь въ концѣ концовъ всякая моральная оцѣнка основывается на постулятахъ нашей природы, но на какомъ основаніи мы мо-

жемъ дѣлать послѣднюю мѣриломъ абсолютной истины. Быть можетъ наши понятія о добромъ и зломъ имѣютъ лишь относительно—субъективный характеръ, быть можетъ, съ какой-нибудь подчеловѣческой или сверхчеловѣческой точки зрѣнія чувство любви ниже эгоизма, а универсальное счастье есть несовершенство сравнительно съ страданіемъ. Такъ, съ эволюціонной точки зрѣнія, мы, теперешніе люди, происшедшіе путемъ долгаго процесса изъ первичныхъ туманностей, въ концѣ концовъ превратимся въ такія существа, которыя такъ же превосходятъ насъ, какъ мы атомы неорганическаго міра. Легко видѣть, во что превратятся наши нравственныя понятія въ глазахъ этихъ гипотетическихъ существъ! Подобныя мысли естественны для человѣка невѣрующаго, а между тѣмъ онѣ колеблютъ наше уваженіе къ добру, убѣжденіе въ его безотносительной цѣнности, неизмѣнности и общеобязательности.

Что бы считать себя обязанными поступать нравственно, стремиться къ общему счастью, любить своихъ ближнихъ, жертвовать личными интересами для блага другихъ, надо вѣрить, что все это (счастье, любовь, самопожертвованіе) суть дѣйствительныя совершенства, а не кажущіяся только таковыми для насъ, что они признаются чѣмъ-то высшимъ сравнительно съ эгоизмомъ, злобою и страданіемъ всѣми существами, даже обладающими иной организаціей, совершенно не похожей на нашу. Но на чемъ можетъ быть основана такая вѣра? Только на предположеніи существованія Бога. Въ понятіи о Богѣ, какъ существѣ абсолютномъ, какъ существѣ истинномъ и какъ существѣ благомъ, дается троякая гарантія объективной значимости морали. Существо абсолютное, по самой идеѣ своей, независимо ни отъ какихъ условій, а слѣдовательно, и отъ своей природной организаціи. Для него не существуетъ различія идеальнаго и реальнаго, его мысль равна бытію и, слѣдовательно, выражаетъ абсолютную, въ собственномъ смыслѣ метафизическую истину. Отсюда, если Богъ такъ же мыслитъ добро и зло, какъ мы, то они имѣютъ абсолютно-объективный характеръ. А тожество воззрѣній абсолютнаго существа на добро и зло съ нашими стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія для человѣка вѣрующаго въ Божественную благость и въ Божественное происхожденіе нравственнаго закона.

Такимъ образомъ, лишь въ религіи можно видѣть надлежащую опору нравственности, гарантію ея безотносительности, неизмѣнности и обязательности. Но помимо этого, такъ ска-

зать, философскаго значенія для нравственности, религія имѣетъ огромную цѣнность и для практической жизни. Изъ религіозной сферы заимствуются наиболѣе сильные, могущественные и дѣйствительные мотивы добродѣтели. Именно это имѣлъ въ виду одинъ изъ злѣйшихъ враговъ вѣры Вольтеръ, когда говорилъ, что если бы не было Бога, то пришлось Его выдумать. И далеко не всѣ они (мотивы) имѣютъ корыстный характеръ, какъ думалъ Кантъ. Побужденіями къ исполненію нравственнаго закона могутъ быть любовь къ Законоучителю и желаніе благоупотребленія. А это мотивы насколько дѣйствительные, настолько чистые и возвышенные. Когда ребенокъ воздерживается отъ шалостей изъ боязни оскорбить отца или мать, то неужели онъ руководствуется въ данномъ случаѣ эгоизмомъ? Не наоборотъ ли? Не любовь ли заставляетъ его жертвовать своими желаніями опасенію причинить непріятность уважаемымъ и любимымъ людямъ? Любовь противоположна эгоизму, а слѣдовательно, основанная на любви къ Богу религіозная нравственность, съ точки зрѣнія чистоты и возвышенности, нисколько не уступаетъ нравственности автономной.

Особенное значеніе для нравственной жизни христіанина имѣетъ представленіе о личности Христа и совершенномъ Имъ искупительномъ дѣлѣ. Яркій образъ мученика—Богочеловѣка, принявшаго зракъ раба, унижаемаго и оскорблаемаго, страдавшаго и умершаго на крестѣ за наши грѣхи, дѣлаетъ для насъ психологически невозможнымъ оскорблять Его своимъ бурнымъ поведеніемъ. Этотъ же образъ вызываетъ въ насъ потребность подражать и уподобляться Ему въ своей собственной жизни. Именно это представленіе лика Христова вдохновляло святыхъ и мучениковъ въ первые вѣка христіанства, давало имъ силы переносить всевозможныя страданія и самую смерть. Мы знаемъ, какое огромное значеніе имѣютъ идеалы въ жизни каждаго человѣка, и въ какой степени направленіе ея опредѣляется тѣми конкретными образами, которые предносятся его умственному взору. А между тѣмъ въ религіи даются человѣку и идеалы, освѣщающіе пути жизни, и примѣры осуществленія этихъ идеаловъ.

Наконецъ, даже религіозно-эвдемонистическія побужденія, заимствованныя изъ представленія наградъ и наказаній въ будущей жизни, имѣютъ не маловажное значеніе для морали. Нельзя, конечно, отрицать того, что поскольку истинною при-

чиною нашихъ поступковъ является стремленіе къ счастью и отвращеніе отъ страданій, хотя бы и за предѣлами гроба, они носятъ эгоистическій характеръ и, слѣдовательно, не имѣютъ дѣйствительной цѣнности. Но, однако, и за этими внѣшними мотивами можно признать значеніе тѣхъ исходныхъ пунктовъ, съ которыхъ начинается наша нравственная жизнь, значеніе, такъ сказать, педагогическое. Отмѣтки, награды и наказанія на первыхъ порахъ служатъ единственными побужденіями къ тому, чтобы ученикъ занимался дѣломъ. Если бы не авторитетъ родителей, онъ, быть можетъ, не захотѣлъ бы учиться ни читать, ни писать. Затѣмъ, при усвоеніи элементовъ школьнаго знанія, ребенокъ также не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ возбудителей. Мысль объ отмѣткахъ, наградахъ и наказаніяхъ заставляетъ его преодолѣвать свою лѣность и заниматься работою тогда, когда даже нѣтъ къ ней расположенія. Однако же не можетъ быть, чтобы, изучая извѣстный предметъ по сторонннмъ мотивамъ, ученикъ ни разу не заинтересовался имъ самимъ по себѣ и не увлекался самымъ процессомъ работы. Когда усвоеніе извѣстнаго урока идетъ успѣшно, онъ начинаетъ чувствовать интеллектуальное наслажденіе. Мало-по-малу въ немъ воспитывается вкусъ къ умственной работѣ и пробуждается чувство любознательности. Рѣшивъ, положимъ, одну задачу по одному способу, онъ испытываетъ желаніе попытать свои силы и въ другой задачѣ, болѣе сложной и трудной, примѣнивъ къ ней другой методъ. Въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній не рѣдкость встрѣтить воспитанниковъ, серьезно интересующихся извѣстною областью знаній, читающихъ различныя пособія, горячо обсуждающихъ тѣ или иные вопросы. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подобные факты встрѣчаются еще чаще Наконецъ, настоящіе ученые, всю свою жизнь посвятившіе наукѣ, находятъ въ ней высшее наслажденіе, которое они не промѣняютъ ни на что иное. А между тѣмъ, если бы въ дни далекаго дѣтства ихъ не побуждали знакомиться съ школьными предметами посредствомъ внѣшнихъ мѣръ, сокровища высшаго знанія не были бы имъ доступны. Они не воспитали бы въ себѣ вкуса къ наукѣ и не сдѣлались бы ея адептами.

Подобное происходитъ и въ нравственной области. Для человѣка грубаго, находящагося на низшей ступени моральнаго развитія, необходимы внѣшніе импульсы, которые, такъ сказать, натолкнули бы его на истинный путь. Такими импуль-

сами и являются представленія о загробныхъ наказаніяхъ и наградахъ. Поскольку добродѣтель извѣстнаго лица опредѣляется только ими, она не имѣетъ истинной цѣнности. Но только психологически невозможно, чтобы исполняя нравственный законъ по внутреннему самопринужденію, человѣкъ современемъ не воспиталъ вкуса къ нему, не почувствовалъ его духовной красоты и не плѣнился ею. Опытъ показываетъ, что путь добра представляется человѣку труднымъ и непріятнымъ лишь сначала. На эту именно первую ступень нравственной жизни, требующую огромнаго напряженія со стороны человѣка и душевной борьбы, указываетъ Спаситель, когда говоритъ объ узкихъ вратахъ, ведущихъ въ царство небесное, о томъ, что оно «нудится» и «нужницы восхищаютъ е», когда требуетъ отъ своихъ послѣдователей самоотреченія и креста. Затѣмъ, мало-по-малу, человѣкъ начинаетъ постигать высоту нравственнаго закона, и послѣдній овладѣваетъ имъ. Требованія долга соединяются во едино съ влеченіями природы, и человѣкъ начинаетъ слѣдовать добру съ такою же пріятностью, съ какою онъ восхищается красотою и отдается счастью. Эту высшую ступень гармоническаго объединенія долга и склонностей, красоты и добра, самопожертвованія и счастья имѣетъ въ виду Христосъ, когда говоритъ о Своемъ ученіи: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть».

Въ заключеніе отмѣтимъ, что съ христіанской точки зрѣнія нравственность нуждается въ религіи и со стороны своего осуществленія. Поврежденный грѣхомъ человѣкъ не въ состояніи собственными словами исполнять всѣ требованія нравственнаго закона и, по словамъ апостола Павла, дѣлаетъ не добро, котораго хочетъ, а зло, котораго не хочетъ (Рамл. VII, 15). Онъ нуждается въ благодатной помощи, которая и даруется всѣмъ вѣрующимъ ради искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа *).

П. Левитовъ.

---

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Отвѣтъ на критику профессора М. М. Тарѣева *).

Проф. М. М. Тарѣевъ очень обидѣлся, повидимому, *за это* возраженіе; но самъ онъ говоритъ, что обидѣлся за другое, за то именно, что я указалъ на «неточность» выраженія у него православнаго ученія по данному пункту. Здѣсь проф. М. М. Тарѣевъ увидѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ... *донось* въ «сферы»... «Онъ,—говоритъ про меня мой критикъ,—не упускаетъ случая укрѣпить свою репутацію въ глазахъ «сферъ» кивкомъ на подозрительность моего православія... *Точное* выраженіе православія—это (иронизируетъ профессоръ) привиллегія такихъ лицъ, какъ г. Заринъ» [1]). Далѣе проф. М. М. Тарѣевъ прямо говоритъ, что я «доношу» на его мнимое «неправославіе» [2])... Я долженъ сказать, что изъ всего оскорбительнаго и запальчиваго, что угодно было сказать по поводу моего сочиненія и моей нравственной личности проф. М. М. Тарѣеву, это—самое несправедливое, безосновательное, рѣзкое и безконечно оскорбительное... Впрочемъ, и здѣсь я постараюсь быть объективнымъ и безстрастнымъ... Прежде всего, чтобы понять какую-то особенную чувствительность автора къ этому пункту и примириться—по возможности—нравственно съ нанесеннымъ мнѣ вполнѣ незаслуженнымъ оскорбленіемъ, я долженъ принять во вниманіе личныя обстоятельства моего критика. «Долговременныя гоненія на религіозную мысль», о которыхъ онъ говоритъ [4]), коснулись когда-то—отчасти—и его лично... Самъ проф. говоритъ о цѣ-

*) Продолженіе. См. декабрь 1908 г.

[1]) Стр. 312—313. [2]) Стр. 323, прим. [3]) Стр. 325.

[4]) Стр. 338.

лыхъ годахъ своей тяжелой болѣзни и сгустившихся ударахъ судьбы, о своихъ тяжелыхъ личныхъ обстоятельствахъ [1]). Все это, конечно, смягчаетъ впечатлѣніе незаслуженнаго оскорбленія, но вѣдь надо щадить и другихъ... И другимъ нелегко... Нельзя же руководиться принципомъ, что если «мнѣ было непріятно, то пусть же и другимъ будетъ тяжело».—Обращаясь къ существу дѣла, прежде всего долженъ рѣшительно заявить, что избирать сочиненія проф. М. М. Тарѣева средствомъ для «укрѣпленія своей репутаціи въ глазахъ» какихъ-то «сферъ» мнѣ и въ голову не приходило: ни нужды, ни повода, ни самой мысли о чемъ-либо подобномъ не было... Такъ же, напр., не было, какъ не было мысли уѣхать на жительство въ Австралію... Писалъ то, что думалъ, какъ самъ понималъ дѣло... Могъ ошибаться, но никакихъ постороннихъ къ дѣлу цѣлей, даже и менѣе постыдныхъ и болѣе допустимыхъ, не имѣлъ... За мою критику нѣкоторыхъ пунктовъ системы преосв. Ѳеофана, за освѣщеніе вопроса о «евангельскихъ совѣтахъ», за признаніе зависимости святоотеческаго ученія—по нѣкоторымъ сторонамъ—отъ философскаго и т. п. я подвергся на диспутѣ критикѣ и нѣкоторому даже осужденію со стороны второго моего оффиціальнаго оппонента... И я могъ предвидѣть это, но все-таки написалъ и напечаталъ то, что думалъ... Правда, мой оппонентъ оказался благороднымъ человѣкомъ... Дѣло шло только о болѣе или менѣе правильномъ пониманіи дѣла, а оцѣнки нравственной личности не касалось... И я никакъ не могъ предвидѣть, что у меня будутъ усматривать заднія мысли... Если и есть ошибки,—смотрите на нихъ, какъ на естественную дань недостаточной опытности въ первомъ литературномъ трудѣ, а не черните такъ личность... И въ данномъ случаѣ *ничего подобнаго* изъ того, что приписывается мнѣ проф. М. М. Тарѣевымъ, на самомъ дѣлѣ у меня *совершенно нѣтъ*. Имѣя безспорный критерій въ святоотеческомъ богословіи, я старался выражаться въ данномъ отношеніи очень осторожно. Прежде всего я оговариваюсь, что аргументація и способъ выраженія проф. М. М. Тарѣева въ значительной мѣрѣ объясняются «крайностями разбираемаго имъ взгляда» защитниковъ «святой плоти», «святого сладострастія», — «считающаго плотскую страстную чувственность и сладострастіе существенною, важнѣйшею принадлежностью идеальной человѣческой природы» [2]). О своемъ

[1]) Осн. христ., т. III, стр. 6. [2]) I, 198—199.

общемъ отношеніи къ воззрѣніямъ проф. М. М. Тарѣева я говорю такъ: «расходясь съ представителями разбираемаго проф. М. М. Тарѣевымъ взгляда, собственно въ данномъ пунктѣ *не вполнѣ* соглашаемся, однако, и съ нимъ, считая необходимымъ оттѣнить сущность православнаго ученія *нѣсколько съ другой стороны*» [1]). «Проф. М. М. Тарѣевъ имѣетъ тенденцію вовсе отказать тѣлу, матеріальному элементу человѣческой природы, въ возможности и способности достигнуть «обоженія», общенія съ Богомъ какимъ бы то ни было путемъ» [2]). Если же я,—опять очень осторожно,—говорю, что *нѣкоторыя* выраженія автора «могутъ» «подать поводъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ и,—по крайней мѣрѣ, отчасти,— къ справедливымъ нареканіямъ», [3])—то вѣдь это *фактъ*, а не мое только личное впечатлѣніе. Такія недоразумѣнія начали высказываться въ печати, какъ только появилась въ свѣтъ—въ видѣ отдѣльной статьи—трактуемая XI глава «Философіи евангельской исторіи». Оффиціальный рецензентъ этой диссертаціи вынесъ точно такое же впечатлѣніе въ данномъ отношеніи. «Рѣчь о таинствѣ хлѣба и вина»,—пишетъ онъ,—не предваренная особыми замѣчаніями, можетъ смущать многихъ (7, 194, 197). То же самое нужно сказать и о слѣдующихъ положеніяхъ автора: «христіанское воскресеніе» (§ 65), духовность воскресенія (§ 57), чудеса благотворенія (107 и др.)» [4]). Рецензентъ указываетъ на замѣтку прот. Лаврскаго, какъ на доказательство того, что такое смущеніе уже *есть*. Проф. М. М. Тарѣевъ въ недавнее время самъ констатировалъ аналогичный фактъ и притомъ со стороны В. В. Розанова [5]). У меня, не читавшаго тогда *ни одной* замѣтки по поводу XI главы сочиненія проф. М. М. Тарѣева, явилось подобное же впечатлѣніе,—оно и отразилось на моей рецензіи. Нужно сказать, что первоначально только этою замѣткою и ограничивался весь мой параграфъ обзора богословскихъ воззрѣній проф. М. М. Тарѣева [6]). Потомъ, познакомившись съ его статьями: «Духъ и

---

[1]) Стр. 201. [2]) Ibid. [3]) Стр. 204.

[4]) Протоколъ засѣданія Совѣта Моск. Дух. Акад. 4 іюня 1904 г. Бог. Вѣстн. 1905, мартъ, стр. 175.

[5]) Основы христ., т. IV, стр. 404.

[6]) См. отзывъ проф. А. А. Бронзова о моемъ рукописномъ сочиненіи, представленный въ Совѣтъ Академіи въ апрѣлѣ 1905 г. въ протоколахъ Сов. 22 дек. 1906 г. въ „Христ. Чт.“. 1907, іюль, стр. 135, и. II.

плоть», я представилъ и ихъ посильный разборъ. Дѣло шло исторически-естественно. Но проф. М. М. Тарѣеву хочется все у меня представить въ превратномъ видѣ: ему всюду видится «хитро задуманный и ловко проведенный маневръ». Если у меня лично не было ни повода, ни побужденія, ни желанія «кивать» какимъ-то «сферамъ» на «подозрительность» православія проф. М. М. Тарѣева, то и объективно моими сужденіями,—увѣренъ,—никто не воспользовался, не воспользуется и не могъ бы воспользоваться... Для этого—просто—не могло быть ни малѣйшаго повода, нѣтъ и соотвѣтствующаго матеріала... Кому, въ самомъ дѣлѣ, пришла бы въ голову мысль искать источника для обвиненій проф. М. М. Тарѣева въ моемъ трудѣ объ «аскетизмѣ»? Да и что я за авторитетъ для «сферъ»? Да, наконецъ, въ моемъ обзорѣ говорится *о неточности* «въ выраженіи» православнаго ученія лишь по нѣкоторымъ пунктамъ... Говорится совершенно корректно и общо... Только чѣмъ-то *другимъ* напуганное воображеніе можетъ рисовать такія фантасмогорическія картины... Но я то,—согласитесь,—здѣсь не причемъ... Просто подвернулся въ такой часъ... Не могу здѣсь не припомнить также очень характернаго случая... Еще совсѣмъ недавно самъ проф. М. М. Тарѣевъ, анализируя міровоззрѣніе В. В. Розанова, назвалъ его «убѣжденнѣйшимъ язычникомъ» [1]). Въ своей статьѣ, напечатанной въ «Церковномъ Вѣстникѣ»—«Розановъ о смерти и воскресеніи» я, между прочимъ, сослался на эту характеристику... Вскорѣ мнѣ пришлось услышать отъ нѣсколькихъ почтенныхъ и весьма освѣдомленныхъ лицъ, что такой характеристики давать В. В. Розанову и—особенно—оттѣнять ее не слѣдовало, потому что какъ разъ въ то время у нѣкоторыхъ лицъ соотвѣтствующаго высшаго учрежденія была будто бы мысль отлучить Розанова отъ церкви за его языческое міровоззрѣніе... Опасались, что могутъ привлечь къ дѣлу и эту характеристику... Это было бы, конечно, непріятно... Ужели и въ данномъ случаѣ у проф. М. М. Тарѣева и у меня была мысль «донести» на Розанова, «кивнуть» на его язычество «сферамъ»? Между тѣмъ у проф. М. М. Тарѣева сказано ужъ очень рѣшительно: «Розановъ... послѣдовательно и отъ души ненавидитъ евангельскій духъ» [2]). Все это показываетъ, что пользоваться подобными пріемами съ

---

[1]) См. и въ „Оси. Хр.“, т. IV, стр. 405. [2]) Христ. пробл., стр. 234.

цѣлью набросить тѣнь на рецензируемое сочиненіе—неудобно и некорректно... Къ такимъ ужъ дѣйствительно «легкимъ» побѣдамъ и дешевымъ эффектамъ лучше бы совсѣмъ не прибѣгать... При такомъ общемъ враждебномъ отношеніи ко мнѣ и къ моему сочиненію проф. М. М. Тарѣевъ—естественно—усматриваетъ всюду «стропотное» и въ «частностяхъ» моего критическаго обзора, причемъ, желая во что бы то ни стало читать между строкъ, онъ читаетъ иногда совершенно не то, что *прямо* значится у меня. Такъ, переходя къ разбору его статьи: «Духъ и плоть», я—въ видѣ простого попутнаго замѣчанія, буквально въ цѣляхъ перехода отъ одного отдѣла къ другому,—говорю, что «анализъ одного факта воскресенія Христа, взятый въ своей отдѣльности, недостаточенъ» и т. д. Въ этомъ, совершенно невинномъ, замѣчаніи проф. М. М. Тарѣевъ ухитрился усмотрѣть цѣлую бездну пороковъ: здѣсь и «самодовольство» и «педантизмъ»,—и все это потому, что будто бы въ этихъ словахъ я «читаю» ему «наставленія». Такъ какъ мои слова имѣютъ смыслъ болѣе прямой и совершенно простой, чуждый заднихъ цѣлей, то лишь при желаніи не соглашаться буквально ни съ чѣмъ, что есть у меня, при стремленіи *все* представлять въ превратномъ видѣ—могло возникнуть это недоразумѣніе Въ моемъ изложеніи нѣтъ даже и *повода* для проявленія обидчивости и раздраженія моего критика. Далѣе у меня прямо значится: «болѣе общее, широкое и принципіальное освѣщеніе вопроса о значеніи, содержаніи и смыслѣ христіанскаго аскетизма проф. М. М. Тарѣевъ предлагаетъ въ своемъ изслѣдованіи: «Духъ и плоть» [1]). Мое раннѣйшее замѣчаніе, слѣдовательно, только объясняетъ, что хотя я и привлекаю къ разсмотрѣнію XI главу сочиненія: «Философія евангельской исторіи», однако знаю, что могу извлечь изъ нея для выясненія своего вопроса только нѣкоторыя, строго ограниченныя, данныя, почему и обращаюсь къ другому сочиненію профессора. Вотъ все, что хотѣлъ я сказать,—ни больше, ни меньше. Самъ профессоръ въ данномъ случаѣ даже не имѣлся въ виду; тѣмъ болѣе, конечно, никто не хотѣлъ читать ему «наставленій». Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно искажать очевидные факты!.. Все это настолько мелочно, что, право тяжело и непріятно входить въ объясненіе этого недоразумѣнія. Если этотъ инцидентъ и имѣетъ значеніе, то лишь для характеристики отношенія ко мнѣ и къ моему труду проф. М. М. Тарѣева.

[1]) Стр. 201—202.

Таково же—въ общемъ—значеніе выраженія проф. М. М. Тарѣева и по поводу второй «частности». Вотъ соотвѣтствующее мѣсто критики. «Г. Зарипъ увѣряетъ, что «проф. М. М. Тарѣевъ слишкомъ суживаетъ объемъ понятія «аскетизмъ», когда говоритъ, что природное отношеніе христіанина не становится неизбѣжно аскетическимъ, не создаетъ бѣгства изъ міра». Прежде всего г. Зарипъ искажаетъ данное мѣсто. У меня, — объясняетъ критикъ, — написано слѣдующее: «Христіанство — въ абсолютности добра, въ соединеніи этики съ вѣрою, въ духовной вѣрующей любви... Природное отношеніе христіанина не становится *по одному этому* неизбѣжно аскетическимъ»... И что же? По мнѣнію г. Зарина по *одному этому* христіанство аскетично въ смыслѣ бѣгства изъ міра? Г. Зарипъ получаетъ возможность разводить свои водянистыя разсужденія на тему о томъ, что отшельничествомъ не исчерпывается аскетизмъ, что религіозность не бываетъ обязательно отвлеченною, — прежде всего потому, что онъ лишаетъ рецензируемое мѣсто контекстуальнаго смысла. Во-вторыхъ, потому, что онъ намѣренно забываетъ мое систематическое рѣшеніе аскетическаго вопроса. Я ссылаюсь на все содержаніе сочиненія: «Цѣль и смыслъ жизни»... Ну, какой же смыслъ дѣлать мнѣ возраженіе, что я слишкомъ узко понимаю аскетизмъ?!» [1]).—О томъ, насколько «намѣренно» я могъ «забывать» соч. проф. М. М. Тарѣева «Цѣль и смыслъ жизни», — мнѣ уже приходилось говорить. Искажать рецензируемое мѣсто я и не думалъ. Слова «*по одному этому*» въ данномъ случаѣ рѣшительно не при чемъ: я приводилъ нужное мнѣ мѣсто лишь по мысли, а не буквально. Въ данномъ случаѣ я отмѣтилъ лишь, что аскетизмъ принимается въ *слишкомъ узкомъ* значеніи, когда самымъ характернымъ его признакомъ считается «бѣгство изъ міра», когда «дѣйствительная любовь къ живымъ людямъ» противополагается «отвлеченно-созерцательной религіозности». Такое противоположеніе у проф. М. М. Тарѣева—несомнѣнно—*есть*, и *это* въ настоящемъ случаѣ мнѣ только и важно было отмѣтить. Въ «заключеніи» своего «обзора» я указываю, что «въ понятіи «аскетизма» различаются *два* смысла, *два* значенія,—болѣе общее и широкое и болѣе узкое, спеціальное», наряду съ другими учеными, и проф. М. М. Тарѣевымъ [2]). Здѣсь я разумѣлъ именно дан-

[1]) Стр. 311—312. [2]) I, стр. 378.

ное мѣсто. Если же я сказалъ, что проф. М. М. Тарѣевъ иногда «слишкомъ суживаетъ объемъ понятія «аскетизмъ»», то не отказываюсь отъ своего утвержденія и теперь, имѣя въ виду, напр., что «идеалъ византійской святости» у него представляется исключительно съ «отвлеченно-аскетическимъ» характеромъ [1]). Въ связи съ этимъ мы встрѣчаемъ у него такое категорическое утвержденіе: «односторонняя культура духа, чѣмъ было доселѣ христіанство, и что подмѣняло божественный духъ (=силу жизни) духовной безтѣлесностью, принесла горькіе плоды ложнаго аскетизма» [2]). Я считаю подобныя утвержденія излишне преувеличенными. Съ точки зрѣнія идейной, общей, философской такія характеристики, можетъ быть, и не возбуждаютъ недоумѣній и являются достаточными, съ точки же зрѣнія исторической, фактической дѣйствительности онѣ оказываются слишкомъ прямолинейными.

Третье—и послѣднее—замѣчаніе проф. М. М. Тарѣева относительно «частностей» моего «разбора», при своей краткости, нуждается въ обстоятельномъ объясненіи. «Онъ,—говоритъ про меня критикъ,—приводитъ мои слова: «Евангеліе нельзя проповѣдовать дѣтямъ, потому-что это значило бы внушать имъ ненависть къ отцу и матери, а это было бы полною нелѣпостью.—и добавляетъ отъ себя: «такою же нелѣпостью, какою было бы внушать дѣтямъ отсѣчь правую руку, вырвать правый глазъ и т. п. Но такихъ нелѣпостей, т. е. внушать буквальное пониманіе евангельскихъ словъ, забывая всѣ правила для пониманія священнаго текста, — не слѣдуетъ внушать и взрослымъ» [3]). Это мѣсто проф. М. М Тарѣевъ въ примѣчаніи поясняетъ такъ: «т. е. у меня въ мукахъ сердечныхъ становится христіанская проблема, а г. Зарнинъ самую муку моего сердца, самую проблему мою называютъ нелѣпостью». Заканчивается вся реплика такъ: «любитъ г. Зарнинъ поучать. Но повѣрьте, г. Зарнинъ, религіозная проблема шире тѣсной области экзегетическихъ правилъ». За такое отношеніе къ его «проблемѣ» проф. М. М. Тарѣевъ называетъ меня—наряду съ о. І. Л. Янышевымъ и проф. прот. П. Я. Свѣтловымъ — стоящимъ «на низкой ступени религіозной критики». Я совершено согласенъ, что называть «нелѣпостью» всякое искреннее и честное исканіе

[1]) Христ. пробл., стр. 69=245.
[2]) Христ. пробл., стр. 241=Основы христ. IV. стр. 417.
[3]) Стр. 334.

истины, особенно же соединенное съ «мукой сердца»,—въ высшей степени некорректно, неделикатно и даже прямо грубо. Но этого я и не хотѣлъ, да и не способенъ по своему характеру и настроенію дѣлать. Если у меня данъ хоть *поводъ* къ такому обвиненію, если могло только *показаться*, что у меня дѣло обстоитъ дѣйствительно такъ,—то и за это, за самый неосторожный способъ выраженія, я готовъ принести искреннее извиненіе: такъ дѣйствительно, неудобно то, въ чемъ меня обвиняетъ проф. М. М. Тарѣевъ въ данномъ случаѣ. Но не перетолковалъ-ли тенденціозно проф. М. М. Тарѣевъ и это мѣсто, не придалъ-ли ему другого, неблагопріятнаго для меня, освѣщенія? Вѣдь это уже не одинъ разъ было, какъ мы видѣли...

Всякія слова надо брать въ ихъ контекстуальной связи. Въ началѣ того отдѣла, изъ котораго заимствовано инкриминируемое мѣсто, у меня говорится: «проф. М. М. Тарѣевъ имѣлъ въ виду воззрѣнія гг. Розанова и Мережковскаго, а поэтому и выражается—замѣтно—примѣнительно къ ихъ терминологіи. Но отсюда же, быть можетъ, берутъ начало и нѣкоторыя существенныя неточности въ его трактаціи [1]). Вышеприведенныя слова приведены именно, какъ примѣръ такой *неточности* въ выраженіи,—и больше я ничего сказать ими не хотѣлъ. Я находилъ только нѣсколько неудачною *аргументацію* въ данномъ случаѣ. Дѣтямъ нельзя проповѣдовать евангеліе просто потому, что они—*дѣти*, что они ничего еще не могутъ воспринимать разумомъ. Они даже не могутъ понять слова «ненавидѣть», а если бы поняли его, то, въ примѣненіи къ отцу и матери, къ братьямъ и сестрамъ, требованіе «возненавидѣть», конечно, показалось бы полною нелѣпостью»... Но вѣдь это не все и даже не самое характерное. Дѣти не могутъ *ненавидѣть* и вообще кого-бы то ни было, но именно за это, между прочимъ, качество Христосъ и призналъ дѣтей по преимуществу достойными «Царствія небеснаго» (Мѳ. XIX, 14). Мало того. Христосъ говоритъ, что для пріобрѣтенія конгеніальности началамъ и требованіямъ «Царствія небеснаго» нужно пережить процессъ «обращенія» (ἐὰν μὴ στραφῆτε) въ результатѣ котораго должно явиться возвращеніе къ настроенію дѣтскаго «самоумаленія» (ταπεινώσῃ ἑαυτὸν ὡς τὸ παιδίον)... (Мѳ. XVIII, 3—4). «*Ненависть*» же, о которой говоритъ евангеліе, имѣетъ только *аскетическое*, отрицательное значеніе; это со-

[1]) Стр. 204.

стояніе важно въ *процессѣ* «обращенія ко Христу и можетъ имѣть мѣсто, пока послѣдованіе за Христомъ, любовь къ Нему не сообщатъ человѣку *положительныхъ* качествъ, не переродятъ его всецѣло, причемъ и «θυμός» и «ὀργή» и «μῖσος» получатъ особое, спеціально христіанское направленіе и назначеніе... Когда проф. М. М. Тарѣевъ говоритъ о томъ, что Евангеліе, между прочимъ, проповѣдуетъ «ненависть» къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ въ томъ именно случаѣ, когда «для христіанина является необходимымъ избрать между отреченіемъ отъ Христа и родственною связью» [1]), въ томъ именно моментѣ его послѣдованія Христу, когда человѣкъ долженъ пережить «познаніе суеты земной жизни и мимолетности ея благъ», причемъ необходимо «отталкиваніе отъ земли» [2]),—то онъ самъ совершенно правильно опредѣляетъ *аскетическій* моментъ, *аскетическій* характеръ, *аскетическій* смыслъ состоянія «ненависти». Въ этомъ смыслѣ самъ проф. М. М. Тарѣевъ справедливо говоритъ, что «для евангелія» аскетизмъ, понимаемый въ смыслѣ «отрѣченія» отъ внѣшнихъ (между прочимъ и отъ семейныхъ) благъ жизни «пріобрѣтаетъ этическій обликъ лишь» «въ качествѣ отрицательнаго условія духовнаго рожденія» [3]). Эта «ненависть» входитъ въ объемъ сложнаго состоянія христіанскаго «покаянія» (μετάνοια), христіанскаго «обращенія» (ἐπιστροφή), получаетъ свой смыслъ именно и только въ немъ. И дѣтямъ нельзя проповѣдовать «ненависть» постольку именно и потому, что имъ нельзя проповѣдовать и «покаянія». Между тѣмъ въ *данномъ случаѣ* проф. М. М. Тарѣевъ беретъ евангельское требованіе «ненависти» въ ея отдѣльности и обособленности,—причемъ оно принимаетъ какъ бы положительное и самостоятельное значеніе. Желая подчеркнуть это обстоятельство, я и присоединилъ указаніе на вполнѣ *аналогичныя* требованія евангелія,—отсѣчь правую руку, вырвать правый глазъ и под., воспользовавшись при этомъ выраженіемъ самого проф. М. М. Тарѣева. Мои слова «такихъ нелѣпостей, т. е. впупать буквальное пониманіе евангельскихъ словъ, забывая всѣ правила, необходимыя для пониманія не только священнаго текста, но и всякаго литературнаго произведенія вообще,—т. е. идіотизмы языка, приточный, аллегорическій способъ выраженія и проч.,—

---

[1]) Основы христ., т. II, стр. 272. [2]) ibid, стр. 258.
[3]) Основы христ., т. II, стр. 259. Сн. стр. 262.

не слѣдуетъ внушать не только дѣтямъ, но и взрослымъ»,—эти мои слова не относились къ «*проблемѣ*» проф. М. М. Тарѣева, а тѣмъ болѣе къ его «мукамъ сердца». Я хотѣлъ лишь показать *недостаточность*, по моему мнѣнію, его аргументаціи *въ данномъ частномъ случаѣ*. Я разумѣлъ, что *никто*—и *онъ самъ*—не будетъ проповѣдовать «*ненависти*» къ родителямъ и братьямъ—въ прямомъ и непосредственномъ значеніи этого слова—проповѣдовать не только дѣтямъ, но и взрослымъ... Я недоумѣваю, почему эти слова проф. М. М. Тарѣевъ отнесъ къ своей «проблемѣ». Я могу и здѣсь допустить только одно, что это сдѣлано исключительно съ тою цѣлью, чтобы оттѣнить мою мнимую критическую некорректность... «У меня, говоритъ проф. М. М. Тарѣевъ, въ мукахъ сердечныхъ ставится христіанская проблема, а г. Зарипъ самую муку моего сердца, самую проблему мою называетъ нелѣпостью». Но развѣ проблема проф. М. М. Тарѣева сводится къ проповѣди ненависти къ родителямъ, братьямъ, къ приглашенію отсѣчь правую руку, вырвать правый глазъ и под.? Я этого никогда не могъ допустить, а теперь, изучивъ «систему» проф. М. М. Тарѣева, могу и документально доказать, что «экзегетическія правила» не отвергаются имъ въ примѣненіи, въ частности, и къ данному вопросу о смыслѣ, объемѣ и значеніи евангельской «ненависти». Когда проф. М. М. Тарѣевъ лишь вообще, безъ особыхъ разъясненій, говоритъ объ этой «ненависти», его пониманіе звучитъ, дѣйствительно, въ смыслѣ безусловнаго и какъ бы даже буквальнаго требованія. Но это вѣдь еще не «проблема»... «Проблема» начинается тамъ, гдѣ вопросъ обсуждается спеціально, въ связи съ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ автора. И здѣсь мы видимъ *по отношенію къ данному вопросу* разъясненіе весьма осторожное и умѣренное,—въ примѣненіи къ *практикѣ жизни* гораздо болѣе умѣренное даже, чѣмъ принятое пониманіе этой стороны евангельскаго требованія [1]). Въ этомъ случаѣ исходнымъ пунктомъ у проф. М. М. Тарѣева служитъ то положеніе, что «евангеліе не знаетъ двухъ родовъ естественной жизни, оно знаетъ лишь одну естественную жизнь, которая образуется союзами брачными и родственными,—и оно признаетъ эту жизнь безспорнымъ и естественнымъ

[1]) Я не говорю уже о томъ, что „отсѣченіе соблазняющихъ органовъ“ объясняется—согласно съ экзегетическими требованіями—какъ „удаленіе земныхъ привязанностей“. Основы христ., т. II, стр. 254.

благомъ» [1]). Такимъ образомъ, брачная жизнь—сама по себѣ—не только не отрицается евангеліемъ, но и, какъ естественная форма жизни, ничѣмъ другимъ параллельнымъ незамѣнимая, даже и не затрогивается. И это тѣмъ болѣе, что «цѣломудріе въ евангеліи понимается абсолютно, такъ что право на безбрачный родъ жизни отнимается малѣйшимъ движеніемъ похоти и остается только за уродами,—и въ смыслѣ обязательнаго безбрачія *лучше жениться, чѣмъ разжигаться*» [2]). Такимъ образомъ, по мысли профессора, общій, обычный, естественный, даже необходимый, за нѣкоторыми исключеніями, путь жизни—вступленіе въ бракъ. Въ какомъ же смыслѣ «евангеліе заповѣдуетъ отреченіе отъ этого блага»? [3]). Единственно—въ смыслѣ «оставленія семейной жизни, въ смыслѣ жертвы ею для царствія Божія» [4]). А это фактически должно осуществляться именно и только тогда, «когда брачная жизнь бываетъ несовмѣстима съ требованіями евангелія, когда она становится препятствіемъ на пути къ вѣчной жизни, т. е. когда или Христосъ зоветъ человѣка на какой-нибудь подвигъ, не выполнимый въ узкихъ предѣлахъ семейной жизни, или опустившаяся семья начинаетъ опошлять человѣка. И ни въ какомъ случаѣ евангеліе не даетъ основаній для безбрачной жизни по общимъ мотивамъ душеспасенія» [5]). «Вотъ когда позоветъ Богъ семьянина на какое-нибудь Божье дѣло, и онъ благословитъ свою семью, поручитъ ее Богу и добрымъ людямъ, а самъ пойдетъ на геройское дѣло, пытку и смерть и положитъ душу свою за Божію правду, за любовь къ людямъ,—тогда лишь онъ проявитъ себя христіаниномъ. Если же нѣтъ еще этого зова, то христіанская семья ничѣмъ не отличается и не должна отличаться отъ хорошей языческой семьи. Христіаниномъ семьянинъ бываетъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ носитъ въ себѣ эту способность откликнуться на зовъ Божій, но это его отличіе отъ матеріалистически-настроеннаго человѣка ни въ какомъ случаѣ со стороны не можетъ быть усмотрѣно и оцѣнено» [6]).

[1]) Основы христ. т. II, стр. 270. [2]) Ibid, стр. 271.
[3]) Ср. стр. 270. [4]) Стр. 271. [5]) Стр. 271. Ср. т. IV, стр. 420—421.
[6]) Основы христ., т. IV, стр. 411.

[5]) Принципіально, конечно, это вѣрно, но, во 1-хъ, мало мирится съ тѣми мѣстами сочиненій проф. М. М. Тарѣева, гдѣ „ненависть“ къ семьѣ понимается какъ бы въ прямомъ и точномъ смыслѣ, и, во 2-хъ, содержащееся въ приведенной выдержкѣ пониманіе дѣла не выражаетъ ни-

Въ этомъ случаѣ внутренній залогъ истинной христіанственности мирится и съ «семейнымъ эгоизмомъ», если онъ не переходитъ за извѣстные предѣлы [1]). Итакъ, «ненависть» евангельская, по мысли профессора, не только не ведетъ къ безбрачію, но и къ оставленію семьи приводитъ лишь въ извѣстныхъ, — вообще говоря, рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Она не исключаетъ семьи, какъ формы жизни, ни мало не умаляетъ и не ослабляетъ семейныхъ

чего *специфически* христіанскаго,—если только, конечно, не имѣть въ виду, что душа *по природѣ* христіанка. Въ этомъ случаѣ всѣ герои древняго міра, беззавѣтно жертвовавшіе своею жизнью для блага людей, поступали по-евангельски до евангелія. Такое же нравственное геройство встрѣчается,—правда, не очень часто,—и на всемъ протяженіи исторіи человѣчества, до послѣдняго времени. Одинъ изъ подобныхъ характерныхъ случаевъ произошелъ сравнительно недавно, въ Америкѣ. Въ августѣ прошлаго (1908) года разлилась рѣка Колорадо. Телефонная барышня въ глухую полночь была предупреждена, что на деревушку Фользомъ и ея окрестности надвигается наводненіе, что вода идетъ, смывая все на пути. Дѣвушка и не подумала о своемъ спасеніи; она стала поочередно по телефону сообщать жителямъ деревни о неминуемой и страшной опасности. Такимъ образомъ, она успѣла спасти сорокъ семействъ, пока сама не погибла въ бурныхъ волнахъ. По этому поводу г. Столыпинъ въ „Новомъ Времени“ (№ 11656) пишетъ: „когда мы читаемъ о томъ, что грабитель зарѣзалъ старуху, чтобы отнять у нея полтину денегъ, мы ужасаемся предѣламъ паденія человѣческаго, но предѣлы человѣческаго совершенства такъ же велики, такъ же непостижимы, какъ безпредѣльна бездна его паденія. Именно, то обстоятельство, что какая-нибудь непредвидѣнная случайность, въ родѣ наводненія, обнаруживаетъ героевъ духа среди самыхъ простыхъ, самыхъ непритязательныхъ обывателей, довольствующихся скромною и невѣдомою участью, выполненіемъ маленькаго и незамѣтнаго долга, именно это обстоятельство указываетъ на то, что великія сердца вовсе не рѣдкость, что свое величіе и святость они проявляютъ въ мелочахъ будничной жизни, но пусть придетъ трагедія жизни: она ихъ въ расплохъ не застанетъ. Это великое утѣшеніе, потому-что цѣнность такого свѣтлаго, возвышеннаго, самоотверженнаго строя души вовсе не умаляется отъ того, что не было случая его громко и наглядно испытать. Американская телефонистка имѣла счастье на дѣлѣ испытать восторгъ великой жертвы. Я говорю: „счастье“, потому что иначе нельзя представить состояніе ея духа, это пользованіе послѣднимъ часомъ, послѣдними минутами, послѣдними секундами для могущественнаго дѣла спасенія ближнихъ... Сорокъ разъ подъ-рядъ она даровала жизнь прежде, чѣмъ потеряла свою, сорокъ разъ она трепетала восторгомъ того предѣла человѣческой любви, который сливается съ Божественною сущностью“. („Свѣточи жизни“).

[1]) Стр. 410.

радостей, семейныхъ привязанностей. «Нося» въ обычныхъ условіяхъ жизни «чистое евангельское христіанство» «только въ душѣ» [1]), христіанинъ «освящаетъ всю жизнь божественнымъ духомъ» [2]). Онъ «освящаетъ» и «общественныя отношенія и физіологическія связи» [3]). «Разнородные элементы—природная физіологія, человѣческое общество и божественный духъ—именно потому, что они разнородные, сочетаются гармонично по закону полной взаимной свободы и непостижимаго внутренняго взаимоотношенія» [4]). Фактически «бракъ» «даетъ жизнь *человѣку*»—даетъ жизнь ребенку, «спасаетъ» жену и дѣлаетъ «живымъ» его самого» [5]).—Во всемъ этомъ для насъ важны не частности, а лишь то наблюденіе, что и «религіозная проблема» не можетъ обойтись безъ экзегетическихъ пріемовъ и что пониманіе евангельской «ненависти» ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть буквальнымъ. А это—и только это, безъ желанія кого-либо оскорбить,—я и сказалъ. По данному пункту мнѣ хотѣлось бы только замѣтить, что для *принципіальнаго* противопоставленія евангельскаго и святоотеческаго ученія по вопросу о бракѣ и безбрачіи нѣтъ обоснованныхъ данныхъ. Могу утверждать это на основаніи достаточнаго изученія святоотеческихъ твореній по этому вопросу, насколько онъ входитъ въ мою спеціальную область. У наиболѣе авторитетныхъ и знаменитыхъ св. Отцовъ Церкви противопоставляется на бракъ и безбрачіе, а бракъ и *дѣвство*. Подъ послѣднимъ притомъ разумѣется цѣлостное *духовное* настроеніе, въ основѣ котораго лежитъ всецѣлая самопреданность Христу и Его царству. Безбрачіе—лишь отрицательное условіе, *аскетическое средство* для поддержанія и воспитанія такого настроенія, избираемое—предпочтительно передъ бракомъ—лишь по психологическимъ соображеніямъ, примѣнительно къ индивидуальнымъ особенностямъ и обстоятельствамъ каждаго [6]). Брачное состояніе представляетъ препятствія для всецѣлаго послѣдованія Христу, для пріобрѣтенія вѣчной жизни, «не съ точки зрѣнія физической нечистоты», а вслѣд-

[1]) Стр. 411. [2]) Стр. 419. [3]) Ibid. [4]) Ibid. [5]) Стр. 420.

[6]) Ср., напр., *I. Златоустъ*. De poenit. c. III. T. XLIX, col. 303—304. De virginitate c. V—VI. T. XLVIII, col. 537; ibid. c. LXXVII, col. 589—590; De verbis Apostoli: habentes eumdem Spir. I. 6—7. T. LI, col. 277—278. *Василій В.* Sermo ascet. c. I—II, col. 872 B—873 AC. *Меѳодій Патар.* Conviv. dec. virg. Or. XI. Arete. c. I. T. XVIII, col. 208A. *Исидоръ П.* Lib. I. Ep. CCLXXXVI. T. LXXVIII, col. 349 D—352 A и мн. др.

ствіе связанности съ матеріальными заботами, съ естественнымъ эгоизмомъ и узостью семейнаго круга [1]). «Это твоя сестра во Христѣ, поэтому пусть твое соединеніе съ ней будетъ святымъ, освяти это природно-сладкое соединеніе мыслію о ребенкѣ»: «такъ будутъ, по словамъ проф. М. М. Тарѣева, говорить грядущіе пророки» [2]). Но такъ,—конечно, по мысли, а не вербально, — говорили и нѣкоторые Отцы Церкви [3]). «Поднять семью» «путемъ святой личности—абсолютной христіанской цѣнности жены и ребенка» [4]),—это именно святоотеческая мысль, святоотеческій завѣтъ. Если проф. М. М. Тарѣевъ, говоря, что «съ точки зрѣнія аскетической самымъ труднымъ считается примирить съ христіанствомъ скверну муже-женскаго соединенія» [5]), разумѣетъ церковно-историческую точку зрѣнія, въ ея отличіи отъ «евангельской точки зрѣнія», то это фактически не вполнѣ вѣрно: главная особенность святоотеческихъ воззрѣній на бракъ заключается вовсе не въ указанномъ пунктѣ,—я это могу документально доказать. Но самое важное недоумѣніе у меня возникаетъ съ другой стороны. Мнѣ представляется, что, по воззрѣніямъ проф. М. М. Тарѣева, если ихъ провести послѣдовательно, евангеліе, принципіально ни мало не затрогивая природнаго существа брачной жизни, фактически дѣлаетъ бракъ, какъ форму жизни, совершенно невозможнымъ. «Семья, по евангельскому ученію, можетъ стать преградой на пути къ вѣчной (абсолютно-божественной) жизни со стороны семейнаго эгоизма, самымъ наглядным видомъ котораго можно назвать семейную собственность. Что бы понять всю трудность этого столкновенія, слѣдуетъ оцѣнить, съ

---

[1]) Ср., напр., *І. Златоустъ*. Homil. XII in Epistol. ad Colos. T. LXII, col. 588—589. In. Epist. ad Hebr. c. XIII. Homil. XXXIII. n. 2. Homil. XX in Epist. ad Ephes. T. LXII, col 447. In illud, vidi Dominum. Homil. IV. c. I. T. LVI, col 123—124. In. ps. IX. c. 4. T. LV, col 126 и мн. др.

[2]) Основы христ., т. IV, стр. 418.

[3]) Ср., напр., *Аѳинагоръ Аѳинян*. T. VI, col. 965. *І. Златоустъ*. In. epist. ad Ephes. c. I. Hom. II. § 3. T. LXII. col. 20. *Авва Дороѳей*. Doctr. XV, c. 2, col. 1789—1792A. *Аѳанасій А*. Epist. ad Amunem monachum. T. XXVI, col. 1173 BC. *Августинъ*. Confessionum. lib. IV c. I. n. 2. T. XXXII, col. 694. Особенно же опредѣлено *Климентъ А*. Paedagog. Lib. II, c. X, t. VIII, col. 505 A: ἡ γὰο φύσις, ὥσπερ καὶ ταῖς τροφαῖς, οὕτω δὲ καὶ τοῖς κατὰ νόμον γάμοις, ὅσον οἰκεῖον καὶ χρήσιμον καὶ εὐπρεπὲς, χρῆσθαι ἐπέτρεψεν ἡμῖν· ἐπέτρεψε δε ὀρέγεσθαι παιδοποιΐας. Ὅσοι δὲ τὴν ὑπερβολὴν διώκουσι, πταίουσι περὶ τὸ κατὰ φύσιν.

[4]) Стр. 418. [5]) Пр. христ., стр. 232=408.

одной стороны, всю высоту абсолютнаго евангельскаго идеала и, съ другой, всю глубину семейнаго эгоизма. Оставь отца и мать, жену и дѣтей, раздай все имѣніе»: вотъ евангельское требованіе» [1]). «Быть благимъ (разум. Мо. XIX, 16—17 пар.) значитъ жить по-божьему, по абсолютнымъ нормамъ, т. е... раздать *все* свое имущество» [2]). При этомъ семейный эгоизмъ не только «глубокъ, но и неизбѣженъ, непреодолимъ». «Вся культура семьи вырастаетъ единственно изъ семейнаго эгоизма... Но все дѣло въ опредѣленномъ *перевалѣ*: до тѣхъ поръ, пока семейная моральная культура не перешла за этотъ перевалъ, она остается плодомъ семейнаго эгоизма, въ немъ разрѣшается всецѣло, а какъ только перевалила на другой склонъ—склонъ христіанскаго духа, такъ необходимо начинается разрывъ семьи» [3]). Изъ этого дѣлается выводъ, что «примѣненіе евангелія непосредственно къ формамъ мірской жизни», въ частности, «къ устройству семьи» невозможно и не должно имѣть мѣста. «Чистое евангельское христіанство можно носить только въ душѣ» [4]), не примѣняя его непосредственно къ формамъ жизни, въ частности, и къ жизни семейной. «Исключительно-христіанская точка зрѣнія на жизнь есть неизбѣжно аскетическая точка зрѣнія» [5]). Но христіанство не обнимаетъ и не должно обнимать всей жизни. «Если полная жизнь—въ ритмѣ прилива и отлива, то чистое христіанство—одинъ отливъ, оно лишь моментъ въ общей сложности жизни». «Не то, что бы христіанство только въ «пыткѣ и смерти», только въ разрывѣ семьи, но въ нихъ наглядно выражается характерное устремленіе христіанства» [6]). «По евангелію единственное религіозное употребленіе богатства—*полная* его раздача, единственное спасеніе богача—стать бѣднымъ. Богатство служитъ евангелію исчезая, растаивая, и потому богатство для евангелія есть «мамона неправды». Богатствомъ человѣкъ можетъ пріобрѣсти себѣ друзей, какъ это сдѣлалъ «управитель невѣрный»: но управитель пріобрѣлъ себѣ друзей своею невѣрностью интересамъ имѣнія, къ которому былъ приставленъ; такъ и дѣйствительный богачъ можетъ заслужить себѣ христіанское спасеніе, измѣняя своему богатству — *до конца*, *до полной* раз-

[1]) Христ. пробл., стр. 233=Осн. христ., т. IV, 409.
[2]) Осн. христ. т. II, стр. 181, примѣч. 1-е. Курсивъ автора.
[3]) Христ. пробл. 234—235=410—411. [4]) Ibid, стр. 235=411.
[5]) Ibid, стр. 155=328. [6]) Стр. 235=411, примѣч. 1.

дачи его, до нищеты» (Лк. XVI, 9 [1]). Безспорно, что «евангеліе обсуждаетъ богатство и бѣдность въ единственномъ отношеніи ихъ къ вѣчной жизни, къ личнo-религіозной абсолютности» [2]). Но самое существо послѣдней таково, что оно требуетъ безусловнаго исполненія этого евангельскаго призыва. «Нѣтъ ничего противнѣе смыслу евангельской проповѣди, какъ считать абсолютныя христіанскія заповѣди необязательными совѣтами или высшими заповѣдями, предполагающими заповѣди низшія, доступныя большинству и постепенно ведущія къ высшимъ степенямъ совершенства. Нѣтъ, абсолютныя заповѣди суть единственныя заповѣди евангелія; онѣ не стоятъ на вершинѣ христіанской лѣстницы, но ими какъ кончается, такъ и начинается христіанство» [3]). Стало быть, здѣсь нѣтъ лазѣекъ для какихъ-либо компромиссовъ и уступокъ. Такъ дѣйствительно и понимали эту евангельскую заповѣдь величайшіе подвижники. Св. Василій В., напр., о богатомъ юношѣ говоритъ: «видно, что далекъ ты отъ этой заповѣди, и ложно засвидѣтельствовалъ о себѣ, что возлюбилъ ближняго, какъ самого себя. Ибо повелѣніе Господа вполнѣ изобличаетъ тебя, что нѣтъ въ тебѣ истинной любви (τῆς ἀληθινῆς ἀγάπης)... Откуда у тебя такое имѣніе? Попеченіе о нуждающемся расточительно для богатства... Кто любитъ ближняго, какъ самого себя, тотъ ничего не имѣетъ у себя излишняго предъ ближнимъ (ὁ ἀγαπῶν τὸν πλησίον ὡς ἑαυτὸν οὐδὲν περισσότερον κέκτηται τοῦ πλησίον). Но ты оказываешься имѣющимъ большое богатство. Не ясно ли изъ этого видно, что употребленіе его для себя (οἰκείαν ἀπόλαυσιν) предпочитаешь ты облегченію участи многихъ? Поэтому, чѣмъ больше у тебя богатство, тѣмъ меньше въ тебѣ любви» [4]). Здѣсь св. Отецъ стоитъ несомнѣнно на высотѣ евангельской абсолютности и смотритъ на обладаніе имуществомъ съ точки зрѣнія евангельской любви къ ближнему, которая включена въ заповѣдь о любви къ Богу, въ ней содержится, ее необходимо и нераздѣльно дополняетъ, вполнѣ раздѣляя и ея абсолютность. Вотъ здѣсь—то собственно и возникаетъ вопросъ: *какъ* съ точки зрѣнія *этой* абсолютной заповѣди оправдывается какое бы то ни было фактическое обладаніе имуществомъ, безъ чего совершенно невозможна, какъ говоритъ самъ проф. М. М. Тарѣевъ, семейная жизнь? Великіе аскеты

[1]) Т. II, стр. 267—268. [2]) Ibid. [3]) Стр. 182.
[4]) T. XXXI, col. 281 AB.

исполняли эту заповѣдь во всей точности и дѣлали это именно для осуществленія коренной евангельской заповѣди о любви къ ближнимъ. Поэтому именно для нихъ невозможна была и семейная жизнь. Послѣдняя представлялась, кромѣ того, и сама по себѣ кругомъ слишкомъ узкимъ, какъ бы отнимающимъ любовь отъ другихъ людей и замыкающимъ ее поневолѣ въ своихъ тѣсныхъ границахъ. Теперь эта проблема рѣшается иначе: «евангельское христіанство можно носить только въ душѣ», но зато остается полная возможность семейной жизни съ ея естественнымъ, природнымъ эгоизмомъ. По моему мнѣнію, святоотеческое ученіе понимало евангельское ученіе прямѣе и опредѣленнѣе. Здѣсь же для меня все же неясно,—можетъ ли истинный христіанинъ, носящій въ себѣ стремленіе къ вѣчной жизни, владѣть имуществомъ, вести семейную жизнь и проч. Правда, «жизнь все примиряетъ въ себѣ, — многогранная, она всему человѣческому даетъ въ себѣ мѣсто» [1]). Но дѣло-то въ томъ, что «духъ евангельской абсолютности» есть духъ «противоположный всему человѣческому» [2]), а не только начало «разнородное» по сравненію съ «природной физіологіей» и «человѣческимъ обществомъ» [3]). *).

С. Заринъ.

[1]) Христ. пробл. 240=Т. IV, 416. [2]) Ibid, стр. 16=132.
[3]) Стр. 243=419.
*) Продолженіе слѣдуетъ.

О новыхъ книгахъ.

Протоіерей Сергій Петровскій. Одесскій Преображенскій, нынѣ каѳедральный соборъ. Къ столѣтію со дня его освященія. Цѣна 5 рублей, съ пересылкой 6 рублей.

Подъ такимъ заглавіемъ въ августѣ мѣсяцѣ сего года вышла книга, излагающая исторію Одесскаго каѳедральнаго собора, біографіи Херсонскихъ архипастырей, ихъ викаріевъ, каѳедральныхъ протоіереевъ одесскихъ. Изданіе украшено видами собора въ различныя эпохи его существованія и портретами архипастырей и нѣкоторыхъ викаріевъ и каѳедральныхъ протоіереевъ.

Историческому изложенію предмета предшествуетъ краткое предисловіе. Самое сочиненіе дѣлится на пять главъ. Первая глава (стр. 1—80) содержитъ историческое описаніе Одесскаго каѳедральнаго Преображенскаго собора съ 1795 по 1908 годъ.

Послѣ разсмотрѣнія мнѣній о времени основанія собора, авторъ рѣшительно устанавливаетъ дату времени основанія: Одесскій соборъ (при закладкѣ поименованный Николаевскимъ, при освященіи переименованный въ Преображенскій) заложенъ 14 ноября 1795 года Новороссійскимъ митрополитомъ Гавріиломъ.

Въ 1796-мъ году постройку храма принялъ на себя Вознесенскій помѣщикъ, отставной прапорщикъ Шлегель, вмѣстѣ съ майоромъ Ивановымъ, за 24135 руб. 45 коп. и обязался кончить работы въ августѣ 1797 г. Планъ собора сдѣланъ инженеръ-капитаномъ Ванрезантомъ и архитекторомъ Фратоли. Значительныя средства на постройку храма отпущены

чрезъ графа Зубова изъ суммъ (312,135 руб.), ассигнованныхъ Императрицей Екатериной II на постройку общественныхъ зданій въ г. Одессѣ. Шлегель работалъ весь 1796 годъ и успѣлъ вывести зданіе храма до цоколя. Затѣмъ постройка пріостановилась, и возобновилась только съ назначеніемъ на должность Одесскаго градоначальника дюка-де-Ришелье. Этотъ знаменитый мужъ изыскалъ средства на окончаніе постройкой храма. И чрезъ три съ половиной года, по возобновленіи работъ, соборный храмъ оконченъ. Въ 1807 году, по благословенію Екатеринославскаго архіепископа Платона, Одесскій протоіерей Куницкій освятилъ лѣвый предѣлъ храма во имя св. Спиридонія, а въ 1808-мъ году 25 мая освященъ главный предѣлъ храма въ честь Преображенія Господня Преосвященнымъ Екатеринославскимъ Платономъ; въ честь же Святителя Николая освященъ правый предѣлъ храма тѣмъ же архипастыремъ. Затѣмъ послѣ многихъ лѣтъ, именно въ 1840 году 24 мая закончена была постройка колокольни при соборѣ, обошедшаяся въ 93776 руб., каковыя деньги полностію отпущены были изъ городскихъ доходовъ. Въ 1837-мъ году громадная Екатеринославская епархія раздѣлена на двѣ: Екатеринославскую и Херсонскую; въ г. Одессѣ учреждена самостоятельная Херсоно-Таврическая каоедра, и одесскій соборъ переименованъ въ каѳедральный.

Первымъ Одесскимъ архипастыремъ назначенъ преосвященный Екатеринославскій Гавріилъ Розановъ.

Съ прибытіемъ архіепископа Гавріила въ Одессу, оказалось, что для Одесскаго собора, когда онъ сталъ каѳедральнымъ и когда въ немъ начались торжественныя архіерейскія служенія, многаго не достаетъ. Зданіе оказалось недостаточно помѣстительнымъ; зимою въ немъ было холодно; недоставало утвари церковной; облаченій для священнослужителей. Словомъ, скудость сказывалась во всемъ. На помощь явилось Правительство; помогъ городъ; даже частныя лица помогали. Благоустройствомъ храма занимались архипастыри Одесскіе. Капитальное расширеніе собора произведено при первомъ Одесскомъ архипастырѣ Гавріилѣ Розановѣ (стр. 24—31). Много потрудился для собора архіепископъ Иннокентій по наружному и внутреннему обновленію собора (стр. 31—35). Предмѣстникъ его, преосвященный Гавріилъ увеличилъ соборъ пространственно, соединивъ первоначальный храмъ съ колокольней устроеннымъ теплымъ храмомъ за

счетъ церковныхъ, городскихъ и частныхъ, пожертвованныхъ благотворителями, средствъ.

Преосвященный Иннокентій привелъ соборъ въ благолѣпный видъ.

Далѣе капитальное обновленіе собора произведено было при архіепископѣ Димитріѣ (стр. 35—37). Ремонтировался соборъ при архіепископѣ Платонѣ (стр. 37), обновленъ соборъ и въ немъ устроенъ новый мраморный иконостасъ при архіепископѣ Никанорѣ (стр. 37—40); капитальное же переустройство собора произведено при архіепископѣ Іустинѣ. Соборъ очень расширенъ, что потребовало значительныхъ суммъ (стр. 40—46).

Далѣе въ той же главѣ говорится о современномъ внѣшнемъ и внутреннемъ видѣ собора, соборной утвари, ризницѣ, библіотекѣ и цистернѣ (стр. 46—58). Въ текстѣ имѣются двѣ фототипіи и 13 цинкографическихъ изображеній собора снаружи и внутри.

Въ главѣ второй излагаются свѣдѣнія о посѣщеніяхъ собора ихъ Императорскими Величествами: Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной, Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Государыней Императрицей Маріей Александровной и Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ (стр. 59—78)

Ко второй главѣ приложены одна фототипія и три цинкографическихъ рисунка.

Въ этой главѣ собрано очень много животрепещущихъ свѣдѣній о Монархахъ нашихъ и ихъ пребываніи въ Одессѣ. Государи Императоры Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ были въ Одессѣ даже съ супругами. Здѣсь собрано все интересное, что можно было изложить о пребываніи Государей въ Одессѣ. Особенно интересны свѣдѣнія и пребываніи Императора Николая Павловича въ Одессѣ въ 1828 году и обстоятельствахъ, относящихся къ этому времени. Затѣмъ сообщаются тоже интересныя свѣдѣнія о посѣщеніяхъ Одессы Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, посѣтившимъ во время своего царствованія Одессу двѣнадцать разъ. Наконецъ, въ высшей степени трогательно авторъ описываетъ посѣщеніе Одессы Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ.

Въ главѣ третьей изложены свѣдѣнія объ архипастыряхъ Одессы. Г. Одесса, со времени своего основанія, въ церковно-епархіальномъ отношеніи зависѣла отъ Екатеринославскихъ архипастырей до 21 августа 1813-го года. Съ этого же времени г. Одесса въ церковно-іерархическомъ отношеніи стала зависѣть отъ Кишиневскихъ Владыкъ до 9 мая 1837 года, когда Государь Императоръ Николай I-й утвердилъ докладъ Синода объ отдѣленіи Херсонской и Таврической губерній отъ епархіи Кишиневской и объ учрежденіи для нихъ новой самостоятельной епархіи (Херсонской и Таврической).

Посему въ книгѣ излагаются сначала біографіи собственно Екатеринославскихъ и Кишиневскихъ архипастырей. Изъ сихъ архипастырей знаменитѣйшимъ былъ по жизни и по дѣятельности митрополитъ—Банулеско-Бодони. Румынъ по происхожденію, онъ почти всю жизнь посвятилъ русской церкви и русскимъ государственнымъ интересамъ. Воспитанникъ Венгріи и Греціи, онъ воспитывалъ духовное юношество въ Полтавѣ, Кіевѣ и Кишиневѣ. Онъ много содѣйствовалъ дѣлу присоединенія Бессарабіи къ Россіи. Біографія его занимаетъ 21 страницу.

За біографіей митрополита Гавріила слѣдуетъ сообщеніе очень краткихъ свѣдѣній объ архіепископѣ Екатеринославскомъ, Херсонскомъ и Таврическомъ Аѳанасіи Ивановѣ (съ 29 сентября 1799 г. по 18 августа 1805 года). Таковыя же свѣдѣнія сообщаются о другомъ архипастырѣ Екатеринославскомъ Платонѣ Любарскомъ. Скудныя свѣдѣнія и объ архіепископѣ Іовѣ Потемкинѣ, архіепископѣ Екатеринославскомъ (съ 7 февраля 1812 г. по 21 августа 1813 года).

О преемникѣ митрополита Гавріила Димитріѣ Сулимѣ авторъ говоритъ гораздо пространнѣе и изображаетъ его, какъ продолжателя дѣлъ преосвященнаго Гавріила.

Собственно перваго Одесскаго архипастыря Гавріила Розанова (съ 9 мая 1837 года по 1-е марта 1848 года) біографія изложена обстоятельно. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности архипастыря авторъ заимствовалъ изъ автобіографіи его. Въ Одессу Владыка прибылъ изъ Екатеринослава. Для Одессы и Херсонской епархіи преосвященный Гавріилъ очень много сдѣлалъ. Онъ былъ первымъ благоустроителемъ своей обширной епархіи, въ предѣлы которой входила и Таврида. Въ бытность его архипастыремъ Одесскимъ, Одессу посѣтилъ Императоръ Николай I Павловичъ.

При преосвященномъ же Гавріилѣ Одесса подверглась величайшему бѣдствію—чумѣ, противъ которой Владыка принялъ всѣ, отъ него зависящія, мѣры.

Преосвященный Гавріилъ много заботился о благоустроеніи каѳедральнаго собора, открылъ семинарію, училище дѣвицъ духовнаго званія, находилъ время для ученыхъ занятій и былъ изъ числа первыхъ членовъ основаннаго въ 1839 году „Одесскаго общества исторіи и древностей“, въ „запискахъ“ коего печаталъ свои статьи. Много потрудился преосвященный Гавріилъ и для обращенія раскольниковъ въ единовѣріе.

Преосвященный Гавріилъ удѣлялъ много времени на облегченіе участи несчастныхъ заключенныхъ.

Изъ Одессы Владыка Высочайшимъ указомъ 1 марта 1848 г. переведенъ былъ въ Тверь.

Въ Одессу переведенъ былъ послѣ архіепископа Гавріила-архіепископъ Иннокентій Борисовъ (съ 24 февраля 1848 г. по 26 мая 1857 года) изъ Харькова.

Въ біографіи этого великаго святителя, изложенной на страницахъ 125—208, авторъ книги собралъ все, что свидѣтельствуетъ о величіи души сего святителя.

Сей великій мужъ не оставилъ безъ вниманія ни одной отрасли жизни въ своей епархіи: ученый, духовный витія, историкъ, составитель акаѳистовъ и каноновъ, безбоязненный и безстрашный архипастырь, безстрашно и отважно, подъ градомъ пуль, посѣщавшій въ Крыму мѣста военныхъ дѣйствій, благоговѣйный совершитель богослуженій, возстановитель древнихъ, давно забытыхъ, обителей и храмовъ, онъ слишкомъ много сдѣлалъ для церкви вообще, и для епархіи въ особенности, чтобы его имя забыто было. Біографію Иннокентія авторъ книги заканчиваетъ такъ: „Память Иннокентія и поднесь жива не только въ Херсонской епархіи, но и во всей Россіи. Его словами народъ и по нынѣ возноситъ свои молитвы къ Богу. Его поученіями онъ восторгается и увлекается по нынѣ. Первая седмица Великаго—поста, Великій постъ, слова о веснѣ, послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа—все еще остаются во многихъ семьяхъ настольными книгами, какъ и 50 лѣтъ назадъ“.

„Горячее чувство любви и уваженія почтило память Иннокентія стихотвореніями, которыя ясно показываютъ, насколько высоко цѣнили русскіе православные люди дарова-

ніе и способности Иннокентія, его труды, значеніе и заслуги православной церкви и отечеству".

Послѣ Иннокентія на каѳедрѣ Одесской былъ архіепископъ Димитрій Муретовъ. Этотъ архипастырь былъ въ Одессѣ двукратно: съ 11 іюня 1857 года по 2 октября и съ 20 февраля 1882 года по 14 ноября 1883 года. Впервые преосвященный Димитрій прибылъ въ Одессу изъ Тулы, во второй разъ изъ Ярославля.

Въ біоргфіи преосвященнаго Димитрія сообщается характерный случай: въ бытность въ Кіевской лаврѣ, Государь Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на высокаго и осанистаго архимандрита, который вмѣстѣ съ митрополитомъ встрѣчалъ Государя.

Чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени этотъ сановитый архимандритъ по Высочайшему повелѣнію былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода представилъ его Государю, Государь Императоръ просилъ о. архимандрита благословить его супругу и дѣтей. При этомъ маленькая княжна вцѣпилась въ длинную бороду отца архимандрита, такъ что Государю пришлось освобождать руку малютки изъ бороды.

Этотъ архимандритъ былъ Димитрій Муретовъ. Скоро онъ былъ хиротонисанъ въ санъ епископа. Это былъ архипастырь милостивецъ и безсребренникъ. Одесса любила и чтила его. Въ память его святаго покровителя Димитрія посвященъ въ Одессѣ храмъ на новомъ кладбищѣ. Преосвященный Димитрій оставилъ послѣ себя множество печатныхъ трудовъ.

Біографія архіепископа Леонтія кратка, но характерна. Въ ней собрано все, что можетъ представить въ надлежащемъ свѣтѣ этого дѣловитаго и многопопечительнаго архипастыря.

Біографія архіепископа Іоанникія изложена вся почти словами одного изъ преемниковъ его по Одесскѳй каѳедрѣ преосвященнаго Никанора (Бровковича).

Архіепископъ Никаноръ, бывши ректоромъ въ Саратовской духовной семинаріи, въ бытность тамъ Іоанникія епархіальнымъ архіереемъ, отлично изучилъ его. Въ Саратовѣ дамы называли его „кардиналомъ Мазарини". Самъ Никаноръ находилъ его похожимъ на Ришелье, съ той разницей, что кардиналъ Ришелье держался прямо, а Іоанникій дер-

жался согбенно. Однимъ своимъ взглядомъ и поворотомъ усовъ сокрушалъ и повергалъ монаховъ, позволявшихъ нѣкоторую свободу, во прахъ. Одного ученаго священника, допустившаго нѣкоторую вольность (онъ осмѣлился показать архіепископу, привезенную изъ-заграницы, запрещенную книгу), архіепископъ Іоанникій съ помощію администраціи, въ 24 часа выслалъ изъ Варшавы. Одно время онъ былъ ближайшимъ кандидатомъ въ митрополиты. Но и на этого осторожнѣйшаго и предусмотрительнѣйшаго архипастыря пришла невзгода, и онъ заболѣлъ. Въ Одессу онъ пріѣхалъ умирать. Скончался онъ 28 февраля 1887 г. и погребенъ въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Послѣ него печатныхъ трудовъ не осталось.

Послѣ Іоанникія на Одесскую каѳедру перемѣщенъ изъ Новочеркасска архіепископъ Платонъ Городецкій. Вездѣ, гдѣ ни служилъ преосвященный Платонъ, въ Вильнѣ, Псковѣ, Ригѣ, Новочеркасскѣ, Одессѣ и Кіевѣ, онъ оставилъ по себѣ память великаго правдолюбца, знатока законовъ и опытнѣйшаго работника. Его управленіе всѣми епархіями, въ коихъ онъ былъ, ознаменовалось многими существенными преобразованіями и нововведеніями. Такъ было и въ Одессѣ. Изъ Одессы Платонъ преосвященный перемѣщенъ былъ митрополитомъ въ Кіевъ.

Архіепископъ Никаноръ, управлявшій Херсоно-Одесской каоедрой съ 12 декабря 1883 года по 27 декабря 1890 года, наслѣдовалъ по каоедрѣ архіепископу Димитрію.

Біографія, или собственно, автобіографія архіепископа Никанора изложена на 83 страницахъ. Вся жизнь и дѣятельность архіепископа изображена его собственными словами, извлеченными изъ сочиненій приснопамятнаго владыки. Ученый, администраторъ, прекрасный человѣкъ, архіепископъ Никаноръ выступаетъ въ своихъ произведеніяхъ весь, какъ онъ есть, во весь ростъ.

Ни одинъ изъ архипастырей Одесскихъ не оставилъ послѣ себя такого множества сочиненій и не вызвалъ такого множества замѣтокъ, сочиненій и воспоминаній, какъ Никаноръ Бровковичъ.

Архіепископъ Сергій Ляпидевскій былъ на Одесской каоедрѣ менѣе трехъ лѣтъ. Литература о немъ болѣе, чѣмъ скромна. Поэтому и авторъ книги помѣстилъ очень краткую біографію. Въ бытность Одесскимъ архипастыремъ,

преосвященный Сергій проявилъ себя строгимъ ревнителемъ церковныхъ уставовъ, требовательнымъ начальникомъ и ревностнымъ проповѣдникомъ Слова Божія. Проповѣди его были кратки, но содержательны. Послѣ него остались печатныя собранія проповѣдей. Служеніе его отличалось торжественностію и благолѣпіемъ.

Слѣдовавшій за преосвященнымъ Сергіемъ архипастырь Іустинъ Охотинъ перемѣщенъ былъ въ Одессу изъ Житомира. На Одесской каѳедрѣ онъ пробылъ съ 3 сентября 1893 года по 26 марта 1905 года. Вездѣ, гдѣ святительствовалъ преосвященный Іустинъ, въ Курскѣ, Харьковѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Одессѣ, онъ отличался широкой благотворительностію. Въ Одессѣ особенно проявилъ архипастырь свою благотворительность не только пожертвованіями разнымъ пріютамъ и обществамъ, не только помощью десяткамъ и сотнямъ дѣйствительно нуждающихся, но и дѣломъ болѣе крупнымъ: устройствомъ богадѣльни для престарѣлыхъ и немощныхъ лицъ духовенства епархіи. Для этой богадѣльни Владыка пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ около 30 тысячъ рублей. При немъ освящено было зданіе духовной семинаріи, о благоустроеніи коей онъ много заботился. По мысли преосвященнаго Іустина при Одесской духовной семинаріи была учреждена противо-раскольническая миссія и реорганизована противо-сектантская.

26 марта 1905 года преосвященный Іустинъ уволенъ отъ управленія епархіею и поселился въ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ, который отданъ былъ ему въ управленіе. Въ этомъ монастырѣ онъ и скончался, въ храмѣ у Св. Престола, 79 лѣтъ отъ роду.

Къ главѣ третьей приложены 10 портретовъ архипастырей Одессы, факсимиле архіепископа Платона Любарскаго и 4 цинкографическихъ изображенія медалей преосвященнаго Иннокентія.

Въ главѣ четвертой сообщены свѣдѣнія объ учрежденіи викаріатствъ въ Херсонской епархіи и краткіе біографическія свѣдѣнія о преосвященныхъ викаріяхъ Херсонской епархіи, епископахъ Новомиргородскихъ и Елисаветградскихъ.

Первое викаріатство учреждено было въ 1853 году. Его послѣдовательно занимали епископы: Поликарпъ, Антоній, Софонія, Нафанаилъ, Израиль, Далматъ, Николай, Іустинъ, Николай и Мемнонъ. Второе викарство учреждено въ 1880 г.

Его послѣдовательно занимали епископы: Неофитъ, Акакій, Іоаннъ, Тихонъ и Хрисанфъ.

Обо всѣхъ сихъ архипастыряхъ изложены въ книгѣ краткія, но характерныя біографическія свѣдѣнія. Почти всѣ перечисленные епископы-викаріи заняли впослѣдствіи самостоятельныя каѳедры; нѣкоторые здравствуютъ доселѣ и находятся на покоѣ, многіе же почили.

Къ главѣ четвертой приложены три фотографическихъ портрета преосвященныхъ викаріевъ.

Въ главѣ пятой изложены біографическія свѣдѣнія настоятелей и каѳедральныхъ протоіереевъ Одесскаго Преображенскаго собора (стр. 395—480).

Біографіи сначала настоятелей Одесскаго собора, а затѣмъ каѳедральныхъ протоіереевъ, начиная съ Исидора Гербановскаго, представляютъ громадный интересъ и значеніе.

Въ этихъ біографіяхъ представлены ходъ и развитіе церковной жизни трехъ епархій настоящаго времени, точнѣе даже четырехъ: Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Кишиневской; ибо, постепенно, одна за другой возникали на югѣ Россіи въ новоприсоединенныхъ областяхъ новыя епархіи: Екатеринославская, Кишиневская, Одесская и, наконецъ, Таврическая, и всѣ духовныя лица, подвизавшіяся въ Кишиневѣ или Одессѣ, на нивѣ церковной, передвигались изъ одной епархіи въ другую.

Авторъ описываемымъ лицамъ удѣляетъ, впрочемъ, однимъ больше вниманія, другимъ меньше, очевидно, смотря, по количеству матеріала, имѣвшагося подъ руками.

Но всетаки всѣ описанныя лица изображены съ достаточною полнотою. Но особенно выразительно очерчены личности протоіереевъ: Куницкаго, Гербановскаго, Знаменскаго и Павловскаго. Что касается протоіерея Лебединцева, то личности этого замѣчательнаго человѣка авторъ удѣлилъ въ книгѣ 37 страницъ изъ 480 страницъ, въ коихъ изложены исторія собора и біографіи всѣхъ дѣятелей, соприкосновенныхъ съ исторіей собора, т. е. о. протоіерею А. Г. Лебединцеву удѣлена почти тринадцатая часть книги. Лебединцевъ дѣйствительно былъ человѣкъ замѣчательный, — одинъ изъ пяти братьевъ, кои всѣ замѣчательны въ своемъ родѣ.

Современникъ Иннокентія, севастополецъ, проведшій все время осады въ Севастополѣ, безбоязненно ходившій подъ выстрѣлами для совершенія священнодѣйствія, имѣвшій ме-

даль за пребываніе въ Севастополѣ и крестъ на Георгіевской лентѣ, лично извѣстный всѣмъ современнымъ ему Государямъ, отклонившій неоднократно честь принять на себя санъ епископства, заведшій и ведшій лѣтопись собора, оставившій послѣ себя замѣчательную переписку — былъ крупной личностью, оставившей послѣ себя замѣчательный слѣдъ въ исторіи цѣлаго края. На его біографіи стоило остановиться. Тѣмъ болѣе, что авторъ былъ довольно значительный промежутокъ времени сослуживцемъ достопочтеннаго о. Арсенія Лебединцева.

Съ любовію также останавливается авторъ на личности о. протоіерея Гавріила Селецкаго, съ которымъ былъ связанъ узами дружбы.

На 83-хъ страницахъ, кои помѣщены подъ отдѣльнымъ счетомъ, напечатаны приложенія, числомъ 61.

На стр. 81—83 помѣщены списки ключарей собора, священниковъ, протодіаконовъ и діаконовъ, съ обозначеніемъ, съ какого и по какой годъ они служили при соборѣ.

Далѣе идутъ примѣчанія, алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ и оглавленія.

Примѣчанія занимаютъ XXIX страницъ и состоятъ изъ указаній источниковъ, коими пользовался авторъ, и подробныхъ замѣчаній и сообщеній, коимъ не нашлось мѣста въ книгѣ, и составляютъ богатѣйшій библіографическій матеріалъ. Здѣсь можно найти всѣ свѣдѣнія, гдѣ, что и когда напечатано о какомъ-либо изъ упоминаемыхъ въ книгѣ лицъ, объ архипастыряхъ же въ особенности. Особенной же и нарочитой чести удостоился архіепископъ Никаноръ. Онъ и самъ о себѣ много возглашалъ. Но о немъ, какъ ни о комъ другомъ, много писали, пишутъ и будутъ писать.

Вообще же объ этой книгѣ можно сказать, что это выдающійся трудъ по богатству содержащагося въ ней разнообразнаго матеріала, который могъ быть собранъ, только благодаря особенно благопріятнымъ условіямъ, въ которыхъ находился авторъ, бывшій довольно продолжительное время священникомъ описаннаго имъ каѳедральнаго собора, и по искусной группировкѣ изложенныхъ въ книгѣ фактовъ.

Къ изданію книги авторъ подготовлялся, такъ сказать, постепенно. Сначала онъ составилъ описаніе и историческій очеркъ мѣстно чтимой Касперовской иконы Богоматери; затѣмъ составилъ разборъ сказаній о путешествіи св. апостола

Андрея Первозваннаго въ древнюю Скифію; далѣе появилась книга „Одесскій каѳедральный Преображенскій соборъ“ (1894 г.), одновременно съ ней явилась книга „семь Херсонскихъ архіепископовъ, біографіи съ приложеніемъ портретовъ“ (1894 г.), „Экзархъ Гавріилъ Банулеско-Бодони и его учебно-административная дѣятельность“ и Иннокентій архіепископъ Херсонско-Таврическій, къ столѣтію со дня его рожденія (1901 г.).

Такимъ образомъ авторъ книги давно уже готовъ былъ къ начертанію ея, и она останется надолго памятникомъ его трудолюбія и искусства.

А. Крыловъ.

Редакторъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи
Петръ Смирновъ.